

РАССКАЗЫ
О СТРАНАХ
ВОСТОКА

В. И. Манвелов

**В стране
заоблачных вершин**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. И. Манвелов

В стране заоблачных вершин

Издание 2-е, дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *Л. Б. АЛАЕВ*,
Л. М. БЕЛОУСОВ, *А. Б. ДАВИДСОН*, *Н. Б. ЗУБКОВ*,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, *Р. Г. ЛАНДА*, *Н. А. СИМОНИЯ*

Ответственный редактор

И. Б. РЕДЬКО

Фото автора

Манвелов В. И.

М23

В стране заоблачных вершин. Послел.
И. Б. Редько. Изд. 2-е, доп. М.: Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1986.

239 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге в живой и популярной форме рассказывается об истории и жизни народов Непала. Читатель познакомится с древними памятниками архитектуры и искусства, интересными обычаями и традициями, живописной природой и богатым животным миром этой удивительной страны, вместе с участниками советской гималайской экспедиции 1982 года совершит восхождение на высочайший пик мира Эверест.

М 1905020000-076
013(02)-86 70-86

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982; 1986, с изменениями.

Глава I

ИЗ XXI ВЕКА В XII!

«Все климатические зоны мира! Высочайший пик на земном шаре! Здесь родился Будда! Единственное индуистское королевство в мире!» — призывно кричат со стен туристических бюро рекламные плакаты. Воображение сразу рисует обширный континент. Однако речь идет лишь об одной относительно небольшой горной стране — Королевстве Непал.

На юге страны растут густые тропические леса. Там водятся носороги. Чем дальше на север, тем местность становится более пересеченной, а климат еще суровее. Бесконечные цепи горных вершин, покрытых снегами, — настоящий рай для альпинистов. С юга на север Непал простирается в среднем на двести пятьдесят километров. Значит, будь он равнинной страной, климатические условия на всей территории были бы примерно одинаковыми. Но в том-то и дело, что Непал — это равнины и возвышенности, высочайшие горы и глубокие долины. Вследствие колоссальной разности высот между крайними точками севера и юга страны климатические условия на относительно небольшой территории сменяются очень быстро.

Трудно себе представить, что, преодолевая это расстояние, можно попасть из тропиков с изнуряющей жарой в ледящий холод вечных снегов. Всего двести пятьдесят километров, но каких! Узкой полоской протянулись южные, равнинные районы (тераи), за которыми возвышаются холмы, затем рельеф местности резко меняется.

На пути встают горы, вдалеке виднеются заснеженные пики. Шутка ли, максимальная разность высот достигает 8600 метров!

Впервые я оказался в Непале летом 1965 года. Тогда я имел довольно смутное представление об этой стране, лишь какие-то сенсационно-загадочные сведения.

— Непал?! Страна, где обитает снежный человек? — в один голос твердили знакомые, когда узнавали, что мне предстоит поездка туда.

Однако это скорее разжигало мой интерес, нежели пугало.

В то время скоростные реактивные лайнеры не могли совершать посадки в небольшом аэропорту Катманду, поэтому из Дели мне пришлось лететь до непальской столицы на стареньком двухмоторном самолете. Хотя перелет, включая остановку в Варанаси, занял около шести часов, он был, несомненно, более впечатляющим, чем нынешний, на который уходит немногим более часа. Наш выдавший виды самолет не рискнул подняться на большую высоту, откуда из иллюминаторов, кроме облаков, ничего не увидишь, и медленно проплывал над территорией Индии. Под крылом виднелась выжженная солнцем и окутанная пылью земля.

Через некоторое время молодая стюардесса в сари объявила, что мы пересекаем индийско-непальскую границу. Наконец-то я в этой загадочной стране! Я буквально прилип к стеклу иллюминатора. Внизу простиралась все та же равнина, на которой яркой зеленью выделялись джунгли. Взревели моторы — началось предгорье. Вот зеленовато-серые громадины пошли в атаку на наш беззащитный перед этими исполинами самолет, который уже и не пытался их преодолеть, а лишь лавировал между вершинами. Хотя большинство пассажиров не впервые совершали подобный перелет, однако и они не могли удержать возгласов восхищения, когда перед ними открылась сказочная панорама сверкающих девственной белизной снегов Гималаев.

Мне удалось пробраться в кабину и поговорить с молодым командиром экипажа. (Мы познакомились с ним еще в Варанаси.) Пытаясь перекричать шум моторов, он, обращая ко мне, выпалил:

— Эверест! — и кивнул в сторону снежной гряды.

— Эта? — я показал на высокую вершину.

— Да нет, — уже сердито оборвал меня пилот, — вот она!

Он махнул рукой в сторону ничем не приметной вершины, затерявшейся среди других, казавшихся более высокими заснеженных пиков.

Я всегда был уверен, что Эверест¹ — какой-то бастион, возвышающийся над всеми остальными горами, а увидел пик, который, на мой взгляд, ничем не отличался от многих других. Пилот, заметив на моем лице откровенное разочарование, снисходительно бросил:

— Такое впечатление Эверест производит только издали, а вы попробуйте добраться пешком хотя бы до его подножия, тогда узнаете, что это такое!

...Я находился в пути несколько часов, а перенесся из 1965 года в 2022-й... Как будто оказался в машине времени — шесть часов, и ты уже в XXI веке. Однако все, что я увидел по дороге из аэропорта в Катманду, несколько не соответствовало картинам, которые так красочно нарисовали нам писатели-фантасты в своих романах о будущих столетиях. Вдоль дороги стояли кирпичные домишки с окнами без стекол. По улице лениво разгуливали коровы и собаки, не обращавшие никакого внимания на объезжающие их лязгающие и чихающие старенькие автомобили.

И тем не менее в Непале уже наступил XXI век. Дело в том, что в стране официальным календарем является индуистский солнечный календарь *Бикрам самбат*, за начало которого принимается 57 год до нашей эры. Вот почему 1965 год здесь считался уже 2022-м, а точнее, 2021/22-м, так как по календарю Бикрам самбат год начинается не 1 января, а в апреле, и первый день может приходиться и на тринадцатое и на четырнадцатое число. Хотя по непальскому календарю в году те же 365 дней и те же двенадцать месяцев, однако соотнести числа двух календарей весьма сложно.

Непальский месяц может длиться и 29 и 32 дня. Поэтому даже государственный праздник Непала — Национальный демократический день празднуется здесь и 18 и 19 февраля. Однако, чтобы не вносить путаницу, для других стран издан соответствующий указ отмечать этот день за границей 18 февраля. В этот день в 1951 году была опубликована королевская прокламация, которая венчала борьбу демократических сил Непала против деспотического режима семейства Рана, продержавшего эту экзотическую страну в изоляции от всего мира более ста лет.

¹ Эверест (Джомолунгма, Сагарматха) — высочайший на Земле горный массив на границе Непала и КНР. Высота — 8848 метров над уровнем моря, имеет форму пирамиды, южный склон более крут. С массива во все стороны стекают ледники, оканчивающиеся на высоте около 5000 метров. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Распространен в Непале также и лунный календарь *Невар самбат*, или, как его здесь еще называют, *Непал самбат*, берущий начало в 880 году нашей эры. Ему следуют невары — коренные жители долины Катманду.

Мы перечислили далеко не все действующие в Непале календари. Есть еще летосчисление *Сакья самбат*, за начало которого берется 78 год нашей эры. Таким образом, оказавшись в Непале, можно одновременно заглянуть в двухтысячный год и шагнуть почти на девять веков назад.

Меня очень заинтересовала история происхождения этих календарей. Однако все попытки докопаться до истины так ни к чему и не привели. Никто из непальцев, с которыми мне приходилось беседовать, не мог дать исчерпывающий ответ. Мои собеседники непременно вспоминали одну и ту же легенду.

Жил да был раджа когда-то (время соответственно меняется в зависимости от того, о каком летосчислении идет речь). Однажды утром он увидел, что песок на берегу реки неподалеку от его дворца превратился в золото. Раджа тут же послал на берег своего слугу и приказал ему набрать столько золотого песка, сколько хватило бы, чтобы выплатить все долги жителей королевства... Сказочные берега, конец всем бедам. Согласитесь, лучшего начала новой «счастливой эры» трудно придумать. До сих пор из поколения в поколение передаются сказания о легендарном радже.

Многочисленные религиозные праздники, и коронация монарха, и даже такое незначительное, на наш взгляд, событие, как сборы в дорогу, в Непале совершаются с благословения астрологов.

Астрологи пользуются здесь большим почетом и уважением. Они и в наше время играют важную роль в жизни любого непальца — будь он самым бедным кули, у которого нет ни копейки за душой, или богатым человеком.

Непосредственное участие священнослужителей в жизни непальца начинается с рождения ребенка. Они регистрируют не только день, час, но и мгновение появления на свет нового человека. Тут же составляется гороскоп новорожденного. Священнослужитель также дает имя ребенку. Гороскоп невесты обязательно показывают духовному наставнику жениха. Последний тщательно сопоставляет гороскопы и, не найдя в них никаких несоответствий и противоречий, дает окончательное

согласие на брак. Правда, в наши дни мнение священнослужителя о том, могут ли жених и невеста вступить в союз, не всегда является последним и решающим для молодых. Когда человек уходит из жизни, он уносит с собой свой гороскоп. Его кладут покойнику под голову, после чего тело сжигают.

Внимание к словам астролога, на наш взгляд, доходит до абсурда. Так, например, перед тем как приобрести землю или дом, покупатель непременно берет кусочек земли, щепки или штукатурку и несет астрологу, который «вычисляет», принесет покупка счастье или нет.

Рассказ об астрологах будет не совсем полным, если не вспомнить одну древнюю легенду. Давным-давно в Катманду жил Барами — всеми уважаемый астролог. Он решил составить точный гороскоп своему сыну-первенцу. Чтобы сделать это по всем правилам, надо знать мгновение, в которое появился на свет новорожденный. Барами подвесил у кровати роженицы колокольчик и наказал повивальной бабке позвонить в него в тот момент, когда родится ребенок. Раздался звон колокольчика, и Барами тут же составил гороскоп, который свидетельствовал, что новорожденный... не его сын. Оскорбленный, он покинул свой дом и уехал подальше от Катманду.

Прошли годы. Дак, ребенок, который появился на свет под звон колокольчика, вырос и стал не менее известным астрологом, чем его отец. Однажды индийский царь Ашока, правивший в середине III века до нашей эры, решил отправиться по святым местам. Он призвал к себе всех выдающихся астрологов, в том числе Барами и Дака, чтобы они определили день, удобный для начала путешествия. Дак справился с задачей быстрее всех. Другие астрологи, занятые той же проблемой, также единодушно пришли к мнению, что вычисленный Даком день действительно является благоприятным для начала путешествия.

Барами был очарован искусством Дака (он, конечно, не знал историю последнего) и решил стать его учеником. И тогда вместе с Ашокой отправились в путешествие молодой учитель и престарелый ученик. Когда они прибыли в Катманду, Дак решил устроить своему ученику проверку. Он задал ему всего лишь три вопроса: когда наступит благоприятный день, что тогда упадет с неба и куда? Барами быстро сделал подсчеты, из которых следовало, что этот день наступит в полнолуние

месяца *чайтра* (непальский месяц чайтра длится с середины марта до середины апреля) в 12 часов 12 минут. В тот день с неба упадет рыба в районе Асан Тола, на расстоянии 12 локтей от храма Аннапурны.

Выслушав Барами, Дак заметил, что в подсчетах имеются некоторые неточности. Он считает, что падение должно произойти несколько ближе к храму, чем вычислил Барами. Однако старый астролог твердо стоял на своем. Обоим астрологам ничего не оставалось, как пойти вместе в знаменательный день в Асан Тол и увидеть все своими глазами. Так они и сделали. Оказалось, что именно в тот день с неба в указанное время действительно упала рыба, но произошло это в том месте, на которое указал Дак. Тогда учитель объяснил растерянному ученику, что при подсчетах Барами не принял во внимание силу ветра.

Тут Барами осенило, что он допустил аналогичную ошибку при составлении гороскопа для сына. Ведь тогда он не учел время прохождения звука от удара в колокольчик из спальни в ту комнату, где Барами в то время находился.

Он составил новый гороскоп и ужаснулся — сын был его. Несчастный отец поспешил к покинутой жене и нашел ее в обществе Дака. Казалось бы, вот он, счастливый конец легенды. Однако, по непальским обычаям, сын должен благоговеть перед отцом, а ученик перед учителем. Что же делать? С одной стороны, Дак должен почитать Барами как своего отца, а с другой — Барами обязан преклоняться перед Даком как перед своим учителем. Пришлось обратиться за помощью к священнослужителю, который довольно оригинально решил эту трудную задачу. Он посоветовал отцу установить каменное изваяние рыбы на том месте, куда она упала в знаменательный день в соответствии с подсчетами его сына. До сих пор рядом с храмом Аннапурны в Асан Толе стоит это ничем не приметное с виду изваяние — свидетельство событий далеких лет, ставших легендой.

Судя по всему, астрологи в определенной степени влияют не только на принятие решений простого непальца, но и на поступки монархов. Однажды во время церемонии, которая проходила в непальской столице, меня познакомили с пожилым, на первый взгляд ничем не примечательным человеком, который оказался личным астрологом короля Бирендры, вступившего на престол

в январе 1972 года, а коронованного три года спустя — в феврале 1975 года.

Король Бирендра — десятый монарх правящей династии Шахов. В январе 1972 года умер его отец король Махендра, и бразды правления перешли по наследству от отца к старшему сыну, однако коронация состоялась только через три года, так как, по непальским обычаям, после смерти короля следует соблюдать в течение года траур. К тому же, по мнению астрологов, 1973 и 1974 годы оказались крайне неблагоприятными для коронации. Поэтому она состоялась лишь в феврале 1975 года. Действительно, теперь это была, в представлении непальцев, не просто коронация, а «благоприятная».

Как проходит «благоприятная» коронация, состоящая из нескольких этапов?

Вымощенный каменными плитами внутренний дворик средневекового королевского дворца Хануман Джокка в центре столицы. На возвышении под ярко украшенным балдахином ставят древний трон. Спинкой его служат расходящиеся веером кобры, головы которых образуют как бы венец над монархом. Слева от трона, на расстоянии вытянутой руки, экзотический помост в цветах. На нем лежат также фрукты и другие атрибуты индуистского культа.

Брахман в ярких парчовых одеяниях зажигает священный огонь и устанавливает его рядом со священным кувшином, наполненным священной водой из священных рек (не удивляйтесь этому часто повторяющемуся эпитету «священный»: ведь коронуется монарх, который почитается в стране божеством, живым воплощением бога Вишну на земле). Здесь же ставят кувшины, изображающие бога благополучия Ганеша с головой слона, курят благовония. Священнослужители нараспев читают молитвы. В них воспеваются «хорошие» боги индуистского пантеона. При этом священнослужители то и дело бросают в пламя зерна — совершают жертвоприношения Агни, богу огня.

Пышная церемония началась. Сначала, согласно древним обычаям, будущий монарх должен пройти ритуал очищения — *снана*. Для этих целей индуисты используют, например, землю. Не случайно после туалета некоторые непальцы до сих пор предпочитают протереть руки землей, а не мыть водой. Однако для короля готовится специальная смесь, в которую входит двенадцать компонентов, в том числе пыль с победоносного

королевского штандарта, щепотка, взятая из муравейника, земля со стопы слона, ил с места слияния рек, а также земля из загона для слонов, конюшни и хлева.

После символического ритуала очищения король, восседающий на троне в «позе лотоса» (скрестив ноги), готов к следующему ритуалу — церемонии *абхишека*, или окроплению, — которая считается одной из важнейших. Окропление, как утверждают, не только отгоняет нечистый дух от короля, но и наделяет будущего монарха всеми качествами, необходимыми для успешного управления государством.

Для этой церемонии устанавливаются искусно украшенные маленькие *калаши* — золотые, серебряные, медные, деревянные либо слепленные из земли или из глины кувшинчики. Одни калаши наполнены священной водой из мест паломничества индуистов, другие — яркими цветами, редкими целебными травами, светло-зелеными побегам растений, драгоценными металлами и камнями и даже... фруктовыми соками.

В церемонии окропления святой водой могут участвовать все, в том числе непальцы из касты неприкасаемых и даже женщины, которые здесь пока еще не пользуются всеми правами наравне с мужчинами. С одной стороны, окроплением утверждается король в своей власти, с другой — народ как бы отдает себя во власть монарха. Иными словами, одним выстрелом убиваются сразу два зайца.

После церемонии *абхишека* начинается заключительный этап коронации — *асанарохама*, или возведение на трон. В ней непосредственно участвуют важные персоны. В руках у них различные атрибуты королевской власти и сверкающее в лучах солнца богатое оружие. Между тем неподалеку от трона священнослужители продолжают петь молитвы, в которых превозносятся боги индуистского пантеона.

Что касается древнего трона, то его обычно покрывают шкурами волка, дикой кошки, леопарда и тигра. На санскрите «трон» — *синхасана*, что значит «львиный престол». На нем никакой шкуры льва нет, есть шкура тигра. Когда-то тигров в гималайском королевстве было довольно много, но пышные охоты на тигра со слонов устраивались так часто, что этот предмет гордости всех уважающих себя охотников и искателей приключений стал в стране большой редкостью.

Наконец наступает торжественный момент — появ-

зывание на голову монарха шитой золотом налобной повязки, на которой изображены боги Вишну, Ганеш, а также слон (символ удачи) и дерево бел (символ роста и развития). На повязку, вобравшую в себя столько благочестивых начал и надежд, надевается сверкающая драгоценными камнями и увенчанная яркими перьями райской птицы корона. Монотонное пение индуистских священных текстов разрывает пушечный салют из 31 залпа. Церемония коронации подходит к концу. Слышатся возгласы:

— Да здравствует правитель единственного в мире индуистского королевства, живое божество!

Теперь настала очередь священнослужителям отбивать поклоны перед новым правителем. Однако и ему предстоит, правда лишь раз в году, преклонить голову перед еще одной легендой Непала — живой богиней Кумари, но об этом мы еще расскажем.

На слоне под балдахинном коронованный монарх направляется к храмам, чтобы воздать должное богам. Затем по запруженным до отказа узким улицам непальской столицы красочная процессия возвращается на место коронации. Посланцы иностранных государств, видные государственные деятели и военачальники произносят приветственные речи. Причем участвующие в этой церемонии непальцы поклоны непременно сопровождают денежными подарками.

Как мы уже говорили, в Непале индуисты издревле почитают правителя здравствующим божеством, живым воплощением бога Вишну — одного из главных богов индуистского пантеона. Вот почему коронация живого божества «благоприятна» всем индуистам. Если вам посчастливилось увидеть правителя, значит, весь день будет для вас «благоприятным».

И тем не менее нельзя утверждать, что непальцы до сих пор слепо полагаются на знамения, гороскопы, дурной глаз. Правда, они тщательно соблюдают древние обычаи и ритуалы, участвуют в религиозных праздниках. Однако современный непалец — это человек, живущий сегодняшними проблемами, и не только своими собственными, но и всей страны.

Праздники и ритуалы, пришедшие в настоящее из древней легенды, — неотъемлемая часть жизни непальцев. Но какими бы впечатляющими эти праздники ни были, после них всегда наступают будни, наполненные трудом и заботами. Конечно, трудностей у развиваю-

щейся страны и в настоящее время немало. В том, как успешно непальский народ преодолевает их, я убедился собственными глазами, когда в конце 1975 года приехал в Непал во второй раз после довольно долгого перерыва.

В долине Катманду

Особенно запомнилась мне моя первая зима в Катманду. По утрам было холодно, земля покрывалась инеем, туман окутывал город. Сквозь его пелену едва проглядывали очертания многоярусных пагод. По обочине дороги на рынок направлялись крестьяне с овощами и фруктами.

Невары несли корзины с зеленью на коромыслах, а крестьяне, спустившиеся с окрестных гор,— с помощью широкой лямки, которая удерживается лбом (с коромыслом по узким горным тропам не пройдешь). Жители южных, равнинных районов (тераев) предпочитают переносить тяжести на голове. Те и другие одеты в куртки, голова и шея укутаны шарфом или куском ткани. Подавляющее большинство непальцев даже зимой, когда температура по ночам иногда опускается ниже нуля, ходят босиком или в резиновых шлепанцах.

И все-таки зима в Непале довольно мягкая: днем воздух в долине Катманду прогревается до 15—20 градусов тепла по Цельсию. В это время почти все жители Катманду стараются покинуть дома и устраиваются возле них, чтобы погреться на солнышке после промозглых, холодных ночей. Сначала это поражает вновь прибывшего, но вскоре и он старается найти время, чтобы немного побыть на солнце.

Мы привыкли: какие бы сильные морозы зимой ни были, в доме всегда тепло. В долине Катманду не так. Дома там построены в основном из кирпича. В них нет системы отопления. За короткий зимний день здание не успевает прогреться, и в помещении холодно. Бедняки пользуются жаровнями с углем, а те, кто побогаче,— электрическими и керосиновыми обогревателями, а также каминами. Дрова и керосин здесь дорогие, а плата за электричество высокая. Так что за тепло надо платить, и немало, а зимы порой бывают (по местным понятиям) суровые. Так, например, 27 декабря 1977 года (температура днем составила плюс 5 граду-

сов по Цельсию) был зарегистрирован как самый холодный день в Долине за последние пятнадцать лет. Во многих районах страны прошли холодные дожди с градом, в горах выпал снег.

Всего лишь 5 градусов, но сколько бед принес этот, в нашем представлении теплый, день и неожиданный снегопад. На дороге Трибхуван — Раджпатх, соединяющей долину Катманду с индийской границей, оказались заблокированными более двухсот автомобилей и автобусов. Сотни людей вынуждены были коротать время на подступах к горным перевалам. Мешали снежные заносы и гололед. На многокилометровых участках дороги снежный покров превышал 10 сантиметров, а этого больше чем достаточно для того, чтобы вывести из строя важнейшую в стране транспортную артерию, по которой, правда, и в хорошую погоду ездить небезопасно.

Еще более тяжелое положение сложилось в северных районах страны. Так, в дистрикте Солукхумбу, где находится Эверест, наступили такие холода, каких давно не случалось. Там было зарегистрировано семь смертных случаев.

После необыкновенно холодной зимы в долину Катманду пришла удивительно жаркая весна с ливневыми дождями, а на юго-западе страны началась засуха. В Долине ливневые дожди нередко сопровождались сильным градом и ураганным ветром. В начале мая неподалеку от непальской столицы во время такого ливня погибло одиннадцать буйволов.

В мае 1978 года каждый день в поисках спасения от жары, установившейся во многих районах Индии, в Катманду приезжало около пяти тысяч индийцев. Наплыв был настолько велик, что местные гостиницы оказались не в силах приютить всех гостей. Дело дошло до того, что в одноместных номерах приходилось селить иногда по семь человек. Правда, среди приезжающих в основном были студенты, у которых уже начались каникулы, а они, как известно, привыкли следовать принципу «в тесноте, да не в обиде». Можно только догадываться, какая жара стояла в Индии, если на редкость жаркая погода в долине Катманду казалась индийцам благодатной прохладой.

В некоторых районах Непала было так же жарко, как и в Индии. В тераях из-за продолжительной засухи обнажились русла рек, пересохли оросительные каналы

и начался падеж скота. За питьевой водой жители иногда вынуждены были идти за несколько километров. Каждое утро на повозках или пешком, увешанные самыми различными емкостями, они вереницами направлялись к колодцам, где еще сохранилась вода. Однако и эти немногочисленные источники истощались с катастрофической быстротой. Воду из них порой приходилось черпать с двадцатиметровой глубины. Начались эпидемии.

В конце мая над юго-западными районами Непала пронесся ураган. Он срывал с домов крыши и выкорчевывал с корнями деревья. Несмотря на сильные разрушения, его встретили с радостью: штормовой ветер сопровождался ливневым дождем, наконец-то наступила живительная прохлада. Ведь в течение долгого времени температура днем и ночью не опускалась ниже 42 градусов по Цельсию. Днем улицы южных городов буквально вымирали — население страдало от солнечных ударов и обмороков.

Обычно в Непале самая жаркая погода приходится на разгар весны: март — апрель. Стоит такая сушь, что достаточно искры, чтобы вспыхнул пожар. Так, в середине марта 1976 года в селении Дубахи (юго-восток страны) только за один день сгорело 650 домов. Пожар начался в кузнице, затем огонь быстро перекинулся на соседние дома. Несчастье случилось днем, когда большинство жителей работали на полях. Старики и дети, оставшиеся дома, безуспешно пытались бороться с пожаром.

Часто огонь приходит из леса — сильный ветер, который в это время года явление обычное, непременно принесет беду в какое-нибудь селение. В огне гибнут скот, дома, сельскохозяйственные постройки, запасы продовольствия. Борьба с огнем осложняется из-за острой нехватки воды и крайней малочисленности пожарных дружин. К тому же пожарные команды так плохо оснащены, что практически не могут противостоять огню. Был случай, когда красный автомобиль с антикварным колоколом даже не смог доехать до пожара и остановился на полпути, потому что кончился бензин, который во многих районах страны ценится очень дорого.

Шестьсот пятьдесят домов, сгоревших за несколько часов, недолго оставались в центре внимания общественности. Через несколько дней снова разразился по-

жар. Это произошло в крупнейшем промышленном центре Непала — в пограничном с Индией городе Биратнагар, на востоке страны. Загорелось одно из джутовых предприятий. Известно, что с джутом шутки плохи, ведь он вспыхивает как порох. Сильный ветер моментально перекинул огонь на другие предприятия, на жилые постройки. Огонь, не прекращаясь, бушевал более двух суток. В городе прервалась телефонная связь, прекратилась подача электроэнергии. Свыше двух тысяч жителей осталось без крова, сгорело около шестисот домов и построек. Ущерб превысил сто миллионов рупий. По всей стране развернулась кампания по сбору средств пострадавшим от пожара. Постепенно погорельцы обрели новые дома, а восстановленные промышленные предприятия возобновили работу. Однако далеко не все можно восстановить. Это относится также к погибшим в огне лесным массивам.

В ту весну я как-то приехал в аэропорт, чтобы встретить советскую делегацию. Было около 11 часов утра, горные вершины, окружающие Долину, оказались скрытыми в дымке. Небо было пепельно-серым. Собравшиеся, коротая время, доказывали друг другу, что вот-вот разразится небывалый для этого времени года дождь. Некоторые даже утверждали, что не просто дождь, а гроза и, возможно, с градом. Тут к нам подошел знакомый пилот и, услышав, о чем говорят, сказал:

— Да это не тучи, а пригнанный ветром дым пожарищ.

Через несколько дней, во время моей поездки по объектам советской помощи Непалу, я убедился в этом сам. На протяжении всего пути со склонов гор высоко в небо поднимался дым пожарищ. Горели целые массивы. Редкие бригады по борьбе с пожарами предпринимали тщетные попытки локализовать огонь мощных костров. Мне невольно вспомнились многочисленные беседы с самыми различными государственными деятелями Непала. В один голос они твердили о том, что лесные ресурсы страны катастрофически сокращаются не только из-за вырубki, но и из-за пожаров.

Для Непала лес не только ценный товар, который идет на экспорт, но и надежная защита от оползней, наводнений, эрозии почвы, частых в этой стране, где 83 процента площади занимают горы. Только в течение 1976 года в результате оползней и наводнений погибло более 300 человек. Водная пучина и завалы поглотили

около 350 голов скота, разрушили 200 домов, 42 моста, 19 водяных мельниц.

Наводнение в Непале — явление довольно частое, к тому же следует учесть еще и ветровую эрозию почвы. И это в стране, где буквально каждая пядь земли отвоевывается у природы тяжким трудом. Уже сейчас не найти хотя бы клочка земли, который бы не возделывался.

Каждый год прирост населения в стране составляет 2,7 процента, а количество обрабатываемых земель практически не увеличивается. К тому же плодородие почв при существующих методах земледелия снижается. Известно также, что за сорокаминутный сильный ливень смывается более чем двухсантиметровый плодородный слой земли. По подсчетам экономистов, ежегодно многочисленные реки Непала уносят в Бенгальский залив 240 тысяч кубических метров почвы, а ветер с незащищенных террасированных полей выдувает живительную влагу и скудные удобрения. Единственной преградой им, пожалуй, могут быть леса. Однако если пятьдесят лет назад они занимали 40 процентов территории страны, то теперь — не более десяти. Таким образом, получается как бы замкнутый круг: за счет вырубки леса, с одной стороны, расширяются посевные площади, а с другой — увеличивается эрозия почвы, усиливается опасность наводнений, оползней и горных обвалов, что неизбежно ведет к сокращению обрабатываемых угодий.

До середины XIX века районы тераев, которые сейчас представляют основную житницу страны, были практически безлюдными. В непроходимых тропических джунглях царствовали малярийные комары и дикие звери. Лишь в конце XIX века в тераях начались разработки салового дерева, которое использовалось в Индии в качестве строительного материала и для производства шпал. Сейчас узкая полоска равнины на юге Непала не только главный рисоводческий район страны, но и своего рода центр развития национальной промышленности. Именно там разместились джутовые, сахарные и другие предприятия.

Кроме сала в тераях распространены шелковичные деревья, которые покрываются весной тысячами красных цветков. Много орхидей, мимоз, жасмина, местного гигантского вьющегося винограда, под тяжестью лозы которого нередко ломаются даже большие деревья.

Правда, плоды девилахара не такие крупные, сладкие и душистые, как у среднеазиатского.

Пусть простят ученые, что я не даю научных названий и прошел мимо многих, на взгляд ботаников, бесконечно интересных растений и деревьев, но дело в том, что в Непале их великое множество. Местные жители дают им свои названия. И мне трудно судить, какое из этих названий научное.

В предгорьях Непала и в долинах, раскинувшихся среди гор, растут вечнозеленые дубы с большими листьями и желудями. Постепенно привыкаешь к цветущим на улицах камелиям и магнолиям. Последние летом покрыты густой листвой, осенью она опадает, а ранней весной крона покрывается мириадами ярких, преимущественно нежно-розовых цветов.

Почти в каждом городе, селении Непала и даже вдоль дорог можно часто видеть огромные деревья с множеством воздушных корней и побочными стволами, у подножия которых сложены площадки из кирпича, подчас со сводами, украшенными диковинными зверями и ритуальными колокольчиками. Площадки служат не только местом отдыха для путников, но они как бы дань дереву *бодхи*, под которым Гаутама достиг состояния Будды. Непальцы-индуисты считают это дерево священным, так как оно олицетворяет бога Нарайяна, или Вишну.

В Непале легендами окутано не только дерево бодхи. Так, по древним обычаям, нельзя выращивать бананы или бамбук возле дома. Если человек наступит на тень этих деревьев, ему грозит гибель. Смерть также постигнет каждого, у кого на участке зацветет бамбук. Однако если он все-таки вырос, то его нельзя срубить в воскресенье. Бамбук и банан могут навлечь на людей мор, в то время как ростки этих растений погибнут, если на них упадет тень человека. Между тем в Патане поклоняются пальме, поэтому она растет везде. Если побег пустил корни в земляном полу в хижине, то хозяин непременно проделывает дырку в потолке, чтобы дать возможность растению нормально развиваться.

Из деревьев сказочно красивы непальские рододендроны (*лали гхурас*). У нас они встречаются на Кавказе, да и то довольно редко, в виде низкорослого кустарника. Здесь же это тигантское дерево, достигающее порой восемнадцати метров. В горах на высоте от полутора тысяч до трех тысяч метров над уровнем моря ра-

стут целые рощи рододендронов. Причем цветы на них бывают разные — от белых до темно-красных. Лали гхурас представляют собой завораживающее зрелище на фоне белоснежных гималайских вершин.

...Горит лес. На глазах в предсмертной агонии скрючиваются и чернеют молодые побеги и листья. С треском и шипением устремляется пламя вверх. Земли не видно — один пепел, из которого немим укором высятся обуглившиеся черно-серые стволы голубых сосен, гигантских рододендронов.

Иногда крестьяне сами уничтожают лесные массивы, чтобы отвоевать у джунглей клочок земли и как-то прокормить свои многочисленные семьи. Один старый крестьянин сказал мне:

— Я прекрасно понимаю, что мы губим природу, но скажите, где взять землю? Мой отец, дед и прадеды жили в горах. У нас было маленькое террасированное поле. Этот клочок земли передавался из поколения в поколение. Урожая едва хватало, чтобы свести концы с концами. С каждым годом количество зерна, которое удавалось собрать с этой узенькой полоски земли, все сокращалось: ведь нужны удобрения, а денег, чтобы купить их, не было. Тогда односельчане решили освоить новые террасированные поля выше по склону горы. Однажды случился сильный оползень, и все погибло. Несчастье вынудило нас покинуть обжитые места и переселиться на юг, в терай. Однако и на равнине свободной земли не оказалось. Пришлось спалить лес, но никто не знает, надолго мы тут обосновались или нет. Ведь если догадаются, что лес подожгли мы, вряд ли нам разрешат здесь остаться.

Не каждый решится осудить несчастного старика, его сыновей и внуков, ведь они очень бедны.

Работники государственных учреждений, занимающиеся вопросами охраны леса и зеленых насаждений, ломают голову, как предотвратить катастрофу в масштабе всей страны, как вырваться из этого заколдованного круга. Они строго наказывают крестьян за умышленные поджоги и незаконную вырубку леса. По непальским законам за это полагается два года тюремного заключения или крупный штраф. Однако ни то, ни другое пока не оказывает должного воздействия. С каждым годом все большее и большее число горных жителей покидает насиженные места и отправляется на поиски пригодных для обработки земель в южные, рав-

нинные районы. Однако и в тераях, где плотность населения высокая, переселенцам из горных районов редко удается найти свободные участки, а приобрести наделы у крупных землевладельцев подавляющему большинству не по карману. Поэтому, чтобы спасти семью от голода и беспросветной нищеты, горцы вынуждены идти на уничтожение леса.

По мнению министерства лесного хозяйства, чтобы восполнить потери, в течение ближайших двух десятилетий необходимо произвести лесонасаждения на площади 1,4 миллиона гектаров, то есть на десятой части всей территории страны. В противном случае положение может оказаться непоправимым. Чтобы этого избежать, в настоящее время принимаются активные меры. Вступил в силу соответствующий закон, предусматривающий обязательную посадку саженцев на местах вырубки. Проведена классификация лесных массивов, в соответствии с которой строго определены места промышленной разработки леса. В частности, полностью запрещена вырубка на склонах гор и вдоль рек. Оговорено также, что безземельные крестьяне, обосновавшиеся в лесных районах, будут в централизованном порядке переселены в другие места. В Непале уже стало вполне обыденным явлением регулярное проведение массовых кампаний по посадке лесонасаждений, причем саженцы распространяются среди населения бесплатно.

Встреча в горящих джунглях

Однажды в ту необыкновенно жаркую весну во время моего пребывания на юге, в тераях, мне и моим спутникам необходимо было добраться из города Симры в одно из селений. Нам посоветовали ехать просекой напрямик через джунгли, чтобы успеть засветло. Сначала она просматривалась хорошо. Вскоре путь раздвоился, невесть откуда появилась еще одна просека. Иными словами, мы заблудились. Тем временем сумерки быстро сгущались, ночь опустилась незаметно, и джунгли преобразились.

Сквозь черные, витиевато переплетенные стволы деревьев проглядывались мириады огоньков — это светились в темноте светлячки. Однако все было не столь романтично, как показалось сначала: я и мои спутники невольно замерли — горела трава. Зрелище было не

из приятных. В наступившей тишине отчетливо слышались вой диких животных и крики перепуганных насмерть птиц. Расползавшийся «красный цветок» навел ужас на обитателей джунглей. В свете фар все чаще искрились глаза неведомых зверей. Неожиданно дорогу нам перебежала антилопа.

Спутники мои не на шутку разволновались. Представьте раздирающие душу крики обитателей джунглей и одиноко виляющий по горячей траве среди поваленных деревьев «газик», который «пробивал» себе путь сквозь джунгли. Мы мечтали лишь об одном — поскорее попасть к людям: ведь где-то джунгли все-таки кончались.

Вскоре фары осветили две фигурки — старого крестьянина и ребенка. Казалось, они несколько не удивились, увидев ночью в джунглях автомобиль. Люди даже не попытались отойти в сторону, чтобы уступить нам дорогу. Я и мои спутники с облегчением вздохнули: теперь мы не одиноки.

Однако непальцы встретили непрошенных гостей довольно сдержанно. Их взгляды как бы говорили: «Чего же вы испугались, ведь вы находитесь под защитой железного коня?»

Огонь подбирался к веткам деревьев, из темноты доносились леденящие кровь крики животных, а старик и ребенок спокойно шли по горящим джунглям и, судя по всему, не чувствовали ни малейшего страха. Разница в возрасте у них была огромная, но печать каждодневных забот о хлебе насущном на их лицах и гордый взгляд делали их удивительно похожими. На обоих были черные непальские шапочки топи и тесные набедренные повязки, за которые заткнут традиционный непальский нож — *кхукри* с утолщенным загнутым стальным клинком — далеко не декоративный элемент туалета непальца. С *кхукри* непальские солдаты-гуркхи смело шли в бой против прекрасно по тем временам оснащенных войск английских колонизаторов во время англо-непальской войны 1814—1816 годов². С таким

² В этой войне Непал потерпел поражение, и ему был навязан неравноправный Сегаулийский договор. Страну превратили в английскую полуколонию: в Катманду допускался английский резидент; под контроль английских властей была поставлена внешняя политика Непала. Королевству запрещалось вступать в какие-либо отношения с иностранными государствами. От Непала отторгли значительную часть тераев, которая перешла под непосредственное управление английского генерал-губернатора.

оружием непальцу не страшен даже крупный зверь. Слегка изогнутый клинок как бы учетверяет силу удара, делает его необычайно резким и беспощадным. Во время непальского праздника Дасаин одним ударом кхукри отсекают головы крупных козлов.

Узнав, что мы заблудились, непальцы сняли руки с рукояток ножей и снисходительно заулыбались: «Ох уж эти иностранцы, совсем как дети — то леса ночью испугаются, то дорогу потеряют...»

Мы попросили показать нам путь к селению. Неумело — судя по всему, в первый раз — сели они в «газик», но места заняли с таким видом, будто всю жизнь разъезжали в автомобилях. Непальцы — народ гордый и держатся с достоинством.

По каким-то одному ему понятным признакам старик непалец безошибочно ориентировался в лесу. Его уверенность вселяла в нас спокойствие. Мы угостили старика сигаретами. Но вот вместе с рукой старца к пачке потянулась и ручка ребенка, которому на вид было не более восьми лет. Мальчонка привычным жестом зажал сигарету в кулачок и с удовольствием затянулся. Фильтр сигареты оказался зажатым в кулачке, а губами парнишка тянул дым с другого конца. Здесь редко бедняк возьмет сигарету прямо в рот: ведь неизвестно, представитель какой касты ее сворачивал. Иной раз можно увидеть, как непалец ест что-то прямо с земли, не обтерев, и в то же время он никогда не притронется губами к общему кувшину или стакану с водой. Непалец обязательно поднимет кувшин над головой и выльет тонкой струйкой воду прямо себе в рот. С виду очень просто, а на деле... Я несколько раз пробовал, но так и не сумел напиться, не облившись.

...Наконец мы добрались до селения, в котором было всего несколько покрытых соломой домишек. Старик попросил остановить «газик» у самого, пожалуй, большого, на веранде которого ярко горела керосиновая лампа. Обычно жители деревни по вечерам собираются вместе, пьют крепкий чай с молоком и обсуждают последние деревенские новости. Старик пригласил нас на чай: он не хотел остаться перед нами в долгу, ведь он доехал до деревни на нашей машине.

Чтобы не обидеть хозяина, мы присоединились к компании, тем более что нам уже приготовили почетные места на веранде. Старик рассказал односельчанам о том, что во время пожара встретил нас в джунглях.

При этом он подкреплял свой рассказ жестами и мимикой, изображая в лицах, как мы испугались огня и звериного воя. Непальцы и мы громко смеялись.

В наступившей внезапно тишине раздался голос седовласого, сморщенного старца — вероятно, старейшины деревни. Не спеша, сделав несколько затяжек из дымящегося глиняного кальяна, он, медленно подбирая слова, заговорил. Старик вспоминал старые добрые времена, когда в дремучих джунглях в изобилии водились звери и еды хватало на всех.

— А сейчас?! — старик глубоко вздохнул. — Сколько леса вырубил, сколько сожгли! Люди приходят, валят лес, а иногда и выжигают, чтобы расчистить место под пашню или для будущего поселения. А куда деваться зверям и птицам джунглей? Они обречены на неминуемую гибель.

Старик помолчал, но никто не осмелился вставить ни слова. Наступила долгая пауза: последнее это дело перебивать старшего.

— Вы, наверно, обратили внимание, — повернулся к нам старейшина, — что звери, заведя в лесу автомобиль с зажженными фарами, даже и не попытались выйти из горящих джунглей. Напрасно вы их испугались, теперь звери боятся включенных фар автомобиля значительно больше, нежели пламени пожарищ.

Сначала я не понял, почему обитатели джунглей так пугаются автомобильных фар. И тут жители деревни (в прошлом, видимо, заядлые охотники — у многих из них есть дедовские старинные мушкеты и ружья) наперебой стали рассказывать о «современном» методе охоты в непальских джунглях. Хотя охота в Непале официально запрещена, однако довольно часто браконьеры отправляются в джунгли ночью. Для этого «охотники» снимают с вездехода брезентовый тент, «ассистенты» освещают кусты мощными лампами. Как только в лучах загорятся зеленым блеском глаза животного, раздастся выстрел.

Время было уже позднее, и мы стали собираться в путь. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, спросили, как проехать в нужное селение. Вскоре выяснилось, что, оказывается, нам придется пробираться через те самые джунгли, откуда мы только что приехали. Снова среди ночи метаться по лесу под пугающий вой диких зверей?! Посоветовавшись, мы решили больше не испытывать судьбу и вернуться в Симру.

— Как добраться до города? — поинтересовались мы.

Непальцы лукаво засмеялись.

— Да вот же он! — десятки рук показали в противоположную сторону, туда, где, если приглядеться, на расстоянии шестисот-семисот метров сквозь крону деревьев поблескивали огни городка.

Через несколько минут мы были уже в Симре. Всю дорогу мы ехали молча, усталые и измученные, под впечатлением пережитого в джунглях. Теперь мы уже не пугались звериного воя, — это был крик отчаяния, зов о помощи.

Еще совсем недавно охота на диких животных в Непале не только не запрещалась, но и активно рекламировалась. Было бы лишь желание поохотиться, подкрепленное соответствующей суммой денег, преимущественно в твердой валюте. Носильщики доставляли любителей острых ощущений в корзине за плечами в самый живописный, затерявшийся далеко в горах уголок Непала. За дополнительную плату устраивалась охота со слоном даже на тигра.

Самую пышную, по свидетельству очевидцев, охоту устроили английской королеве Елизавете II во время ее визита в Непал в 1961 году. Ее дед Георг V также не преминул поохотиться в Непале в 1911 году. Его трофеи составили 39 (!) тигров, 18 (!) носорогов. Однако все это «невинная забава» в сравнении с охотничьими трофеями премьер-министра Непала Джуддха Шамшер Бахадур Раны (правил с 1932 по 1945 год). За семь охотничьих сезонов он убил 433 тигра, 53 носорога, 93 леопарда, 22 медведя, 20 крокодилов, дикого буйвола, не считая диких собак, гиен, оленей и других животных!

Для Елизаветы II в девственных джунглях на юге страны, на берегу реки Рапти, соорудили охотничий лагерь. Именно соорудили — ведь он раскинулся на площади более двух с половиной квадратных километров. Мощный бульдозер выкорчевал вековые деревья и расчистил место. Вскоре здесь была проложена дорога. Неподалеку от лагеря построили взлетно-посадочную полосу. Несколько дней бульдозеры, снимая верхний слой земли, выравнивали место для лагеря. Джунгли есть джунгли. Вдруг какая-нибудь ядовитая тварь нарушит покой королевы?!

Туда согнали рабочих и приказали собрать уцелев-

ших скорпионов, змей, жуков в корзины. Что касается тех тварей, которых «голыми руками не возьмешь» (например, малярийных комаров), то их уничтожали ядохимикатами с самолета. Только после этого площадку покрыли дерном. Несколько дней его тщательно поливали специально присланными из Катманду пожарными машинами.

Главным украшением охотничьего лагеря (точнее говоря, городка — ведь там были проложены своеобразные «улицы» и «проспекты», вдоль которых посадили выкорчеванные накануне цветущие деревья) стала модель Эвереста из камня и песка. Заметьте, этому городку суждено было существовать всего один день и одну ночь. Однако построили там не охотничьи домики и палатки, а роскошные покои для королевы Елизаветы II. В них насчитывалось одиннадцать комнат, две ванны с холодной и горячей водой круглосуточно, хотя даже в домах непальской столицы водопровод был в то время большой редкостью.

Пока в огромных баках на кострах подогревали для королевского «водопровода» воду, а пожарные старательно сбивали брандспойтами пыль с только что высаженных, усыпанных цветами деревьев, на аэродроме ждали прибытия ее величества Елизаветы II.

В лагерь королева въехала на слоне под богатым балдахином. Практически со всех уголков страны пригнали сюда слонов. Тремстам шестидесяти семи слонам предстояло сыграть далеко не последнюю роль в предстоящем представлении. Здесь были слоны-охотники, слоны-перевозчики и даже слоны-бары. На слонах-барах можно было в тропическую жару не только освежиться прохладительными напитками, но и выпить бокал холодного шампанского.

В первый же день охоты застрелили тигра, а на следующий и без того ничтожное количество оставшихся в живых носорогов сократилось еще на одного. Атрибуты восточных сказок сопутствовали буквально каждому шагу королевской персоны. Меню коронованной особы «украшали», например, блюда из жареного лебедя, плов из павлинов и шашлык из дикого кабана. Таким образом, в течение одного «представления», продолжавшегося не более суток, было уничтожено четыре представителя фауны Непала, которые находятся сейчас под охраной государства.

В то время еще только начинали раздаваться голо-

са в защиту редких и порой уникальных животных, населяющих Непал. Однако справедливые требования долгое время еще оставались без внимания. Правда, в конце 60-х годов был наложен запрет на охоту с автомобилями.

В справочнике «Изучайте Непал и язык непали», изданном в Непале в 1971 году, приводятся расценки на отстрел диких животных и даже таких, которые сейчас внесены в Красную книгу. Оказывается, чтобы убить снежного барса, достаточно было заплатить около 10 долларов в казну государства за лицензию на отстрел. Менее 10 долларов... и убийство снежного барса свершается. Именно убийство, так как, даже раненый, этот зверь никогда не нападает на охотника, а пытается побыстрее скрыться из виду.

За эту гигантскую кошку с густым, длинным и шелковистым мехом платили 10 долларов, а за фазанов — не более полутора. Известно, что один из видов фазанов, так называемый гималайский *Iorphophorus* (его называют еще «данфе» в Непале и «дафне» в Тибете), считается символом страны.

Национальные парки Непала

Пышные охоты в гималайском королевстве канули в прошлое. В туристических бюро со стен сняты глянцевиые плакаты, на которых изображены люди в пробковых шлемах, стреляющие со слонов в оскаленную пасть тигра. Теперь из овальной рамки на вас смотрит не разъяренный хищник-людоед, а вполне мирное, даже уютное животное. Под ним текст: «Тигр нужен живым!»

Чтобы сохранить во всем многообразии фауну страны, в Непале созданы национальные парки и заповедники, общая площадь которых превышает 4300 квадратных километров. В соответствии с принятым законодательством на их территории полностью запрещена охота. Нельзя появляться в парках с оружием или капканами, пользоваться радиоприемниками и магнитофонами, играть на музыкальных инструментах, применять вспышку при фотографировании в лесах и даже ездить на автомобилях после захода солнца и до восхода, чтобы тем самым не нарушить естественного образа жизни животных, иначе звери могут испугаться и покинуть привычное место обитания.

Не правда ли, символично, что в районе, где некогда находился охотничий лагерь Елизаветы II, сейчас раскинулся, пожалуй, самый популярный среди иностранных туристов Национальный парк Читван. Именно здесь, как ни в каком другом национальном парке или заповеднике Непала, можно вкусить все прелести субтропиков, правда, далеко не за умеренную плату. Как гласит реклама отеля «Тайгер топс», в парке Читван во время экскурсии воочию видишь носорогов, пятнистых оленей, диких кабанов, леопардов, знаменитого бенгальского тигра, медведей-губачей, не говоря уже о редких птицах. Те, кто побывал в парке, утверждают, что реклама не обманывает. В Читване к вашим услугам и путешествие по девственным джунглям на слонах, и купание в безопасных, специально отведенных местах, где нет крокодилов, и прогулки на лодках по стремительным рекам.

В Национальном парке Читван животным искусственно созданы идеальные условия обитания, близкие к естественным. Специалисты утверждают, что смертность среди зверей в парке несравненно ниже, чем на воле. Не случайно численность уникальных представителей непальской фауны, занесенных в Красную книгу, увеличивается. Например, в настоящее время в Национальном парке Читван насчитывается около сорока тигров, в ближайшие годы число их, несомненно, должно возрасти. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что у каждой тигрицы в Читване обычно выживают два из четырех детенышей.

Однако нельзя сказать, что в Национальном парке все спокойно. Не раз общественность Непала волновали сообщения о разбойничьей деятельности той или иной шайки браконьеров. Так, в середине 1978 года стало известно, что захвачена банда браконьеров, которая уличена в хищническом истреблении 33 однорогих носорогов. Только один главарь шайки — некий Дханасур Таманг уничтожил 21 носорога. Он сам признался в этом полиции. Коммерсанты от браконьерства (на Востоке рога носорога ценятся высоко и стоят до 700 долларов) настолько натренировались в охоте на этих зверей, что весь «процесс» (от приманки на расстояние выстрела из древнего, заряжающегося с дула мушкета до спиливания рога и бегства с места преступления) отнимал у них не более десяти минут.

Оказывается, рога носорога применяются не только

в народной медицине, но и в радиоэлектронике. Кроме того, изделия из шкуры носорога — непременный атрибут религиозных церемоний, связанных с поминовением усопших. По поверью, жертвоприношения на подносе из шкуры этого зверя обязательно попадут к ушедшим в мир иной. Если верить рассказам «очевидцев», то царственные особы влезают внутрь только что убитого носорога и совершают там поминки по своим близким.

Некогда Национальный парк Читван считался единственным убежищем для диких слонов. Теперь эти животные иногда заходят и в другие национальные парки и порой даже совершают набеги на близлежащие селения, но случается это весьма редко. В настоящее время диких слонов в Непале около тридцати особей. Не так давно стадо из двадцати двух диких слонов пересекло непало-индийскую границу и ушло в индийский национальный заповедник Дудва (штат Уттар-Прадеш). Вырубка леса ведет к резкому сокращению поголовья диких слонов, которым необходимы для передвижения в джунглях большие пространства.

Есть звери, которых пугает не только стук топора — даже неловкое движение человека обращает их в бегство. Именно к таким и относится знаменитая черная антилопа. В Непале ее еще называют *кришнасагар*, *кришнасар* или *барат*. В конце 60-х годов нашего столетия существовало мнение, что черная антилопа больше не водится ни в Непале, ни в Индии. И хотя в середине 70-х годов их снова заметили в Национальном парке Шукла Фанта (юго-запад Непала), тем не менее им грозит исчезновение. Черная антилопа — зверь, который легко и быстро преодолевает большие расстояния. Национальный парк Шукла Фанта славится также болотными ланями. Во все времена велась охота на этих зверей, рога которых в странах Востока ценятся высоко и идут на производство стимулирующих средств.

Благодаря своевременным принятым мерам по охране фауны страны и созданию благоприятных условий численность болотных ланей на территории этого заповедника за последние годы увеличилась на 800 особей. Теперь в Национальном парке Шукла Фанта их насчитывается около 1800. Во всем мире зарегистрировано лишь немногим более четырех тысяч болотных ланей, и они справедливо занесены в Красную книгу, а в Непале находятся под охраной государства. В Национальном парке Шукла Фанта водятся также дикие слоны, а по

числу тигров этот заповедник уступает лишь Национальному парку Читван.

Национальный парк Сагарматха, расположенный у подножия величайшей в мире вершины Эверест, и Национальный парк Лангтанг на севере долины Катманду — самые крупные национальные парки Непала. Площадь каждого из них превышает 1200 квадратных километров.

Особого внимания заслуживает Национальный парк Сагарматха — хотя бы потому, что на его территории на высоте 3600 метров над уровнем моря живет птица данфе — символ Непала. Она настолько пуглива, что даже сфотографировать ее удается с большим трудом. В Сагарматхе водятся мускусные олени, или, как их еще называют, кабарга, — предмет вождлений браконьеров. Эти небольшие зверьки, высотой до 70 сантиметров, интересуют браконьеров не только своими желто-коричневыми или темными шкурками с мелкими белыми пятнышками. Внимание браконьеров привлекают самцы, на животе которых расположена железа, выделяющая мускус — ценное сырье для фармацевтической промышленности. Чтобы добыть ничтожное количество мускуса, уничтожают животное, хотя известен хирургический и совсем неопасный для кабарги способ его извлечения.

В Национальном парке Лангтанг обитает снежный барс — зверь довольно капризный. Он не любит ни жару, ни холод, поэтому в зависимости от времени года меняет место обитания: летом поднимается на высоту до 4500 метров, туда, где лежат вечные снега, а зимой опускается более чем на 2500 метров. Национальный парк Лангтанг завоевал большую популярность не только благодаря снежному барсу, гималайскому медведю и изобилию птиц. Парк славится также своими альпийскими лугами, усыпанными эдельвейсами. Даже взлетно-посадочная полоса усеяна этими нежными альпийскими цветами. Где еще увидишь подобное? Пожалуй, нигде!

Самое живописное место в Непале, на мой взгляд, — это озеро Рара (запад страны). Вокруг кристально чистого и самого большого озера Непала ледникового происхождения (оно находится на высоте около 3000 метров над уровнем моря) раскинулся заповедник. О красоте озера Рара ходят легенды.

— Хотите увидеть настоящий рай? Отправляйтесь к озеру Рара, — говорят непальцы.

В этом сказочном месте живут разные удивительные звери, такие, например, как кошачий медвежонок — именно так местные жители называют малую, или красную, панду. Этот пушистый редкий зверек с красивым мехом обитает в бамбуковых зарослях на склонах гор на высоте от 1500 до 3000 метров над уровнем моря.

Увидеть красную панду (вес ее — от 3 до 4 килограммов, а длина тела не превышает 60 сантиметров) в светлое время суток почти невозможно: она обычно спит днем в кроне деревьев, уткнув круглую мордочку с торчащими ушками в пушистый хвост, и только с наступлением сумерек спускается на землю, чтобы с рассветом вновь вернуться в свое убежище.

Любимое лакомство красной панды — молодые побеги бамбука, сочная трава и желуди. До сих пор это животное малоизучено: в неволе оно обычно отказывается от пищи и быстро погибает. Охота на малую панду строго преследуется и грозит крупным штрафом и тюремным заключением сроком от двух до пяти лет. Хочется верить, что красную панду не постигнет судьба дикого яка, которого уже давно не встретишь на территории Непала.

Казалось бы, при наличии такого количества экзотических зверей и птиц непальский зоопарк мог бы иметь в своем распоряжении много экземпляров животных. К сожалению, такого не произошло. Зоопарк в Джава-лакхеле, неподалеку от Патана (долина Катманду), был организован в 1930 году. За пять десятилетий здесь собраны редкие звери и птицы, но они размещены в старых, неудобных клетках. Правда, в больших клетках с маленькими птицами цветут карликовые деревья, а в те, где сидят переливающиеся яркими тропическими красками огромные попугаи, ловко вмонтированы огромные чурбаны деревьев с затейливо изогнутыми сучьями.

Посещение непальского зоопарка вызывает противоречивые чувства. В вольерах вы не найдете ни носорога, ни слона. Между тем ручной и раскрашенный яркой краской слон часто гордо вышагивает по городу, создавая пробки на узких улочках и перекрестках. По дороге он подбирает с земли съестное и попрошайничает. Прохожие с удовольствием кидают слону мелкие монетки, а тот, аккуратно подбирая их с земли, натренированным движением бросает себе на спину прямо в руки

погонщика. Получается настоящее представление, за которое, естественно, должна взиматься плата.

Зато в зоопарке вы можете полюбоваться грациозными ланями, мохнатыми гималайскими медведями с белым жабо на груди. Последние, смешно маня прохаживающими лапами, выпрашивают лакомства. Тут есть и ошестившийся острыми иглами дикобраз, и... кошка. Интересно, каким образом попало сюда это домашнее животное? Дело в том, что число кошек в Непале, по всей вероятности, не превышает поголовья носорогов. Во всяком случае, далеко не каждому посчастливилось увидеть представительницу семейства кошачьих в Катманду.

Почему в Непале так мало кошек? Конечно, причина не только в том, что встреча с ней на дороге (если она ее перебежит) — дурное предзнаменование. Этот предрассудок распространен во всем мире, как, впрочем, и сами кошки. Просто далеко не каждая непальская семья может позволить себе держать в доме кошку: ведь смерть этого животного неминуемо повлечет за собой значительные финансовые расходы.

В Непале, как и в древнем Египте, кошку хоронят с такими же почестями, как и человека. Если в семье есть девушка, то иметь кошку рискованно. По поверью, если кошки устраивают драку в доме, значит, хозяйку ожидает прибавление в семействе. Посудите сами, что испытывают родители дочери, когда раздастся хор кошачьих голосов, а соседи, предвкушая сенсацию, потирают руки. На другой день все вокруг уже знает о случившемся и на бедную девушку указывают пальцами. После этого никакой кошки не захочешь.

Кошек непальцы не любят еще и потому, что те пожирают мышей, а это считается здесь большим грехом: ведь один из самых популярных богов Непала — Ганеш всегда изображается вместе с мышью. У непальца, конечно, рука не поднимется на близкого друга бога благополучия. В Катманду встречаются даже позолоченные изваяния этого малосимпатичного грызуна, вызывающего у многих брезгливость.

Стоит только войти в зоопарк, как в одном из вольеров замечаешь овцу с... тремя рогами. Помимо двух закрученных на своих обычных местах рогов имеется еще один — массивный — на носу. Судя по всему, это дополнительное украшение не только не доставляет бедной овце никакого удовольствия, но и причиняет ей массу

страданий. Овце трудно не только есть, но и дышать. В то время как посетители с неподдельным удивлением рассматривают трехрогую овцу, неподалеку между клеток лениво разгуливает однорогий баран. Вот уже несколько лет живет он здесь и, естественно, ни у кого не вызывает любопытства.

Диковинные овцы, можно сказать, стали традиционными экспонатами этого зоопарка. По утверждению одного из служителей, лет тридцать назад здесь демонстрировали овцу с... четырьмя рогами. Неподалеку в загоне мучается лань на трех ногах: вместо четвертой ноги — неразвитая культя. Думаю, не стоит перечислять всех ущербных животных этого зоосада.

Зоопарк в Джавалакхеле пользуется большой популярностью: число посетителей составляет около 130 тысяч в год. Непальцы приходят сюда не только посмотреть на птиц и зверей, но и посидеть на зеленых лужайках, половить в пруду огромных золотых карасей.

Надо сказать, что рыбная ловля в Непале с каждым годом становится все более популярной. Дело дошло до того, что не успеешь смотать удочки, как к вам подбегает человек с безменом в руках. Не радуйтесь — это не покупатель. Человек взвесит ваш улов и заставит платить. Правда, небольшие, но все-таки... деньги. Если хотите ловить бесплатно, то отправляйтесь на любую реку — их здесь много — и спокойно закидывайте удочку.

Сразу можно определить, кто именно рыболов — непалец или иностранец. Еще совсем недавно иностранцы, приезжающие в Непал, чтобы заняться горным туризмом, в основном брали с собой бинокли и фотоаппараты. Теперь все больше и больше туристов везут с собой еще и удочки. Иностранец долго «настраивает» снасти, тщательно подбирает место, наживу. Наконец, забрасывает удочку и долго ждет. Непалец же обычно устраивается, казалось бы, в совсем «нерыбном» месте, привязывает к пальцу нитку с голым и «никудашным» крючком и начинает... вытаскивать одну за другой серебристую форель.

Совсем случайно я узнал, что рыбу здесь ловят также и с помощью ххукри. Как-то на дороге Катманду — Кодари (она идет вдоль реки Сункоси) по пути в Большую долину нам повстречались два непальца. В руках у них были плетеные корзины, из которых заманчиво торчали рыбы хвосты. Мы стали просить их

продать нам рыбу. Рыбаки долго не могли понять, что от них хотят «эти неугомонные иностранцы».

Мы так настойчиво уговаривали их уступить рыбу, что рыбаки продали нам две свежайшие форели. Мы щедро отблагодарили их за это. Когда я взял в руки рыбу, мне бросилась в глаза огромная рана на голове. Мое удивление, вероятно, было настолько явным, что рыбаки стали что-то говорить на местном диалекте, при этом показывая на кхукри. Резко, как по команде, они взмахнули руками, изображая удар ножом. Откровенно говоря, я и представить себе не мог, что рыбу можно ловить с помощью кхукри. Я считал, что ударом ножа рыбаки лишь добивали выловленную рыбу.

Много времени спустя один мой знакомый поделился своими впечатлениями о рыбной ловле древним непальским способом. Дело было в Панаути, примерно в 25 километрах к востоку от Катманду. Когда стемнело, он с рыбаками отправился на берег Роши. Рыбаки не взяли с собой ни сетей, ни удочек — лишь острые кхукри и яркие фонари (в давние времена вместо последних использовались факелы, пропитанные смолой гималайского кедра). Они медленно двигались вдоль реки.

Мощные валуны в сильно контрастирующем свете преобразались в какие-то сказочные изваяния. Река казалась телом огромного, конвульсивно дышащего животного, покрытого переливающейся серебристой чешуей. Время от времени крики диких зверей или потревоженных птиц разрывали тишину.

Один рыбак зажег бензиновую лампу, которая вскоре вспыхнула резким ярко-голубым светом. Держа лампу в одной руке и кхукри в другой, рыбак, стараясь удержать равновесие на мокрых валунах, осторожно шел вперед, пока не остановился на скользком камне, немного выступающем над поверхностью воды.

Балансируя на камне, словно циркач, рыбак низко склонился к воде и, подняв над головой фонарь, замер. Неожиданно в свете фонаря появилась огромная форель. Она подплыла к камню и, загипнотизированная ярким светом, застыла. Резкий и почти незаметный для глаз молниеносный удар кхукри по голове — и смертельно раненная рыба поплыла по течению и попала в руки помощника, который устроился неподалеку на другом камне. Пока он вылавливал форель, слышался очередной удар кхукри, и еще одна рыбина угодила в мешок.

Глава 2

ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ БУДДА ШАКЬЯ-МУНИ

В долине Катманду на вершине зеленого холма высится буддийский храм Сваямбхунатх. Башенку купола ступы украшают огромные глаза — «всевидящее око» Будды. На протяжении многих веков без устали, дено и ночью присматривают они за Большой долиной, отгоняя от нее «злых духов». Многие могли бы рассказать камни одного из древнейших (не только в Непале, но, пожалуй, во всем буддийском мире) храмов об окутанной легендами, затерянной в Гималаях стране.

То, о чем не поведали безмолвные стены монастыря, говорят священные древнеиндийские писания, — *пураны*³, в которых собраны интересные истории, легенды и сказания. Обратимся к «Сваямбху пуране»⁴, которая, если верить легенде, записана со слов самого Будды Шакья-Муни примерно двадцать пять веков назад.

«Во времена *Сатья Юга*, — гласит „Сваямбху пурана“, — на месте нынешней долины Катманду простиралось в окружении гор и дремучих лесов озеро размером 7×7 *косов*⁵. Озеро называлось Таодханахрада („Великое озеро“). Оно пополнялось за счет родников и гор-

³ *Пураны* (от санскр. *пурана*, букв. «древний») — священные индуистские тексты, содержащие легенды и мифы. Древнейшие из сохранившихся *пуран* относятся ко второй половине I тысячелетия. Каждая *пурана* посвящена тому или иному богу индуистского пантеона.

⁴ «Сваямбху пурана» — памятник непальской литературы, относящийся к жанру «махатмья» (санскр. «благородство», «возвышенность души»). Посвящена Манджушри — герою, который, согласно легенде, разрубил мечом скалы и дал жизнь долине Катманду. Первый вариант *пураны* относится к X в. н. э. Сохранилось пять ее вариантов, различных по своему характеру.

⁵ 1 *кос* — в настоящее время около 6,5 км.

ных рек. Озеро было глубоким, а вода в нем прозрачной и синей. Озеро также известно под названием Калихрада⁶ — из-за своей сине-черной воды. Вода в нем славилась восемью достоинствами: чистая, ароматная, прохладная, вкусная, светлая, спокойная, приятная и полезная. С древних времен озеро было священным местом и для всех будд, и для бодхисаттв, а королем озера считался Каркотака Нагараджа. Поэтому озеро также называли Нагавасахрада („Озеро короля змей“)»⁷.

Надо сказать, что на Востоке все не так просто, как кажется на первый взгляд. Лучше читателю не ломать голову над тем, почему в пуране говорится о «всех буддах», ведь Будда якобы один — Шакья-Муни, и кто такие бодхисаттвы? Почему именно Будда Шакья-Муни упоминает об этих буддах, тем самым как бы умаляя лавры своего первенства в буддизме? Если вы спросите об этом у непальского буддиста, он пожмет плечами и ответит:

— Это просто. До Будды Шакья-Муни существовало еще несколько будд, были также бодхисаттвы — сверхъестественные существа, ведающие земными делами, а также еще и кандидаты в будды.

Не правда ли, удивительно просто?! Подойдите к другому буддисту, и он с уверенностью в своей правоте расскажет еще более «простую» историю, от которой голова пойдет кругом и вы запутаетесь совсем.

Где же найти правильный ответ? Остается обратиться непосредственно к самому Будде, уж он-то в двух словах должен объяснить, что такое буддизм, но... он в свое время, как утверждают легенды, заявил, что ни бога, ни души, ни потустороннего мира нет — есть лишь непрерывный поток изменений и превращений. Исходя из этих слов, можно даже прийти к выводу, что буддизм вообще не религия. Тогда почему буддизм считается одной из самых древних религий в мире (он зародился за пять веков до христианства!), а сейчас насчитываются миллионы буддистов? Интересную трактовку буддизма дает советский востоковед В. Н. Топоров. «Учение Будды, — пишет он, — не было ни религиозным,

⁶ Кали (непал.) — «синий», а также «черный» или «темно-синий», близкий к черному цвету. Иными словами, озеро было настолько глубоким, что казалось сине-черным.

⁷ Нага — божество в образе змея. Отсюда Нагараджа — «Король змей».

ни философским... цель его была сугубо практическая — помочь избавиться от страданий»⁸.

Чтобы иметь какое-то представление о буддизме, читателю следует обратиться к соответствующей литературе. В буддизме такое множество течений, такое количество толкований, он претерпел так много трансформаций, завоевывая то одну, то другую страну, что коротко рассказать о нем просто невозможно.

Последние слова, сказанные Буддой перед смертью, были взяты монахами на вооружение: «Я хотел бы еще сказать вам, монахи, что все созданное обречено на разрушение! Всеми силами стремитесь к спасению». Было проложено множество «путей к спасению», появилась масса направлений и школ в самом буддизме.

Несомненно, Непал занимает особое место в буддийском мире. Считают, что на юге страны, в Лумбини, в 453 году до нашей эры в знатном роду Гаутама родился Будда в образе царевича Сиддхартхи. Легенды утверждают, что само рождение было чудесным. Однажды знатной женщине приснился сон, будто в бок ей вошел слон. Как говорится, сон оказался в руку. Через девять месяцев она родила (через бок) сына, который был наделен всеми знаками, предвещающими великую судьбу. И не случайно его нарекли Сиддхартхой, что значит «выполнивший свое назначение». Все важнейшие события в жизни Будды — день рождения, прозрения и смерти (он умер в возрасте восьмидесяти лет) — произошли во время полнолуния месяца Байсаха по календарю Бикрам самбат (апрель — май), то есть в «трижды святой день».

До сих пор точно не установлено, когда буддизм получил распространение в долине Катманду, хотя тот факт, что эта религия пришла сюда с юга, сомнений не вызывает. Если верить легенде, то именно индийский царь Ашока, воздвигнув ступы в Патане и Киртипуре, положил начало широкому распространению буддизма в Долине. Буддизм с помощью индийских проповедников из Бихара и Бенгалии не только стал в долине Катманду религией большинства, но и превратил ее как бы в центр распространения буддизма в Тибет и далее на север. В этом большую роль сыграли тибетские монахи, которые, изучив в Непале санскрит, перевели на свой родной язык памятники буддийской литературы.

⁸ Топоров В. Н. Введение.— «Дхаммапада». М., 1960, с. 8.

Соперничество буддизма и индуизма в Индии закончилось победой последнего. Одни буддисты (их было большинство) перешли в лоно индуизма, многие из них оказались в Непале. Но и там буддизм в качестве основной религии долго не просуществовал. Все больше и больше подпадал он под влияние брахманизма, и в конечном счете в Непале индуизм стал преобладающей религией. Однако острой борьбы между двумя религиями в Непале не существовало. Это был мирный и довольно продолжительный процесс поглощения буддизма индуизмом, который постепенно распространился по всей стране, за исключением северных районов.

В настоящее время в Непале индуизм исповедует почти 90 процентов населения, а буддизм — лишь около 7,5 процента. Удивительно, но эти две религии не только не противопоставлены, а как бы взаимно дополняют друг друга. В индуистских храмах есть статуи Будды, а в буддийских — индуистские символы. Индуистские праздники отмечают буддисты, а индуисты, в свою очередь, не преминут принять участие в буддийских.

С богами же, судя по всему, получилась путаница. Во всяком случае, лучше не спрашивать у первого встречного непальца, какое божество изображено возле того или иного храма: он будет долго раздумывать, а затем наугад назовет какого-нибудь бога и тут же смущенно отойдет в сторону.

Однажды я решил узнать поподробнее об одном из богов индуистского пантеона. Я знал имя божества, но мне хотелось выяснить его пол. Как-то ко мне в гости пришел брахман. Я был абсолютно уверен, что уж он-то должен знать своих богов хорошо. Однако выяснилось, что мой вопрос поставил гостя в несколько неловкое положение. Он откровенно смутился, что-то проворкотал в ответ и тут же кинулся к телефону — стал звонить своим друзьям. Сделав несколько звонков, он с уверенностью заявил, что бог, конечно, мужского пола.

Гость ушел, я решил проверить результаты его «исследований». Для этого я обратился к книгам, но ответа так и не получил. Божество, правда, упоминалось в текстах, но все авторы, как сговорившись, обходили молчанием его пол. Однажды, копаясь на полках книжного магазина, я случайно обнаружил справочник «Боги Непала», где черным по белому утверждалось, что интересующее меня божество — богиня, наделенная к тому же еще и типично женским коварством.

Однако не следует слишком строго судить моего знакомого брахмана: в Непале богов великое множество и некоторые из них имеют по нескольку имен. Запомнить их все, конечно, невозможно. К сожалению, имя того божества не удержалось и в моей памяти.

Буддизм и индуизм в Непале, как известно, мирно сосуществуют на протяжении многих веков. Правда, люди есть люди. Подчас в доверительных беседах индуист как бы невзначай бросит хотя и маленький, но камушек в сторону буддиста; то же не преминет сделать и буддист в адрес индуиста.

Так, иногда из уст буддиста услышишь историю, которая может послужить сюжетом детективного романа. Обычно история начинается словами Будды о том, что на земле все люди равны. Эти, казалось бы, совсем обыденные слова подрывают основу основ индуизма. Ведь Будда (индуист даже подумать об этом не может без содрогания) спокойно принимал пищу из рук неприкасаемых. Иными словами, буддизм разрушает основы индуизма, чего индуисты, естественно, никогда не простят Будде. Тут буддист обязательно поведаст вам полную таинственных загадок легенду о смерти Будды.

Оказывается, перед смертью Будда побывал в доме кузнеца Чунда. Там его угощали едой, содержащей *сукар мардава*. Именно от сукар мардава, как утверждают, и умер Будда. Между тем до сих пор так и неизвестно, что такое сукар мардава. Одни утверждают, что это — грибы, другие — свинина. Однако трудно себе представить, что Будда, проповедуя отказ от всего насильственного, стал бы есть мясо убитого животного. Буддийский монах, даже перед тем как выпить стакан воды, убедится, что туда не попало никакое живое существо.

Буддисты считают, что сукар мардава вовсе не свинина, а ядовитые грибы или грибы, приправленные ядом. Кто знает?

Как бы то ни было, яд в них был. Видно, кому-то это было нужно, утверждает сторонник буддизма.

Однако природная душевная доброта непальца берет верх, и он спешит оправдать бедного кузнеца:

— Может быть, Чунда был слепым орудием в руках влиятельного врага Будды.

Но враг был, и об этом свидетельствуют древние тибетские тексты. В них упоминается один из ближайших учеников Будды — Ананда, который был заклеимен со-

ветом, расследовавшим обстоятельства смерти Будды. Ананда якобы отказался подать умирающему Будде воды, хотя тот трижды просил его об этом. Когда Будда умер, Ананда раздел умершего догола и выставил тело на обозрение собравшихся. Готовя тело к кремации, Ананда неуважительно наступил на Будду. Этих трех обвинений оказалось вполне достаточно, чтобы Ананду с позором изгнали из буддийской общины. Больше наказание для верующего трудно себе представить.

...Итак, некогда на месте долины Катманду простиралось сине-черное Великое озеро. Про него прослышал первый из первых будд Випасья и решил совершить к озеру паломничество. Когда он бродил по горам вокруг озера, то обратил внимание, что там не растет лотос. Прочитав молитву над корнем лотоса, Випасья бросил его на середину озера и сказал:

— В будущем из этого корня вырастет цветок лотоса и над ним появится сияние. На месте цветения лотоса возникнет небольшой холм...

На этом «небольшом холме» впоследствии и был сооружен храм Сваямбхунатх.

Читателя, конечно, заинтересует судьба озера. И тут на помощь приходит легенда, в которой рассказывается о том, как пришел к озеру бодхисаттва Манджушри и решил, что на таком прекрасном месте можно построить не менее прекрасный город. Он расщепил ударом меча горы, вода вытекла, и освободилось место для поселения.

В каждой сказке есть доля правды. Геологи также подтверждают, что в прошлом на месте Долины было озеро.

На память невольно приходит моя встреча с советским археологом Анатолием Щетенко, который только что вернулся из поездки в Лумбини. Даже не поздоровавшись, он выпалил:

— Ты знаешь, мы сделали открытие!

Рядом с Щетенко стоял его молодой коллега Александр Кашкин. Оба с гордостью демонстрировали мне какие-то камни, черепки, обломки глиняных фигурок.

Сначала мне показалось, что я стал жертвой розыгрыша и мои друзья пытаются выдать профану в археологии какой-то хлам за бесценные находки. Видя, что я им не верю, Анатолий Щетенко густым басом, подчеркнуто медленно, выбирая с явной иронией доступные для обычного смертного термины, стал объяснять, что

к чему. При этом он крутил перед моим носом то в одну, то в другую сторону увесистый булыжник. Выразительно жестикулируя, он объяснил весь процесс превращения обычного камня, который он держал в руках, в топор.

— Понимаешь, подтвердилась наша гипотеза! — радовался он.

Когда в январе 1978 года в Непал впервые приехали советские археологи, они сразу же приступили к изучению коллекции, собранной работниками Археологического департамента. Их внимание привлекли каменные орудия, обнаруженные непальскими учеными в районе реки Нарайяни (Гандак), на юге страны. А. Щетенко и А. Кашкин определили, что эти предметы были изготовлены около 200 тысяч лет назад, и пришли к выводу: на территории Непала находились древнейшие стоянки первобытного человека. А. Щетенко и А. Кашкин обнаружили их в районе реки Данда (юг центральной части Непала). Там ими и были найдены каменные орудия, возраст которых оценивался в 200 тысяч и четыре тысячи лет (соответственно нижний палеолит и неолит). На первой надпоймовой террасе сохранились также остатки глинобитных стен древней крепости эпохи бронзы. Таким образом нашла свое подтверждение гипотеза советских ученых.

Буддийское святилище

По извилистой узкой дороге мы медленно поднимались к вершине холма и словно переносились из далекой, двухсоттысячелетней древности во времена, насчитывающие лишь немногим более двух тысяч лет. На склоне среди зелени деревьев виднелись не только статуи Будды, но и высеченные в камне отпечатки его ног. Все как бы свидетельствует о том, что он здесь присутствовал. Вам нужны доказательства? Думаете, это легенда?! Спросите любого непальца, и он ответит, что Будда в Долине был. И скажет это с такой уверенностью, что у вас сразу же отпадет охота с ним спорить.

Мы оставили автомобиль на стоянке и поднялись по узкой лестнице на самую вершину, где находится буддийская святыня. Автомобильная дорога, ведущая к вершине холма, можно сказать, нововведение. Не так давно, чтобы достичь выложенной каменными плитами

площадки, где разместился Сваямбхунатх, приходилось преодолевать лестницу в 365 ступеней: 365 дней в году — есть над чем призадуматься.

Лестница кончилась, и мы оказались у *ваджры* — бронзовой пагоды с плоской крышей, установленной на круглом каменном постаменте. Она символизирует молнию, которая у непальских буддистов олицетворяет высшую силу и власть. Рядом с ваджрой обычно ставится колокол, и это не случайно. Ваджра представляет собой мужское начало, а колокол — женское. Каменное основание, на котором покоится гигантская ваджра, несет «смысловую нагрузку» — на нем изображены различные звери, символизирующие циклы буддийского календаря.

Стоит слегка поднять голову, как оказываешься во власти огромной ступы, или *чайтхи*. В буддийском мире ступы олицетворяют священную гору Меру, которая считается центром Вселенной. В то же время многие непальцы утверждают, что белое полусферическое сооружение символизирует гору риса. Однако, что бы ступа ни представляла собой и как бы ни называлась в других странах, видимо, в далекой древности она была могильным холмом. В легендах говорится, что ступы — хранилища священных останков богов или священных реликвий. Поэтому, оказавшись рядом со ступой, не пытайтесь проникнуть внутрь или заниматься бесполезными поисками входа в какие-то таинственные своды — их просто нет. Ведь в конечном счете ступа — трансформация обычного земляного холма.

Ступы можно встретить почти на каждой улице в городах долины Катманду. Часто они возвышаются в самых, казалось бы, неожиданных местах, блокируют мостовые, вынуждая водителей совершать резкие повороты, чтобы объехать святилище, выросшее словно изпод земли чуть ли не посреди дороги. Ступы построены давно, но у кого поднимется рука снести или передвинуть то или иное святилище, ведь почти все они — настоящие произведения искусства.

В далекие времена среди правителей, да и почти всех подданных (естественно, кто мог себе это позволить!) существовал обычай воздвигать на открытых площадках из камня, кирпичей или известняка куполообразные сооружения в честь богов буддийского пантеона. Обычай этот хотя и берет начало, как принято здесь считать, в первых веках нашей эры, во время правления

династии Личчхави (213—819), однако существует и в наши дни. Правда, с течением времени от одной династии к другой менялась и архитектура ступы. Самые ранние, или, как их здесь называют, «ступы Ашоки», сооружались до правления династии Личчхави. Они представляли собой полусферу, покоящуюся на квадратном основании. Ступы практически не изменились и в период правления династии Личчхави. Правда, квадратный пьедестал все чаще стал украшаться затейливыми орнаментами, появились ниши, декорированные цветами в камне. Верхняя часть ступы почти всегда гладкая. И лишь на немногих из них она венчается тринадцатью обручами на шпиле, как на ступе Сваямбхунатх.

На ступах периода Личчхави нет изображений Будды или других божеств буддийского пантеона. И только в более поздний период ступы стали украшать изображениями божеств, на них даже появились надписи, по которым можно судить уже о времени их сооружения. Эти ступы значительно выше, а в их четырех украшенных резьбой нишах устанавливаются изображения Будды. Есть еще несколько видов ступ, но, несомненно, ни одна из них не может сравниться с прекрасной ступой Сваямбхунатх.

Верхняя часть ступы украшена кубом с навершием конической формы, окольцованным тринадцатью ярусами. Они символизируют тринадцать буддийских небес. Увенчивается все это сооружение золотым зонтом со шпилем. Со всех четырех сторон куба на вас смотрят огромные глаза, а между ними — нечто похожее на вопросительный знак. Оказывается, так изображается цифра «один» — символ «добродетели — единственного пути в океан счастья».

На площади, где разместилась главная ступа, множество небольших ступ и чайтйй. Считается, что ступа — архитектурный термин, а чайтья — религиозный. Причем чайтьями могут быть и ступы, и места поклонения в храмах, и даже священные деревья, не говоря уже о религиозных надписях на камнях. Так называемых святых мест на этой площади, где почти не осталось свободного пространства, хоть отбавляй.

Вот прямо на проходе устроился старик. Судя по одежде, монах. По его мнению, выбранное им место — самое правильное. Около него медное блюдо с цветами, красной пудрой и еще какими-то ритуальными предметами. Не обращая никакого внимания на чуть ли не

перешагивающих через него людей, он монотонно читает молитвы. Правда, насколько они древние, даже самому чтецу неизвестно, может быть, они напечатаны совсем недавно.

Дело в том, что тысячи туристов посещают Сваямбхунатх и буквально каждый из них считает делом чести приобрести любой сувенир, на котором обязательно должен быть налет «древности». Где найти столько древних реликвий, да еще по сходным ценам? Что не сделаешь, чтобы ублажить иностранного толстосума, ведь он готов выбросить кучу денег, например, ради страницы древнейшего священного текста, напечатанного на настоящей древней рисовой бумаге, которую хоть тысячу раз комкай, но все равно не помнешь — положи ее на ровную поверхность, разгладь ладонью, и эта серо-бежевая бумага с грубой текстурой снова как новенькая.

И невдомек гордому столь уникальным приобретением туристу, что этот «древнейший» текст напечатан всего лишь неделю назад и в точно такую же «прекрасно сохранившуюся на протяжении долгих веков» бумагу заворачивают в магазине сыр и не берут за это ни одной пайсы. Ведь такая бумага производится на многочисленных кустарных предприятиях страны. Можно попасть впросак также и с приобретением у бойких торговцев в розницу «антикварными вещами» «древних», а на самом деле только что выплавленных бронзовых фигурок и изделий из слоновой кости, которые на поверку оказываются поделками из пластмассы.

Первые сомнения у счастливых обладателей «антиквариата» появляются на таможне. Обычно дотошные таможенники тщательно проверяют все предметы старины, ведь по непальским законам вывоз предметов, чей возраст превышает сто лет, без соответствующего разрешения Археологического департамента Непала запрещен. А тут они и внимания не обращают на чудесные приобретения туристов. После этого турист уже не будет копаться в многочисленных антикварных лавках, расположенных по соседству с буддийскими святынями. Причем в эти лавки постепенно превращаются и вихары⁹.

Настоящий буддист, придя в Сваямбхунатх, сначала

⁹ Вихара (санскр.) — место и сооружение для молитв буддийских монахов.

обойдет по часовой стрелке главную ступу, провернет вмонтированные в основание ступы вертикальные, отпояриванные руками многих поколений барабаны, на которых начертаны строки из молитв. Вообще процесс службы в буддийских храмах практически полностью механизирован. Достаточно крутануть молитвенный барабан (лучше, конечно, все барабаны по очереди), и можете быть уверены, что ваша молитва достигла небес. Этому также способствуют флаги, привязанные к шнурам, один конец которых прикреплен к вершине ступы. На каждом флаге также начертаны молитвы, которые ветер непременно унесет на небеса. Не обязательно помнить молитвы наизусть, их даже необязательно знать — все сделает за вас наделенный «священной» силой крутящийся барабан.

Если вам хочется или есть необходимость предстать перед всевышним в лучшем свете, следует не только прокрутить барабан, но также бросить горсть риса, лепестки цветов или монетки в одну из тринадцати (как видим, то же число «тринадцать»: количество небес из буддийских легенд, так что цифра «тринадцать» далеко не всегда несчастливая) украшенных диковинным орнаментом часовен, установленных между рядами с модельными барабанами. Все жертвоприношения тут же покидают «священную» нишу без всякой помощи сверхъестественной силы: к часовне устремляются «священные» обезьяны и дети. Животные лакомятся рисом, а ловкие мальчишки с помощью прутиков и длинных крючков пытаются выловить через решетку монетки — не пропадать же добру. Эти богохульные проделки не вызывают у верующих никакого возмущения.

В Сваямбхунатхе рядом со ступой возвышается индуистский храм, где также совершаются обряды, но уже на индуистский лад. Индуисты поклоняются и Будде, считая его девятым воплощением индуистского бога Вишну. Религиозные обряды и поверья сопутствуют буквально каждому шагу непальца, да и вся жизнь его проходит у храмов. Ведь для непальца храм — место, где можно не только «побеседовать с богом», но и пошмеяться и даже поиграть на музыкальных инструментах.

На площади среди самых различных по форме и размеру святилищ в любое время дня много народу. Здесь и верующие, пришедшие из Долины и из самых отдаленных уголков страны, и неустанно щелкающие фото-

аппаратами иностранные туристы. Среди разношерстной публики то тут, то там мелькают оранжевые тоги буддийских монахов.

Вот навстречу мне идут два совсем юных монаха и громко между собой беседуют. Судя по всему, они решают далеко не теологические проблемы. Я едва успеваю нажать на кнопку затвора фотоаппарата, как юноши кидаются ко мне. Они что-то кричат и машут руками. Оказывается, им не нравится, что их фотографируют, тем более бесплатно. Я дал юным служителям культа деньги, и они, позабыв о том, что буддийским монахам не к лицу иметь дело с деньгами, а надо жить подаяниями, быстро отправляют монеты за щеки и, радостные, устремляются к продавцу мороженым...

В храме после яркого дневного света сначала кажется темно. Вдали я с трудом разглядел огромный алтарь, заставленный масляными светильниками с мерцающими, колеблющимися от малейшего дуновения тонкими язычками пламени. Отражая игру многочисленных огоньков, словно ожила шестиметровая позолоченная фигура бодхисаттвы Авалокитешвары. В застекленных нишах золотом отливали фигурки божков, высвечивались оранжевые переплеты древних рукописей, а из глубины храма доносилось монотонное песнопение. Я попал в какой-то нереальный мир. Лишь тиканье неизвестно откуда взявшихся часов с большим маятником возвращало к действительности.

Постепенно глаза привыкли к полумраку, и неподалеку от алтаря я увидел огромное, отполированное сотнями тысяч рук молитвенное колесо и ритуальный барабан. В четыре часа дня обычно начинается буддийское богослужение, которое происходит в зале за алтарем. Там вдоль стен друг против друга имеются возвышения, нечто подобное скамейкам, покрытым циновками, на которых рядами восседают монахи. Причем каждый занимает место, соответствующее его рангу. За спинами монахов устраиваются юные послушники. Пение священных сутр¹⁰ периодически перекрывается звоном колокольчиков и звуками труб, которые во время песнопения лежат возле ног монахов. Одни монахи играют на длинных трубах с раструбом, другие — на маленьких

¹⁰ Сутра (санскр.) — краткие руководства брахманистского ритуала и своды высказываний. В них излагаются различные отрасли знания, относящиеся к религиозно-философским учениям древней Индии.

рожках, третьи — на больших морских раковинах, издающих резкие, пронзительные звуки. Сигнал к музыкальному интервалу дает настоятель монастыря ударом в подвешенный рядом с ним барабан.

Чтобы вдоволь налюбоваться панорамой непальской столицы, многие туристы отправляются на вершину холма, туда, где возвышается Сваямбхунатх. На фоне заснеженных пиков видны багряно-золотые островерхие крыши украшенных искусной резьбой бесчисленных пагод, ярко-зеленые островки рисовых полей, паутина узких улиц старого города с кирпичными домами, с окнами без стекол, асфальтированные магистрали новых районов с современными домами из стекла и бетона. Куда ни бросишь взор, везде старое соседствует с новым. Мимо проносятся сверкающие новенькой краской автомобили последних марок, лавируя между спящими поперек дороги священными коровами. По обочине не спеша бредут в индуистское святилище Пашупатинатх босые паломники, преодолевающие со своим нехитрым скарбом, быть может, не одну тысячу километров.

На поклон к Шиве

Приближалось новолуние месяца *Пхалгуна* по непальскому календарю Бикрам самбат (середина февраля — середина марта). Индуистский храм Пашупатинатх, расположенный на самой окраине столицы, у священной реки Багмати, в преддверии праздника Шиваратри.

Не считая индуистов из самых различных уголков Непала и из других стран, прибыли сюда и паломники из Индии. Их несколько тысяч. Самолетами, автобусами, автомобилями (большинство пешком) добрались сюда паломники, чтобы воздать должное самой яркой фигуре индуистского пантеона — Шиве, который в образе Пашупатинатха пользуется в Непале особым поклонением (он считается богом-хранителем долины Катманду). Не случайно официальные речи членов правительства непременно заканчиваются здравицей в честь Пашупатинатха.

Берега реки напоминали настоящий муравейник. Яблоку упасть было негде. Курились костры, на которых полураздетые люди готовили нехитрую еду. Дети помогали родителям — они собирали прутики и вообще все, что могло пойти на растопку, ведь ночи в это вре-

мя года еще довольно прохладные. Старики устроились на циновках или прямо на земле. Они подставляли нежарким лучам солнца свои уставшие за многодневный переход тела.

Кругом много нищих. Убогим тут же подавали милостыню: в их медных плоских монетах звенели мелкие монеты. Другим, здоровым на вид явно не везло. То тут, то там собирались толпы зевак.

Два бойких молодых человека закопали йога в глубокую яму. Через какое-то время они извлекли беднягу из импровизированной могилы. Йог казался абсолютно бодрым и веселым. Рядом вот уже несколько часов подряд лежал другой на острых колючках с отрешенным выражением лица.

Ранним утром в день новолуния, как только забрезжил рассвет, паломники, подставляя лица восходящему солнцу, со сложенными перед собой ладонями вошли в реку. После ритуала очищения они поднялись по ступеням, ведущим к главному храму, и совершили подношения символам Шивы, или, как говорят непальцы, *пуджу*, в виде цветов, священной воды, пасты из сандалового дерева.

Индуистский комплекс храмов Пашупатинатх, пожалуй, не только самый древний и почитаемый, но и один из красивейших в индуистском мире. Местные историки, исходя из древних текстов, утверждают, что к 533 году нашей эры Пашупатинатх уже существовал.

Каждый день эту Мекку индуистов посещают тысячи людей. Сюда приходят, почувствовав приближение смерти, старики. Они желают, чтобы их сожгли на гранитных площадках, начинающихся у ступеней храма и нависающих над рекой. О богатствах храма ходят легенды, но неиндуистам вход в храм строго воспрещен, поэтому у ворот поставлен часовой. Утверждают, что неповиновение может иметь даже фатальный исход.

До сих пор жива легенда об одной европейской женщине, которой каким-то чудом удалось проникнуть в святая святых индуистов. После этого ее никто уже не видел. Из уст в уста передавались невероятные подробности ее исчезновения, которые могли бы стать «украшением» самого жуткого фильма ужасов. Так что лучше уж уважать чужие законы и не испытывать судьбу.

Храмам довольно часто сопутствуют легенды. Почитаемый как священный манускрипт Свастани повествует об истории коровы, которая повадилась каждый день

в определенное время ходить на затерянный в чаще леса холм. Там она окропляла своим молоком землю. Каждодневная отлучка коровы из стада не осталась незамеченной. Однажды, подстрекаемый любопытством, пастух отправился вслед за беглянкой. Увидев святое таинство, пастух решил, что сама судьба ниспослала ему божественное знамение, и он принялся яростно копать землю на месте, политом молоком коровы. Вдруг... из-под земли вырвался сноп света, и бедный пастух в мгновение ока превратился в пепел.

После таких событий это место прослыло священным. Сначала тут был сооружен четырехликий *лингам* — символ созидательного начала Шивы. Со временем каждый правитель Катманду считал своим долгом воздвигнуть что-нибудь еще, чтобы воздать должное одной из самых интересных фигур индуистского пантеона и наиболее почитаемому богу — Шиве, или, как его еще называют, Пашупати, Махадеве, Шанкару, Махешваре, Нилкантхе и т. д. — всего 1008 имен. Сначала на этом месте возвышался лишь лингам, а затем постепенно возникали все новые и новые постройки.

Монументальные ворота Пашупатинатха белого цвета и обращены на запад. На них цветные изображения Шивы и его жены Парвати. В воротах виден лежащий бык Нанди¹¹, огромный, покрытый пластинами из чистого золота. Голова его обращена к серебряным, украшенным затейливым орнаментом дверям храма. Вокруг позолоченной двухъярусной крыши пагоды по всему берегу разбросаны более низкие храмы и искусно высеченные из камня индуистские божества. На другом берегу Багмати террасы, сооруженные из огромных каменных плит. Там лабиринты лингамов, символизирующих созидательное начало. Одни заключены в миниатюрные пагоды, другие установлены под открытым небом.

С каменных террас прекрасно просматривается священный комплекс, начинающийся у гранитных площадок для кремации. Между *гхатами* (так называются места для кремации) ступени, которые спускаются к воде. Многие индуисты почитают за счастье умереть на этих ступенях в тот момент, когда их ноги омывают священные воды, и быть сожженными на гхатах. Затем их пепел смывают воды Багмати.

¹¹ Нанди (санскр.) — священный бык, спутник и «средство передвижения» бога Шивы.

Прямо над площадками для кремации нависает импровизированная «гостиница» — последнее земное пристанище больных и ожидающих смерти, которые хотят умереть в месте, почитаемом индустами «священным, целомудренным и чистым». Трудно представить себе пристанище, более лишенное каких-либо признаков удобств, чем это.

Рядом с приютом для престарелых стоит изваяние Вирупаче, которого прокляли боги за прелюбодеяние со своей матерью. Непальцы твердо уверены, что некогда изображение Вирупаче находилось в земле. Затем оно стало постепенно подниматься и сейчас уже вышло по пояс. Тогда, когда Вирупаче встанет во весь рост, наступит конец света. Еще одна легенда, скажет читатель, но рассказал мне ее... доктор наук. Он был абсолютно убежден, что стоит Вирупаче выйти из земли, как мир исчезнет.

Проходят годы, а Пашупатинатх продолжает жить своей жизнью, такой же, как, вероятно, много веков назад. По-прежнему в каменных нишах на голых камнях ведут аскетический образ жизни садху, или, как их называют в народе, «святые люди». Они стойчески терпят холод и зной, проливные дожди и ветер в ожидании единственного блага — смерти около Пашупатинатха.

Институт садху вряд ли отомрет в ближайшем будущем. На смену старцам с нечесаными волосами приходят молодые садху. Во время одного индуистского праздника я случайно встретил совсем юного садху. Ему было не более восьми лет. Детское личико, но уже с печатью какой-то недоступной для обычного смертного таинственности. Мальчуган все время старался морщить нос, чтобы на скрытый длинными темно-рыжими волосами лоб набегали морщины. Тем самым он демонстрировал серьезность. И хотя его голое тельце было изрядно посыпано пеплом и песком, я бы не сказал, что это придавало его облику какую-то набожность. Во всем его поведении все-таки проглядывал ребенок. Заметив, что я пытаюсь его сфотографировать, он сначала стал даже позировать. Затем, видимо вспомнив, что он хотя и юный, но все-таки садху, поспешил ретироваться. При этом он побежал совсем по-мальчишески, вприпрыжку, смешно размахивая жезлом и медным котелком.

Если в Сваямбхунатхе можно встретить много аккуратно одетых, чисто выбритых и наголо остриженных

монахов, то в Пашупатинатхе кроме брахманов увидишь садху — в лучшем случае в рубищах, перемазанных глиной и пеплом, со спутанными и нечесаными длинными волосами. Буддийские монахи в основном держатся группами, читают священные книги и ведут между собой беседы. Садху же обычно предпочитают одиночество. Они сплошь и рядом неграмотны и книгами мало интересуются. Если вы увидите вместе нескольких садху, то вам придется долго ждать, чтобы они перекинулись друг с другом хотя бы словечком. Буддийские монахи живут по своим древним традициям, а по каким законам существуют садху, выяснить до сих пор никому не удалось.

Однако садху не менее религиозны, чем буддийские монахи. Они также посвящают себя богам. Конечно, их нельзя назвать монахами-проповедниками. В Непале садху слывут среди индуистов святыми, потому что добровольно ушли из мирской жизни и поселились в Пашупатинатхе или возле других храмов в ожидании смерти в столь священных местах. Мне кажется, садху скорее имеют больше общего с хиппи, чем с монахами: и те и другие отвергли общество, правда, садху верят в бога, а хиппи не верят ни в бога, ни в черта. И все же внешнее сходство у них есть. В том же Пашупатинатхе порой трудно разобратить, кто перед тобой — погрузившийся в раздумье садху или накурившийся до умопомрачения наркотиком хиппи.

Садху наносят себе на лоб, иногда на щеки и руки, а то и на ноги цветные линии — широкие и узкие, горизонтальные и вертикальные. При этом они выбирают краски самых различных тонов — от серо-черного до красного. На вопрос, что означают эти линии и почему они разного цвета, садху обычно называют того или иного бога, чаще всего Шиву, как бы говоря, что это не просто линии, а священные знаки.

Как известно, лица большинства индуистов украшает пятнышко на лбу, называемое *тикой*. Она бывает разного размера и цвета, чаще всего красного.

Брахманов можно встретить не только возле храмов, но и на улице. Внешне они ничем не отличаются от других прохожих, чего не скажешь о буддийских монахах, которые выделяются в толпе оранжевыми тогами. Индуистские священнослужители держат в руках небольшие медные подносы с кашницей красного или другого цвета и предлагают каждому поставить тикку, т. е.

благословить. Причем благословение может получить любой человек, независимо от вероисповедания и цвета кожи.

Однажды в гостях у непальца я оказался свидетелем интересной церемонии: самый старший член семьи ставил тикку своим родственникам. К старику по очереди подходили дети, внуки и правнуки, невестки, зятя. Перед старцем стоял серебряный поднос с красками разных цветов. Он опускал в краску палец, а затем быстро прислонял его ко лбу родственника. Он ставил тикку красного цвета. Наконец к нему подошла довольно молодая женщина. Старик привычным жестом обмакнул палец в красную краску, но тут же спохватился и спросил у женщины, какого цвета тикку она предпочитает. Грустно улынувшись, она сказала, что ей все равно. Заметив на моем лице удивление, сидящий рядом со мной непалец шепнул, что женщина недавно овдовела и теперь не имеет права носить красную тикку.

Казалось бы, ничего удивительного в этом нет — у каждого народа свои обычаи. Однако за этим стоит история Непала. Если сейчас вдова не смеет мечтать о счастье, то в прошлом она лишалась жизни вообще. Взять хотя бы обряд сати, по которому вдову сжигали заживо вместе с умершим мужем.

В истории Непала известен случай, когда обряд самосожжения прошла женщина не сразу после смерти мужа. Это случилось в 1777 году, когда скончался король Непала Пратап Сингх Шах. В то время его супруга ждала второго ребенка, поэтому ее не сожгли вместе с мужем, но страшная судьба не миновала несчастную. Вскоре после рождения сына она взошла на погребальный костер. Через 29 лет в стране свершилось, если так можно выразиться, групповое сати: убит король Ран Бахадур Шах, и в огне гибнет шестнадцать женщин — Раджраджешвари — старшая жена, а также другие жены, возлюбленные и служанки. Официально обряд сати отменен лишь в 1920 году, то есть спустя почти сто лет после запрещения этого варварского обычая в Индии.

Красную тикку в Непале могут носить и совсем юные девушки, и древние старухи, но не вдовы. Дело в том, что красный цвет — это цвет крови, символизирующий полнокровную жизнь. О какой полнокровной жизни может мечтать вдова, если она живет среди ревностных индуистов, слепо следующих древним традициям.

Глава 3

ФЛОРЕНЦИЯ ВОСТОКА

Большая группа иностранных туристов, увешанных фотоаппаратами и кинокамерами, заблокировала и без того узкую улочку непальской столицы. Они толпились возле совсем неприметного на вид храма, каких, пожалуй, здесь тысячи.

Щелкают фотоаппараты, стрекочут кинокамеры, слышатся возгласы удивления. Где еще увидишь такое божество?! Вернее, его нет. Перед храмом нечто похожее на ежа, только гигантских размеров, а вместо иголок у него гвозди... изрытые столетней ржавчиной и совершенно новенькие, блестящие. По местному поверью, если болит зуб, то стоит вбить в изображение бога гвоздь, как боль сразу же утихнет.

Туристы, естественно, гвоздей не вбивали, но в свои блокноты занесли неожиданную находку — еще один отзвук окутанной легендами истории Флоренции Востока. Так часто туристы называют Катманду, этот, пожалуй, единственный на Востоке город, сохранивший до наших дней колорит тысячелетней истории.

Да и как по-другому назовешь город с таким количеством ажурных пагод и монументальных ступ, памятников архитектуры и искусства, со столькими реками и речушками, естественными и искусственными водоемами, с бронзовыми изображениями змей на водной глади в кольце темно-зеленых гор, на вершинах которых лежат вечные снега. Каждый, кто когда-либо посетил Катманду, обязательно скажет, что это самый сказочный уголок в мире.

Чтобы убедиться в этом, не следует запасаться многочисленными путеводителями, искать гидов, достаточно совершить короткую прогулку по городу, и все ваши сомнения сразу улетучатся.

Куда бы вы ни направились в Катманду — за покупками на Нью-Роуд (главную торговую улицу) или за билетами в представительство авиакомпании, непременно остановитесь у пруда с белоснежным храмом в центре. С берега он кажется игрушечным, к нему ведет как бы стелющаяся по поверхности воды дорожка. Создается впечатление, что храм парит в воздухе. Невозможно пройти спокойно мимо такой красоты. Пруда не замечаешь — в нем отражаются храм, белая дорожка и ярко-голубое небо. Это Рани Покхари. В XVII веке в честь жены короля Пратапа Малла выкопали пруд и построили белокаменный храм, который также окружен легендой.

...Рассказывают, что каждое утро на пруд приходил король Пратап Малла, чтобы совершить омовение в его священных водах, собранных из наиболее почитаемых рек. Однажды король встретил там красивую девушку и влюбился в нее. Прошли месяцы, и красавица подарила королю сына. Не успел счастливый отец как следует налюбоваться на свое дитя, как любимая неожиданно впала в транс и убила ребенка. И тут только Малла заметил, что стопы у красавицы вывернуты назад.

— Злой дух! — воскликнул несчастный король и кинулся во дворец, чтобы поскорее рассказать о случившемся старому, мудрому брахману.

Наставник короля посоветовал своему повелителю прихватить с собой на следующее свидание с красавицей клубок ниток и привязать конец нитки к одежде женщины. На другой день король сделал все так, как сказал ему брахман. Вскоре возле пруда появился и сам наставник. Он заметил, что конец нитки привязан к человеческой кости, которая лежала у пруда. Брахман совершил над костью обряд, который совершается обычно над покойником. После этого король уже никогда больше не встречал этой женщины...

Как мы видим, Непал — страна, история которой переплетается с легендами, а истина — с художественным вымыслом. Каждый камень на мостовой — легенда, любое изображение божества — легенда, а самая невзрачная, полуразрушенная временем ступа — целое сказание. Что касается пагод, то они овеяны легендами не только на Востоке, но, пожалуй, и во всем мире.

Каких только пагод не увидишь в долине Катманду: и пятиярусную Ньятаполу, и двух- или трехъярусные, а также искусно декорированные миниатюрные — их

носят на руках во время празднеств. Несомненно, самая колоритная пагода в долине Катманду — это храм Чангу Нарайян, построенный в начале XVI века на одном из холмов на окраине Долины. Это произведение искусства, ставшее эталоном традиционно непальской резьбы по дереву, росписи и чеканки, не оставляет равнодушным никого.

Осматривая пагоду, восхищаешься также инженерной мыслью непальских зодчих. Взять хотя бы квадратное основание пагоды. Специалисты утверждают, что камень, на котором покоится пагода, — монолит примерно 12×12 метров и толщиной 45 сантиметров — «не из здешних мест». Можно только догадываться, сколько выдумки и сил пришлось приложить, чтобы доставить этот исполин на холм без помощи техники.

Пагоды строились и строятся главным образом из дерева и красного кирпича, причем в давние времена даже из сырцового, скрепленного смолой. Двери, окна и своды их покрыты тончайшей резьбой. Прошли века, а большинство пагод сохраняет свою первозданную красоту. Секрет долголетия этих ювелирных творений древних зодчих в конструкциях сложных перекрытий и многоярусных кровель.

Куполообразная кровля с далеко выступающими, обычно чуть загнутыми вверх краями покоится на переплетениях деревянных балок, которые поставлены под углом. Крыша построена так, что ни яркие лучи солнца, ни ливневые дожди не страшны не только перекрытиям, но и стенам пагоды. Зодчим пришлось делать сложные подсчеты, чтобы правильно спроектировать это на первый взгляд хаотичное сооружение из наклонных балок, подпорок и стоек. Чтобы убедиться в этом, надо подняться вверх по лабиринту крутых лестниц.

Двигаться приходится медленно: ступеньки узенькие и стертые от времени; под сводами храмов полумрак — окна, прикрытые ажурными деревянными решетками, пропускают лишь узкие пучки света. Шаткие, в некоторых местах без перил лестницы и бесконечные коридоры уже остались позади, и вот наконец вы у цели. Вокруг царит полумрак. Не успеваешь оглядеться, как словно по мановению волшебной палочки начинается колокольный перезвон. Колокола звучат то тихо и нежно, то громко и оглушительно. Звуки завораживают. Очарованный, абсолютно забываешь обо всем на свете.

Выглянув из окна, вдруг замечаешь, что по всему периметру крыши подвешены небольшие колокольчики, к язычкам которых прикреплены широкие плоские листья из бронзы. Достаточно легкого дуновения ветра, и колокольчики приходят в движение — начинается малиновый перезвон. И не имеет значения, из чего сделана крыша пагоды — из позолоченной меди или почерневшей от времени черепицы: у нее такой наклон, что трели колокольчиков словно рассыпаются по ней, отражаясь от каждого, даже легкого изгиба кровли.

При описании непальских пагод непременно упоминаются сценки на эротические темы, украшающие резные деревянные подпорки крыш. Существует мнение, будто молния, которую здесь отождествляют с юной, непорочной девушкой, завидев непристойные изображения, улетает прочь.

Я слышал и другое объяснение этим изображениям: они сделаны для своеобразной проверки верующих. Если ты пришел к храму, чтобы говорить с богом, и тебя не отвлекают от молитвы такие, мягко выражаясь, фривольные сцены, значит, молитва и соответственно вера полны искренности. Мне удалось познакомиться с еще одной легендой. На мой взгляд, она наиболее правильно объясняет появление на храмах сцен далеко не религиозного содержания.

Если следовать этой версии, то эротические изображения, оказывается, были нужны, чтобы отвести от храмов Аламбусу — прекрасную, но далеко не безгрешную королеву (в молодости она занималась проституцией). Устав от любовных утех, она превратилась в святую и переселилась к подножию Гималаев, фанатично уверовав в Шиву. Как ни странно, но именно Шива сделал ее опасной для окружающих. Он был рад божественному преображению Аламбусы и польщен, что она прониклась верой именно в него (оказывается, боги не лишены человеческих слабостей), поэтому наделил королеву огромной силой разрушения. Чтобы уничтожить врага или разрушить какое-либо здание, ей достаточно было... плюнуть.

Способностью сокрушительно плевать королева завоевала себе большую популярность — даже могущественные короли обращались к ней за помощью. Вскоре началась легендарная «великая война» индуистских богов, в которой Аламбуса приняла активное участие.

Однако во время битвы она была легко одурочена Кришной с помощью царя обезьян Ханумана.

В гневе, не разбирая, королева стала плевать на тех, кого должна была защищать. Поняв, что Кришна зло посмеялся над нею, Аламбуса поклялась впредь разрушать воздвигнутые в его честь храмы и святилища. Она пообещала также расправиться и с богинями, если они окажутся в его объятиях. Тогда, чтобы оградить храмы от гнева Аламбусы, древние непальские мастера стали украшать их эротическими сценами. Главным героем в них выступал Кришна, развлекающийся с Аламбусой. Не пристало королеве плевать на собственное изображение. Таким образом пагоды были спасены.

Для страховки от всяких неожиданностей по углам пагоды непременно изображается Хануман, тот самый Хануман, чью статую можно увидеть в центре непальской столицы на Дарбар-Сквер. Именно здесь, у ворот дворца, на высоком постаменте восседает под пышным красным зонтом, в красной накидке некое чудовище. Не сразу поймешь, что под бесчисленными слоями краски скрывается изображение обезьяны.

Оказывается, Хануман, хотя его и принято считать божеством, вовсе и не причислен к лику святых. Он всего лишь царь обезьян, преданный страж храмов, королевских дворцов и общественных зданий. Этот с виду совсем несимпатичный герой сделал столько добра и проявил себя таким надежным другом, что в Непале его почитают наравне с богами. Пожалуй, трудно найти в Долине пагоды, где не было бы изображения Ханумана. Его именем назван даже этот комплекс старинных дворцов и храмов.

Хануман пользуется огромной популярностью. Дело в том, что короли Малла считали себя потомками Рама, героя индийского эпоса «Рамаяна» — одного из воплощений Вишну. Рама победил демонического короля Равану благодаря Хануману, самому преданному слуге, без которого сражение наверняка закончилось бы поражением. Поэтому Малла всячески старались угодить Хануману. Кто знает, может, без него не было бы и самой династии Малла. Изваяния царя обезьян устанавливались возле храмов, дворцов. Изображение Ханумана украшало и королевский штандарт.

Но изваяния Ханумана стали активно появляться в Долине не только за заслуги перед Рамой. Время правления династии Малла было удивительным периодом в

истории Непала. Долина относительно небольшая. В ней несколько городов, каждый из которых являлся отдельным княжеством, причем в каждом из них правил король из династии Малла. И хотя во главе городов-княжеств стояли родственники, время от времени они ссорились между собой и порой даже нападали друг на друга. Можно лишь догадываться, какими молниеносными были эти нападения, если расстояния между городами-королевствами исчислялись даже не «переходами слона», а «милями носового платка». В те времена под «переходом слона» подразумевалось расстояние, преодолеваемое этим животным без остановки и без принуждения погонщика, а под «милей носового платка» — расстояние, которое проделывал пешеход, пока привязанный к его посоху мокрый носовой платок не высыхал.

Эти меры длины постепенно уходят в прошлое. Да и как они могут служить хотя бы подобием эталона, когда целиком и полностью зависят от погоды и времени суток, не говоря уже о времени года. Однако непальские меры веса оказались на удивление живучими. По сей день на рынках (даже в столице), несмотря на то, что введена международная система мер, фрукты и овощи продаются на *дхарни* и *сиры*, а сыпучие дорогостоящие товары — на щепотки, на одинарные и двойные пригоршни.

В те далекие времена непальцы искренне верили, что деревянные, каменные и металлические изваяния Ханумана — самая надежная защита от врага, а изображение легендарной обезьяны на боевом стяге непременно повернет войска неприятеля вспять. Иными словами, Хануман почитался в качестве бога войны и победы. Когда до потенциального противника было рукой подать, каждый дом служил своего рода боевым укреплением, не говоря уже о дворцах, которые строились как настоящие крепости.

Достаточно сказать, что при покорении долины Катманду солдатам Притхви Нараян Шаха¹² пришлось изрядно потрудиться, чтобы захватить дворец Хануман Дхока. Для этого сожгли несколько близстоящих домов, выбили во дворце двери, затем солдатам удалось

¹² Притхви Нараян Шах (1742—1775) — основатель шахской династии правителей Непала, объединитель непальских земель в централизованное государство.

ворваться в королевские покои. При захвате Бхактапура, который произошел довольно легко и быстро, будущему королю Непала пришлось ждать три дня, пока были распахнуты двери в знаменитый «Дворец 55-ти окон». Сопrotивление жителей сломили полностью, а дворец-крепость не сдавался еще три дня. Отчаянный отпор Притхви Нарайян Шаху оказали также защитники королевского дворца в Патане — не случайно он в то время назывался Чаукотом, что означает «Укрепленное сооружение».

До сих пор непальцы искренне верят, что без покровительства Ханумана даже прекрасно укрепленным дворцам не удалось бы оказать столь длительное сопротивление.

Какой бы призрачной ни была сила Ханумана, имя его все-таки сделало доброе дело: благодаря ему сохранились до наших дней памятники старины. В те времена, когда в Долине существовало три княжества, трудно было избежать междоусобных споров. Однако они, как правило, не сопровождались разрушительными войнами. Кто мог осмелиться поднять меч на города, дворцы и жилища, охраняемые Хануманом?

Не грозили Долине войной также и иноземные завоеватели. Ведь проникнуть на территорию долины Катманду трудно. Существовало всего два пути в Долину: с юга — из Индии и с севера — из Тибета. Чтобы добраться до Катманду, врагам пришлось бы совершить утомительные и рискованные переходы в горах по узким, крутым тропам на головокружительной высоте. По ним почти невозможно доставить осадные машины. К тому же из-за каждого куста там может появиться горец, а с ним шутки плохи. Недаром солдаты-гуркхи известны во всем мире.

Под этим словом, несмотря на разницу написания, первоначально понимали жителей княжества Горкха, которое было расположено к северо-западу от долины Катманду. Его правитель Притхви Нарайян Шах начал покорение раздробленных княжеств, расположенных в Центральных Гималаях.

Впоследствии в английской исторической литературе термин «гуркх» был распространен практически на всех жителей Непала, в первую очередь на магаров и гурунгов, вербовавшихся в английскую колониальную армию.

Откуда идет слава гуркхов? Эти люди особенно яр-

ко проявили свои способности во время англо-непальской войны 1814—1816 годов, когда англичане убедились в своей беспомощности в боях с неприхотливыми и необыкновенно выносливыми непальскими солдатами, в распоряжении которых было лишь считанное число пушек со стволами из... буйволово́й кожи.

Достаточно упомянуть донесение командующего английской армией генерала Октерлони руководству Ост-Индской компании, где утверждалось, что его войска никогда не смогут полностью покорить гуркхов. Вскоре после заключения мирного договора 1816 года англичане, убедившись в необычайной стойкости гуркхов, стали вербовать их к себе на военную службу, а с 1850 года подразделения непальских солдат официально вошли в состав англо-индийской армии. За то, что гуркхи несли службу в войсках Великобритании, Англия платила соответствующую мзду наследственным премьер-министрам из семейства Рана.

За годы своего пребывания в Непале мне пришлось выслушать о гуркхах много историй, которых хватило бы на несколько книг. Приведу лишь одну — времен второй мировой войны.

Однажды гуркхов привезли на какой-то аэродром в Индии. Над их головами стал летать самолет. Инструктор сказал, что гуркхам придется прыгать с такой же высоты. Солдаты явно забеспокоились. Приказ привел их в уныние. Инструктор попытался выяснить, в чем дело. Поколебавшись, один из гуркхов осторожно попросил:

— Нельзя ли сделать так, чтобы самолет держался ближе к земле.

Инструктор объяснил, что на небольшой высоте парашют не успеет раскрыться. Когда гуркхи узнали, что им дадут парашюты, они сразу успокоились и сообщили, что готовы к прыжкам.

Понятно, что при таких самоотверженных защитниках дорога захватчикам в Непал была заказана. Эта относительно небольшая горная страна не была включена в британскую колониальную империю, хотя и находилась долгое время в значительной зависимости от Великобритании.

Большая долина издревле притягивала к себе жителей всего региона. Многие века манила она к себе плодородными землями, благодатным климатом и необыкновенно чистым и здоровым воздухом. Из уст в уста

передавались сказания об этом уголке мира, на который снизошла божественная благодать.

И во всех историях центральное место занимали величественные ступы, будь то парящий в синеве Сваям-бхунатх или мощный Бодхнатх, ажурные многоярусные пагоды под золочеными крышами, идолы из камня и бронзы. Долина стала как бы центром искусства и архитектуры всего региона.

Однако начиная со второй половины XIX столетия, т. е. после прихода к власти феодальной династии наследственных премьер-министров из семейства Рана, в архитектуре Непала сильно стали проявляться черты персидской и арабской, а позже европейской архитектуры.

Богатые Рана высшей ступени (род подразделялся на три класса: А, В, С) лезли из кожи вон, чтобы перещеголять друг друга в роскоши. Начался настоящий строительный дворцовый бум. Однако эти дворцы были совсем непохожи на те, которые возводились во время правления династии Малла. Во дворцах Рана уже не найти не только национального колорита, но даже и признака типично непальского творчества. Пожалуй, лишь кирпичи — они по-прежнему местного производства.

Каждый дворец — парад богатства: это и массивные колонны с безвкусной лепкой, нагромождения зеркал и хрусталя, потолочная роспись с вывезенными из дальних стран амурами. Только украшающие интерьер охотничьи трофеи — головы носорогов и кабанов, шкуры леопардов и тигров — напоминали, что все это происходило в Непале.

Классическим примером этого бесславного периода в истории непальской архитектуры можно считать Сингха Дарбар, что значит «Дворец льва». Он был построен в качестве частной резиденции премьер-министра Чандра Шамшер Рана, стоявшего у власти с 1901 по 1929 год. В 1908 году он совершил путешествие в Англию. На обратном пути Чандра Шамшер посетил ряд европейских стран. Кто знает, может, этот вояж и навел ему бредовую мысль построить собственный Версаль.

Однако копия всемирно известного памятника архитектуры оказалась далеко не самой удачной. Вместо подобия Версаля получилось купеческое нагромождение неумной пышности.

В громадных залах фронтального, украшенного массивными колоннами в стиле рококо корпуса сверкали золотом канделябры, мириадами огоньков горели огромные хрустальные люстры, ноги посетителей буквально утопали в шкурах редких животных, разостланных на паркетных полах из дорогих пород дерева. Если махараджу обуревала грусть, он мог от души повеселиться в зале кривых зеркал.

Правда, недолго просуществовал Сингха Дарбар в качестве самой большой частной резиденции не только в Азии, но, пожалуй, и во всем мире. Видимо, эта причуда наскучила махарадже, верх взял рассудок, и премьер-министр понял всю абсурдность идеи иметь личный дворец, насчитывающий около тысячи комнат. В конце концов Чандра Шамшер продал Сингха Дарбар своему собственному правительству, причем, как говорят, с большой выгодой для себя.

Несколько десятилетий в заднем и боковых корпусах Сингха Дарбара размещались практически все министерства и департаменты правительства, благо что помещения всем хватило. Мне не раз приходилось бывать там, но каждый раз, чтобы найти то или иное ведомство, приходилось тратить на поиски много времени. Однажды, пройдя не тем переходом, я долго блуждал в лабиринте коридоров, лестниц, залов и кабинетов.

Если бы не сильный пожар, уничтоживший в июле 1973 года все корпуса, за исключением парадного, где и в настоящее время проходят государственные приемы, бывшая частная резиденция, построенная ради одного человека, и по сей день служила бы пристанищем для многотысячной армии государственных служащих. Но и после пожара в Сингха Дарбаре не представляло особого труда найти новые помещения для многочисленных министерств и департаментов — благо заброшенных бывших дворцов семейства Рана в Долине остается еще немало.

Сейчас буквально в каждом районе города высятся посеребрившие от времени, покрытые зеленью плесени, с облупившейся штукатуркой и потрескавшимися колоннами молчаливые памятники бесславного периода в истории королевства, когда даже исконно национальные искусство и архитектура, снискавшие себе глубокое уважение во многих странах мира, у себя на родине не были в почете.

Действительно, жизнь в Долине сильно изменилась. Когда я впервые приехал в Непал в 1965 году, то стоило только наступить сумеркам, как улицы столицы погружались в темноту. Светились лишь витрины больших магазинов, да в окнах некоторых богатых домов горели электрические лампочки, водопровод был далеко не во всех домах Катманду. В наши дни электрические фонари установлены почти на всех улицах Катманду, во многих домах имеется водопровод. Сейчас здесь построено много новых современных гостиниц, появился даже «супермаркет». Но какие бы изменения ни коснулись Катманду, у города собственное лицо, его трудно спутать с каким-либо другим городом. В этом огромная заслуга принадлежит коренным жителям Долины — неварам. Они владельцы небольших лавок, бизнесмены и ремесленники. Среди них встречаются и буддисты и индуисты. В древности невары исповедовали буддизм, а сейчас большинство из них индуисты.

Как появился Патан

Патан — второй по величине город долины Катманду. До сих пор его часто называют, как в старину, Лалитпуром, что значит «город прекрасного», «город искусства», «город радости».

А сколько еще имен было у этого города в прошлом! Ашокпатан, Лалитпатан и др. Такое множество названий можно объяснить и тем, что в те далекие времена на месте будущего города имелось много неварских поселений.

О том, когда был основан Патан, можно лишь догадываться. В «Сваямбху пуране» говорится, что во время правления Стхунку, примерно в 250 году до нашей эры, долину Катманду посетил индийский царь Ашока. С ним были царица и принцесса. На принцессе женился принц Девапала. В честь такого события, указывается в «Сваямбху пуране», Ашока основал Патан, соорудив четыре ступы по краям города, а в центре — пятаю. Ступы сохранились и по сей день, правда, время и стихии превратили их в почти ничем не приметные зеленые холмы.

Одни непальские ученые твердо убеждены, что в те далекие времена город назывался Ашокпатаном и лишь спустя много лет переименован в Патан. Учитывая, что

посещение долины Катманду императором Ашокой до сих пор в научном плане проблематично, вести споры о том, как на самом деле в древности назывался город, довольно трудно.

Другие ученые придерживаются иного мнения. Они считают, что во время правления шестнадцатого киратского короля Санко (он сменил на троне Стхунко) произошло сильное землетрясение, которое полностью разрушило его столицу Чабахил. Санко основал новую и назвал ее Санкомолом. Затем рядом с новой столицей он построил поселение Патангичури, по имени которого, уверяют ученые, назван Патан.

Откуда появилось название Лалитпур? Лалитпур основан правителем Виradeвой и сначала упоминается как Лалитпатан (речь идет все об одном и том же городе). Виradeве, гласит древняя летопись, однажды довелось увидеть косца по имени Лалит. Король решил, что это предзнаменование, и взял его себе на службу. Парень оказался хорошим работником, и король с королевой души в нем не чаяли. Вскоре Лалит получил «важное и почетное задание» — вырубить лес и построить город, которому впоследствии было присвоено имя его создателя. Город называли Лалитпатаном. Упоминание о Лалите в древних летописях встречается довольно часто. Правда, в некоторых писаниях он страдает проказой. После купания в каком-то чудодейственном источнике Лалит получил исцеление (жаль, что в древних манускриптах не указывается место, в котором расположен источник, ведь и сейчас около 300 тысяч непальцев больны проказой).

Манускрипты сообщают, что при короле Виradeве город состоял из 24 тол (каждая тола объединяет тысячу домов) и являлся столицей. Правитель Виradeва, со скрупулезной точностью свидетельствуют легенды, взшел на трон в 3600 году *калиюги* («железный век») и через четыре года после прихода к власти основал Лалитпур. Казалось бы, нетрудно высчитать, в каком году был построен Лалитпур, или Патан. Однако тут самое время сказать, что неизвестно, какой год брать за начало калиюги, ведь об этом легенды почему-то скромно умалчивают.

Патан непальцы справедливо называют жемчужиной страны. Достаточно короткой прогулки по центральной Дарбар-Сквер, чтобы убедиться в этом. Вас поразит декорированный витиеватой неварской резьбой по дере-

ну и охраняемый каменными изваяниями древний королевский дворец из ярко-красного кирпича, и лабиринт ступ, и многоярусные пагоды, и бронзовые скульптуры королей Малла, венчающие высоченные монолитные колонны из камня, и многообразие архитектурных стилей буддизма и индуизма, и огромное количество бронзовых и каменных скульптур.

Многие дома в Патане — настоящие произведения искусства. Взять хотя бы полицейский участок. Он размещен в одном из старых зданий и украшен резными сценками на такие фривольные темы, которые больше подошли бы совершенно иному заведению. Обнаженные боги на них заняты вовсе не тем делом, чем должна заниматься полиция. Тут же в нише стоит покрытый многими слоями красной краски Хануман, и каждый полицейский, проходя мимо, непременно дотронется до изображения, чтобы при исполнении служебных обязанностей ему сопутствовал успех.

Истертые десятками поколений гранитные плиты мостовой также никого не могут оставить равнодушными. Прошли века, но видимо, так ничего и не изменилось, лишь паутина электрических проводов над головой возвращает к действительности. Город — естественный музей под открытым небом.

Кажется, никогда не забыть мне многоярусные пагоды и ажурные храмы в окружении бронзовых и медных, иногда и позолоченных идолов. Невозможно представить, что все это видишь не в прекрасном музее, а на улице.

Вызывающая трепет восторга своим изяществом и пластикой скульптура, изготовленная методом «утраченного воска», для жителя Катманду — явление обыденное. С раннего детства забавляется он играми около мерцающих золотом изваяний, здесь в зрелые годы ведет степенные беседы с друзьями, возле них закончит свой жизненный путь на погребальном костре.

Метод отливки скульптур «утраченным воском» появился в Непале много веков назад. Слава древних неварских литейщиков давно перешагнула границы страны. В древности тибетские монастыри украшали изображения богов буддийского пантеона, изготовленные непальскими мастерами художественного литья. Еще в XIII веке молодой непальский скульптор и зодчий Арнико вместе с восьмьюдесятью мастерами-литейщиками посетил сначала Тибет, а затем Китай.

Многие секреты того или иного производства со временем оказываются забытыми людьми. К счастью, этого не произошло с непальским методом отливки «утраченного воска». В наши дни в Непале существуют мастерские, где из поколения в поколение литейщики передают навыки необычайно сложного, требующего высокой точности процесса молодому поколению. Стоит взять в руки фигурку, отлитую этим методом, как тебя поражает тщательность ее литья и отделки.

Мне удалось увидеть практически весь процесс изготовления Манджушри в бронзе (это он, если верить легенде, ударом меча разрубил горы и осушил озеро, которое находилось на месте долины Катманду). Сложный процесс отливки мне объяснил знаток метода «утраченного воска», мастер, скульптор и искусствовед Шакья.

Сначала изготавливают восковую модель (точную копию будущей скульптуры), основой которой служит деревянный каркас, покрытый глиной. Затем на восковую модель мягкой кисточкой наносят жидкий раствор глины, в который добавляют коровий помет. Когда первый слой затвердевает, модель покрывают более густой массой из глины. Обмазанную глиной модель нагревают, а воск по заранее проделанным каналам вытекает из нее, отсюда и название метода.

Главное — правильно сделать под строго определенным для каждой скульптуры углом каналы, чтобы во время заливки бронзы, меди, а также серебра или даже золота металл заполнил бы всю пустоту, оставленную вытекшим оттуда воском.

После того как металл остыл, глиняную оболочку разбивают, а деревянную и глиняную основы извлекают, острые края и остатки каналов, по которым вытек воск и заливался металл, опиливают, а поверхность фигурки полируют. На этом, однако, процесс изготовления далеко не всегда заканчивается. Часто уже готовое бронзовое изделие золотят. Покрыв кислотой и смесью золота с ртутью, скульптуру подвергают термической обработке, а затем полируют агатом.

Насколько современные мастера скульптур методом «утраченного войска» достойны своих отцов и дедов, можно судить по тому, какой популярностью пользуются эти произведения искусства на международных выставках. Так, на международной осенней ярмарке в Загребе в 1978 году непальской золоченой скульптуре

Будды, изготовленной Амарлалом Шрестхой, была присуждена золотая медаль.

Катманду сегодня

В центре Нью-Роуда — главной торговой улицы непальской столицы — растет огромная, раскидистая смоковница. Катманду уже невозможно представить без этого знаменитого дерева. На довольно большом, вымощенном камнем круглом подножии разложены стопками малоформатные непальские газеты, журналы, дешевые издания небольших книжек и брошюр. Громко, перебивая друг друга, кричат продавцы лотерейных билетов. Пожалуй, лишь поздней ночью жизнь возле этого дерева замирает.

В любое время дня здесь можно найти собеседника и обсудить с ним последние события, узнать, насколько крепки позиции того или иного государственного деятеля, самые невероятные светские сплетни. Возле дерева толпа народа. Здесь много чистильщиков обуви. Они буквально облепили вымощенную площадку под деревом и, аккуратно расставив традиционные ящики с щетками, батареями баночек с красками всех цветов радуги, навязывали всем свои услуги. Ко мне подбежал чистильщик:

— Саб¹³, у вас слегка запылились ваши чудесные ботинки! У них такой удивительный цвет...

Я смотрел на свои башмаки и никак не мог взять в толк, чем они ему так понравились. На мой взгляд, это были самые обыкновенные туфли традиционно черного цвета и не пыльные.

— Саб, ради всех святых, не проходите мимо, — не унимался чистильщик. — Вы будете моим первым клиентом и обязательно принесете мне удачу. Я уже несколько часов без работы, а мне надо кормить семью. Ведь кто-то должен быть сегодня моим первым клиентом. Самое главное — заполучить первого клиента.

В его глазах было столько неподдельной мольбы, что я не выдержал и сдался. Может, и вправду мои туфли принесут ему удачу. Ведь чистильщиков так много, а большинство непальцев предпочитают ботинкам резиновые шлепанцы, которые, как назло, в ваксе

¹³ С а б — сокр. от с а х и б — «господин».

совсем не нуждаются. Пришлось снять ботинки. В Непале мастерство наведения блеска на обувь доведено до совершенства.

Я устроился на ветхом стульчике возле мастера и, чтобы не терять времени, попросил чистильщика купить мне «Райзинг Непал» — правительственную газету на английском языке. Однако он возвратился с пустыми руками: газеты уже были распроданы.

Сонам Таманг рассказал мне, что он работает чистильщиком уже четырнадцать лет. За эти годы он скопил немного денег и на 120 рупий купил набор щеток и красок. Он продемонстрировал их мне с огромным удовольствием.

— Это же полный набор, а не какие-нибудь две-три жалкие щеточки, несколько баночек с гуталином и самодельный ящик.

Сонаму уже 37 лет. У него шестеро детей, а заработок в день составляет не более 10 рупий.

— Это еще не так плохо. А вот когда наступает сезон дождей, дела идут туго. Понятно, что, орудуя щетками и ваксой, миллионером не станешь, но все-таки 10 рупий — это деньги, на которые хоть что-то можно купить. Другим приходится еще тяжелее: им две трети выручки надо отдавать за аренду набора щеток и красок. Конечно, трудно прокормить детей, но трое старших уже подрабатывают. Они на рынке помогают богатым покупателям — носят их сумки.

— Значит, ребятишки не учатся?

— Для нас это слишком дорогое удовольствие. Ничего не поделаешь. Видимо, ребятам самим придется зарабатывать себе на жизнь, до учебы ли тут!

К тому времени мои начищенные до блеска ботинки сверкали словно новенькие — их трудно было узнать. Я расплатился с Сонамом и кинулся к автомобилю: мне надо было успеть на почту до закрытия, чтобы получить газеты и журналы. Но не тут-то было. Автомобиль оказался зажатый в кольце машин, мотоциклов и мотороллеров. Я принялся отчаянно сигналить, призывая водителей близстоящих машин дать мне возможность отъехать. Прошло какое-то время, и появился улыбающийся владелец старенького автомобиля, такого ветхого, что невозможно было установить его марку и год выпуска. Просто не верилось, что это старье еще в состоянии двигаться.

Хозяин автомобиля ловко прыгнул на сиденье и

включил зажигание, тем временем его слуга, вооружившись заводной ручкой, пытался вдохнуть жизнь в громыхающее железом чудовище. Раздался звук, похожий на взрыв, и, всласть начихавшись, колымага, выбрасывая клубы фиолетового дыма, отъехала и освободила мне путь.

В Непале автомобили эксплуатируют буквально до последнего вздоха, поскольку цены на них очень высокие. На дорогах можно увидеть старенький импортный грузовик, сошедший с конвейера несколько десятилетий назад. Создавая настоящую дымовую завесу, тархтя и лязгая разболтанными металлическими деталями, везет он в полуистлевшем кузове груды кирпича. В залатанной фанерой кабине, в которой нет ни дверей, ни сидений, на деревянной лавке гордо восседает водитель. Частенько двигатель работает на одном честном слове.

Крупных доменных печей в стране нет, поэтому с каждым годом острее встает вопрос, что делать с металлом, который ржавеет у всех на глазах.

Интересная ситуация сложилась на границе с Индией, в крупном промышленном центре Непала городе Биратнагаре (юго-восток страны). Там от скопившегося железного хлама больше всего, как ни странно, страдают... таможенники. Дело в том, что бесхозным металлом заинтересовались контрабандисты. Они нелегально переправляют его через границу в Индию. Таким образом каждый месяц «уплывает» около 3 тонн металлолома, что по непальским масштабам немало. За несколько лет конфискованного контрабандного товара скопилось столько, что его уже некуда девать — им забиты склады, заполнена площадка возле таможни.

Совсем еще недавно в непальской столице, не говоря уже о других городах страны, было считанное количество автомобилей. Не случайно первый светофор в Катманду появился лишь в 1966 году, а местная полиция, ведающая автомобильным движением, создана в 1955 году. Ни автомобильных пробок, ни катастроф не случалось на тихих улицах Катманду. В то время светофоры служили для полицейских утехой и вызвали откровенное удивление водителей. Бывало, едешь по пустынной улице, впереди горит зеленый свет светофора. Неожиданно метров за двадцать полицейский, невинно улыбаясь, включает крас-

ный свет и с большим интересом смотрит, как автомобиль, резко затормозив, начинает плясать на мостовой. Чтобы полюбоваться бесплатным зрелищем, к светофору приходили даже жители отдаленных селений.

Теперь же в Катманду около 16 тысяч автомобилей и мотоциклов. В непальской столице возникла проблема со стоянками. На улицах из-за скопления образуются пробки. Узкие улочки старого города, на которых расположены торговые центры, уже не в состоянии справиться со все увеличивающимся потоком автомобилей. Остановка машин на таких улицах, конечно, запрещена. По официальным данным, в 1977 году на улицах Катманду в автомобильных катастрофах погибло 160 человек.

Сейчас уже светофоры не выполняют ни развлекательных, ни декоративных функций. Многие из них работают в автоматическом режиме. Появилась первая подземная автостоянка, на некоторых улицах открыто одностороннее движение. Введена своеобразная система штрафов для водителей-нарушителей. У них отбирают водительские права и возвращают лишь тогда, когда водитель предъявит в полицию квитанцию об уплате штрафа, которая должна быть предъявлена в полицию в течение 48 часов с момента совершения нарушения. В противном случае сумма увеличивается в три раза, а срок выплаты продлевается на три дня, по истечении которого незадачливый водитель вообще лишается прав.

Нарушитель вынужден платить штраф, но он мечтает о том времени, когда полиция наконец-то возьмется и за велосипедистов (до сих пор они ездят где хотят и как хотят), и за пешеходов (последние уверены, что тротуары созданы для кого угодно, но только не для них).

Когда я подъехал к почтамту, на перекрестке собралось много народу. Там были и усиленные наряды полиции. Вдоль шоссе плотной стеной стояли школьники. Они следили за тем, чтобы улицу переходили по пешеходной дорожке и на зеленый свет светофора. Проходила очередная кампания за безопасность движения.

Я увидел мальчугана в форме бойскаута. Он помогал насмерть перепуганному горцу, волочившему на веревке упиравшуюся козу, перейти дорогу. Вдруг, прорвав заслон из школьников, на дорогу, устрашающе

изогнув рога, выбежал огромный бык и лег на мостовую поперек движения, прямо возле офицера, объясняющего в рупор правила движения пешеходов по улицам города. Офицер стал кричать еще громче, но бык спокойно смотрел на него и не двигался с места. Представителю власти ничего не оставалось, как пустить в ход увесистую дубинку. После недолгой, но довольно впечатляющей корриды бык был выдворен с проезжей части, а полицейский, оседлав велосипед, поехал приводить в порядок свою порванную в нескольких местах форму.

Почтамт был открыт, но ящик снова оказался пустым. Вот уже пять дней я не получал из Москвы ни газет, ни журналов. Пришлось отправиться в контору за выяснением, но там никого не оказалось. Видимо, все пошли смотреть, как обучают правилам уличного движения пешеходов. Тут в соседней комнате я заметил двух служащих и поинтересовался о причине отсутствия моей корреспонденции. Они подвели меня к груде газет, журналов и писем и, разводя руками, сказали:

— Почта все поступает и поступает, а всю работу приходится выполнять нам двоим.

Оказывается, остальные работники этого отделения в это время находились в непредвиденных отпусках: двое уехали на свадьбу, один — на похороны, остальные — неизвестно куда.

Пришлось идти к почтмейстеру. Он долго удивленно смотрел на меня и никак не мог взять в толк, чего от него хотят, ведь корреспонденция задержалась всего на каких-то пять дней, стоит ли об этом говорить.

— У нас огромный объем работы, — объяснял мне почтмейстер. — В наши почтовые отделения связи в течение года поступает более семидесяти миллионов писем и почтовых открыток. Переписка внутри страны составляет тридцать три миллиона писем в год, то есть каждый житель в год получает от своих сограждан в среднем три письма.

Это известие ошеломило меня, ведь в стране восемь человек из десяти не умеют ни читать, ни писать.

— Каждый год непальцы отправляют за границу десять миллионов писем, а ответов получают почти в три раза больше, в то время как почтовых работников в стране не более десяти тысяч человек, из которых две трети — почтальоны. Вы не получаете писем лишь пять дней, а уже волнуетесь. Через каких-нибудь полчаса

ваш почтовый ящик будет ломиться от газет и журналов,— пообещал мне почтмейстер.

Три дня назад служащий точно так же успокаивал меня и заверял, что через полчаса я получу свою почту. Услышав от почтмейстера те же самые слова, я понял, что спорить и добиваться чего-либо бесполезно. Что поделаешь, ведь даже порой корреспонденция из одного непальского города в другой достигает адресата с большим опозданием. Так, заказное письмо из Катманду в Раджбирадж (юго-восток страны) шло более двух лет. Оно было отправлено в начале 1975 года. Прошло два года. Никто так бы и не вспомнил об этом письме, если бы в 1977 году конверт, на котором случайно хорошо сохранились штамп столичного почтамта с датой регистрации и адрес получателя, не вручили наконец-то адресату. Остается только гадать, какими путями письмо преодолевало расстояние в 300 километров в течение двух с лишним лет.

Конечно, трудно требовать четкой работы от почты, получившей допуск во внешний мир лишь четверть века назад. Именно тогда непальская марка стала официально признаваться за пределами Непала, хотя первая почтовая миниатюра с изображением короны и скрещенных кхукри была выпущена в 1881 году. Ведь Непал долгое время был «государством за семью замками» и вступил во Всемирный почтовый союз лишь в октябре 1956 года. Затем года три были какие-то неурядицы с первым взносом. Лишь в 1959 году на непальской марке впервые появился заграничный штемпель.

Получается, что до 1959 года ни одно письмо за границу отправлено не было. Конечно, международная переписка велась, но в доставке писем адресатам непальский почтамт участия не принимал. Письма приносили в посольство Индии, откуда уже с индийскими марками отправляли по назначению. И это никого не смущало, как и то, что в Непале долгое время наравне с непальскими деньгами официально имели хождение индийские рупии.

Что касается денег, то в последнее время в обращение в большом количестве поступили металлические рупии, которые в какой-то степени даже вытесняют бумажные. Вместо маленьких бумажных рупий тяжелые крупные монеты, довольно неудобные в обращении. Как случилось, что большие монеты из серебристого сплава вытеснили привычные бумажные рупии?

Выяснилось, что чеканка монет из довольно дорогостоящих цветных металлов обходится стране значительно дешевле, чем бумажные рупии, которые приходится заказывать за границей и платить за это твердой валютой. Монеты изготавливаются на месте — это удобно, да и опыт в этом деле у Непала богатый, ведь с середины XVI века в течение почти трех столетий непальцы отливали для Тибета золотые и серебряные монеты. Первые непальские монеты (IV—V века) вырезали из листового золота и серебра, а затем на них от руки наносили буквы и символы. Доподлинно известно, что еще во время династии Личчхави применялся способ литья монет в глиняных формах с помощью восковых моделей. Механизированная установка для производства серебряных монет появилась в королевстве Непал в середине прошлого столетия.

Однажды один непальский знакомый, коллекционер монет, показал мне свои «сокровища», в том числе потертую монетку, на которой был изображен лев. В руке у меня оказалась древняя монета.

— Посмотрите, какая филигранная работа, как проработаны детали. Уму непостижимо, ведь она изготовлена по меньшей мере веков четырнадцать назад, а форма делалась вручную. Поражает тщательность отделки. Она не ниже, чем на современной монете, которая делается машинным способом,— с восхищением и со знанием дела говорил он.

Я взял современную непальскую монету и стал сравнивать ее с древней. На какое-то мгновение мне показалось, что я перенесся в другую эпоху... Угадав мое состояние, коллекционер сказал:

— Конечно, трудно привыкнуть к огромным перепадам времени, к таким неповторимым контрастам, хотя ими и насыщена Долина. Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно выглянуть из окна. Современность и древность — на расстоянии брошенного камня. Да что там говорить?! Они настолько переплелись, что стали неотделимыми. Да и как может быть иначе?! Жизнь идет и вносит свои коррективы. К счастью, непальцы с уважением относятся к старине и воздают должное славным деяниям своих далеких предков.

Второе рождение

Об историческом и культурном значении памятников долины Катманду пишут много. Некоторые зару-

бежные авторы ставят при этом в вину непальцам их небрежное отношение к бесценному наследию прошлого страны. Свое повествование авторы непременно сопровождают описанием грязных улиц с огромными кучами мусора, по которым бегают худые черные свиньи да голые ребятишки, приветствующие встречных криками «намасте» и настойчиво требующие милостыню.

Я не стану утверждать, что Большая долина — земной рай, все памятники старины отреставрированы, а ребятишки этой занесенной в список наименее развитых в экономическом отношении государств мира страны прекрасно одеты и сыты. Здесь, как и в любой другой восточной стране, стоит остановиться около того или иного памятника старины, как тут же оказываешься в довольно плотном кольце нищих. Увидите здесь также и профессиональных нищих, которые выставляют свои физические недостатки напоказ.

С нищими-профессионалами надо держать ухо востро. Мальчишки, получив несколько монет, гурьбой бегут к продавцу сладостями, чтобы полакомиться воздушным рисом в сахарном сиропе или стаканом сока, который тут же выдавливают из тростника ручной «машиной» с огромным колесом-маховиком. Однако стоит подать монетку нищему-профессионалу, как от других его коллег не будет отбоя.

Как-то в центре города ко мне подошла бедно одетая молодая женщина с малышом на руках и стала просить милостыню. Получив рупию, она кинулась к группе мальчишек, которые играли в карты на мостовой. Женщина что-то долго говорила им, но ребята не обращали на ее слова никакого внимания. Тогда она дала подзатыльник одному, затем другому игроку, при этом все время кивала головой в мою сторону. Мальчишки, скинув рубашонки и придав своим лицам скорбные выражения, пошли на меня в атаку. Плача, истощенно стенося и заламывая руки, выпрашивали они милостыню. Один паренек (минуту назад он ничем не отличался от других ребят) натренированным движением так выгнул спину и перекосясь, что ему позавидовал бы сам Квазимодо. Я быстро нырнул в автомобиль, а то пришлось бы возглавлять красочную демонстрацию по улицам города.

Особую озабоченность у общественности страны вызывает тот факт, что почти две трети профессиональных нищих — дети. Маленькие бродяжки успели пристра-

ститься к азартным играм, спиртным напиткам и даже к наркотикам. Огромный вред наносят непальской молодежи также хиппи, сделавшие Непал своей землей обетованной. Обычно хиппи приезжают в Непал под видом туристов.

Лишь в 1983 году гималайское королевство посетило более 179 тысяч туристов, что почти на 6 процентов больше, чем в предыдущем году. Туризм превратился в один из важнейших источников поступлений в государственную казну твердой валюты. Казалось бы, по мере увеличения числа иностранных туристов на древних площадях и улицах Катманду и других городов Большой долины все большие доходы должно получать от этого государство, более быстрыми темпами развиваться и кустарная промышленность, ведь редко кто из туристов не увезет с собой на память о единственном в мире индуистском королевстве сувенир: будь то отлитое методом «утраченного воска» бронзовое изваяние или неварская резьба по дереву. Однако каждая медаль имеет и обратную сторону. Это касается и туризма.

...До отлета остались считанные минуты. Заканчивались последние приготовления. Вдруг к таможенникам подбежала Элизабет Смаллер — запоздалый пассажир, она туристка из Канады. В руках у нее был сувенир, правда, несколько необычный — клетка с очаровательным щенком, тибетским терьером. Шерсть у щенка такая пушистая, что непонятно, где у него голова, а где хвост. Туристка, демонстрируя всем своим видом, что опаздывает (ведь самолет ждать не будет), обворожительно улыбалась таможенникам и пыталась всячески увильнуть от досмотра, но не тут-то было.

В Непале вообще спешить не принято, тем более на таможне. Сотрудник нарочито медленно задавал традиционные вопросы, заигрывал с щенком, затем... проделал настоящий цирковой трюк с клеткой, которому позавидовали бы даже маститые иллюзионисты. Клетка тут же перешла в руки другого таможенника, а щенок, оказавшись на свободе, сделал от радости на прилавке лужицу. А тем временем из двойного дна клетки извлекли партию сильнодействующих наркотиков. После чего полицейские препроводили «даму с собачкой» в тюрьму.

Подобное завершение турне в страну заоблачных вершин стало теперь уже не редкостью. В свое время, когда иностранный туризм в Непале еще только наби-

рал силу, многие, в первую очередь хиппи, приезжали сюда, чтобы... «вознестись», если верить рекламе одного из центров по торговле наркотиками — «Эдем» (он функционировал в Катманду вполне официально до 1973 года). «Давайте вознесемся. Приходите к нам в любое время — к вашим услугам лучший непальский гашиш и ганджа¹⁴ как оптом, так и в розницу», — предлагала броская реклама, украшенная изображениями мифических героев. Однако посетители здесь совсем не мифические. Сначала сюда шли хиппи, затем к «белой смерти» стала приобщаться и непальская молодежь.

Наркотики в этой горной стране известны еще с незапамятных времен, но их в основном курили старики, притом это были слабые, доморощенные средства. С появлением хиппи в Непале торговцы наркотиками быстро сориентировались и поставили смертоносный бизнес на такую индустриальную основу, что непальским властям пришлось принимать самые решительные меры. В законодательном порядке были запрещены производство и торговля наркотиками, а все конфискованные одурманивающие средства, которые нельзя использовать в медицинских целях, ныне подлежат уничтожению в обязательном порядке.

Пока нельзя сказать, что с подпольным бизнесом полностью покончено. В центре непальской столицы на Фрик-стрит (Улица каприза) работают практически круглые сутки небольшие лавчонки. Каждый вечер приходят сюда одни и те же посетители — хиппи и отпрыски богатых непальцев: тут можно достать любые наркотики. И не только здесь — в местах, включенных в список туристических достопримечательностей, к вам могут подойти и осторожно предложить «прекраснейший гашиш» по сходной цене.

Однажды в центре Катманду я увидел огромный костер, полыхающий рядом с многоярусными пагодами и древними изваяниями. Из полицейского управления, которое расположено на той же улице, в тот момент вынесли большую металлическую банку и высыпали ее содержимое в огонь. У костра стояли такие же пустые банки, на которых огромными черными буквами было написано: «ГАШИШ».

Во дворе огромного здания полицейского управления валялась груда покрытых ажурной резьбой оконных

¹⁴ Г а н д ж а — разновидность конопли.

рам. Я очень удивился: как оказались на свалке дорогие произведения искусства?

В полицейском управлении мне сказали, что из этих рам извлекли «белую смерть». Я с интересом стал рассматривать рамы и заметил, что почти все составные части рам пустотелые.

Контрабандисты для своих целей не только используют собачьи клетки и чемоданы с двойным дном, но и уродуют уникальные произведения искусства. Выяснилось, что ответственный работник полицейского управления, энергичный человек средних лет в форме защитного цвета с большими звездами на погонах, занимался борьбой с наркотиками. Обычно полиция не очень-то жалуется журналистов, но на этот раз мне повезло. Он, пожалуй, даже обрадовался, когда я заинтересовался костром из наркотиков.

— Если даже иностранные корреспонденты обратили внимание на происходящее, значит, мы достигли своей цели,— с удовлетворением сказал он.

Я понимал, что работа у него трудная и опасная. Борьба с наркоманией — дело рискованное, так как противниками в этой схватке оказываются целые международные подпольные синдикаты, которые в погоне за прибылью не останавливаются ни перед чем. Неудобных им людей они убивают и за каждый свой провал жестоко мстят. Если учесть, что преступники наживаются на смертоносном дурмане, то ни о каком милосердии не может быть и речи — их не волнуют ни пролитая кровь, ни судьбы вдов и сирот.

Полицейский подвел меня к рамам и сказал, что, конечно, они могли бы стать прекрасным украшением любого музея, а служат лишь вещественным доказательством преступной деятельности контрабандистов.

— Как видите, мы ведем небезуспешную борьбу с преступниками,— с гордостью заявил полицейский.— Вот список наркотиков, изъятых из тайников,— всего двести двадцать девять килограммов страшного зелья.

Как мы уже говорили, буквально на каждом шагу в городах Большой долины можно встретить уникальные произведения древнего искусства. Это и каменные изваяния, и бронзовое литье, нередко покрытое золотом. Да что каменные и бронзовые изваяния, возьмите любой неварский дом с окнами без стекол. Большинство жилищ неваров сооружено из сырцового кирпича, скрепленного глиной или в лучшем случае смолой, но

вот вместо стекол в окна ажурные решетки, а переплеты и наличники покрыты такой витиеватой резьбой, что любой фрагмент окна можно выставлять в музеях, не говоря о том, чтобы продать за границу. Среди искусствоведов получил даже распространение термин «неварское окно». Из разговора с чиновником из полицейского управления я понял, что общественность Непала заботят также участвовавшие случаи воровства хиппи древних реликвий.

Так, похищение непальского божка одним из хиппи стало даже одним из центральных эпизодов нашумевшего в свое время индийского фильма «Хари Рама, Хари Кришна». Надо признать, что похищениями предметов древности и произведений искусства здесь стали заниматься и несравненно более «почтенные» люди.

Всем памятникам старины — от древних писаний до скульптуры довольно внушительных размеров — грозит опасность. Их могут украсть в любое время. Так, три раза пытались похитить изображение Будды из храма в Бангемудхе, в одном из старых районов непальской столицы. Прохожие вспугнули воров, когда негодяи почти разобрали сложенный из камня пьедестал, на котором статуя простояла почти восемь веков.

Однако изображения богов из пещеры Сиддха, неподалеку от селения Танахун, к западу от столицы, спасти от воров так и не удалось. Пещера Сиддха была обнаружена всего несколько лет назад и сразу привлекла внимание своими удивительными древнейшими памятниками культуры. Видимо, в давние времена в пещере размещался многоярусный храм, который только на первых трех террасах мог вместить более ста верующих. Этот уникальный комплекс после проведения научных исследований предполагалось превратить в музей-заповедник, но этому помешали грабители...

Как известно, непальцы очень суеверны, у них много различных праздников и обрядов, посвященных тем или иным богам. Во время ночного налета на один из храмов в Лалитпуре грабители взломали запоры и похитили представляющие большую археологическую ценность изображения Рудры — бога молнии, Кали — кровожадной танцующей богини с гирляндой из черепов, а также статую не менее воинственного Бхайрава — самого свирелого воплощения Шивы. Особенно удручены были местные жители пропажей статуи бога Рудры. Именно в его честь каждые двенадцать лет проводятся

праздники, во время которых, по древним обычаям, за-
прещается носить обувь, бриться и... свистеть.

Несмотря на строгие меры контроля за вывозом из
Непала предметов старины, похищение уникальных па-
мятников, представляющих историческую и художест-
венную ценность, к сожалению, не редкость. Не так дав-
но непальская полиция раскрыла деятельность целой
банды преступников во главе со швейцарцем Эрнесто
Роми, у которого изъяли старинные фигурки из метал-
ла и дерева, древние, писанные золотом свитки и книги,
произведения живописи.

Однако паутина варварского бизнеса рвется далеко
не часто. Если в ближайшем будущем не будут приня-
ты в этом направлении решительные меры, то через
каких-то тридцать лет, по подсчетам экспертов
ЮНЕСКО, только в одном Патане исчезнет более
60 процентов памятников.

Легко можно понять возмущение и гнев непальцев,
когда они видят, как в течение одной ночи из храмов
исчезают изображения богов, оконные рамы и даже
резные подпорки ажурных крыш пагод, не один век
упорно противостоявших резким перепадам температур,
жаркому солнцу и ливневым дождям и даже страшно-
му землетрясению 1934 года, когда были повержены в
прах целые селения. Та же участь постигла небольшую,
ничем на первый взгляд не примечательную пагоду, ка-
ких здесь тысячи. Она не была разрушена землетрясе-
нием, хотя и находилась неподалеку от уникального
памятника непальского зодчества храма Махабодхи,
который украшали девять тысяч резных изображений
Будды. Махабодхи остался лишь в памяти народной, а
пагода, выстояв перед стихией, пала жертвой варвар-
ского грабежа.

В конце марта 1978 года мое внимание привлек оче-
редной номер газеты «Райзинг Непал»: на первой поло-
се я увидел статью под заголовком «На смену грабежу
приходят охрана и забота». В статье говорилось, что
осквернение храмов в одну ночь превращает заурядно-
го грабителя в миллионера и становится не только ча-
стым, но и, можно сказать, регулярным явлением и ес-
ли не принять самых решительных мер, то потери ока-
жутся невозполнимыми.

Казалось, взять бы да и выставить полицейские
отряды возле храмов и произведений искусства, и пусть
они тщательно охраняют их. Но где найти такое коли-

чество солдат и полицейских, ведь, по словам непальского исследователя Нагендры Шармы, богов в Непале около 330 миллионов, и это при населении более 16 миллионов. Если даже предположить, что хотя бы один из ста богов воплощен в камне, дереве или в полотнах с нетускнеющими с годами красками, то даже тогда выставить такую охрану просто невозможно. Кто знает, может, фантастическая цифра «330 миллионов» не так уж далека от истины, ведь в настоящее время в Непале официально зарегистрировано — иными словами, должным образом описано — 20 тысяч памятников, причем работа эта находится на начальном этапе.

При таком изобилии памятников старины, конечно, трудно обвинять непальцев в невнимательном отношении к творениям своих предков. Нельзя утверждать, что все пагоды уже отреставрированы и сверкают первозданной красотой, ведь это мероприятие не простое и не дешевое. Убедиться в этом можно, лишь познакомившись с восстановительными работами, проводимыми в средневековом королевском дворце Хануман Дхока.

Завоевав Большую долину, король Притхви Нарайян Шах решил увековечить свою победу пристройкой к средневековому дворцу династии Малла трех башен, олицетворяющих три покоренных города в Долине — Лалитпур, Киртипур, Бхактапур. Причем каждая башня была сооружена зодчими именно того города, в честь которого получила название. Отсюда — не только неповторимость архитектурных стилей, но и разительное отличие отделки, ведь строители, как утверждают старожилы, пользовались сокровенными секретами мастеров своего города при возведении стен и перекрытий, при отделке и даже при изготовлении... кирпичей. Строители одной башни никак не соглашались помогать своим коллегам, воздвигающим пагоду по соседству, в выполнении даже самых второстепенных работ.

Строения эти были сооружены на совесть, что проявилось во время землетрясения 1934 года. Все пагоды устояли, лишь башня Лалитпура слегка наклонилась к югу, в сторону Нью-Роуд — самой оживленной улицы Катманду. Однако последствия землетрясения все-таки сказались на состоянии сложных внутренних конструкций. С годами они дали о себе знать. Кровля многоярусных, словно воздушных строений, предохранявшая в течение почти двух веков сложную систему деревянных балок и подпорок от муссонных дождей, стала про-

пускать губительную влагу, а на фундаменте и в кирпичной кладке появились сначала практически невидимые трещины, которые стали быстро разрастаться.

И вот в 1971 году с помощью ЮНЕСКО специалисты приступили к реставрации пагод, правда, не совсем обычным способом. Реставраторы при необходимости должны были заменять пришедшие в негодность конструкции. Новые следовало обязательно изготавливать из местного материала и тем же методом, что и старые.

Реставраторы столкнулись с большими трудностями. Стены пагод были сложены из полированного кирпича *телиа*. Способ изготовления его оказался полностью утерянным, и реставраторам ничего не оставалось, как засучив рукава искать забытый временем секрет телиа путем многочисленных экспериментов.

На глазах у публики реставраторы смешивали в различных пропорциях глину с маслом, заполняли формы полученным раствором, и получался... кирпич, похожий на телиа лишь по форме, да и то с большой натяжкой. Вновь и вновь пытались они на ощупь найти потерянный секрет изготовления телиа.

Неожиданно от толпы отделился почтенного вида старец и решительным шагом направился к реставраторам. Он что-то сердито сказал им и быстро удалился. Через некоторое время старик возвратился с целым набором стареньких инструментов. Отстранив реставраторов, старик принялся за работу. Он священнодействовал: то суетливо готовил смесь, то долго молился, то снова принимался за раствор, то в раздумье молча курил, не обращая внимания на окружающих его людей.

Тут появился еще один старик и сказал, что не может согласиться с тем, как первый готовит раствор. Старики долго спорили, после чего сообща взялись за дело. Вскоре перед глазами удивленной публики появился настоящий кирпич телиа. Его обожгли, а затем стали испытывать. Толпа ликовала. Результаты тщательных анализов, проведенных впоследствии в лондонской лаборатории, показали, что вновь рожденный телиа ничем не отличается от своего предка.

Однако работа по реставрации только начиналась. Пришлось разобрать все деревянные перекрытия, пронумеровать, зарисовать и должным образом описать резные детали, изваяния и даже балки и брусья. Можно представить себе объем работы, проделанной мастерами, если учесть, что простое по конструкции и узору

окно пагоды насчитывает до сорока деталей, сцепленных между собой с помощью различных деревянных выступов-замков без клея и без единого гвоздя.

В ходе реставрационных работ выяснилось, что необходимо пагоду разобрать почти полностью, причем некоторые детали, пришедшие в негодность, заменить. Каждый кирпич очищали от грязи и многочисленных слоев краски. Сгнившие резные деревянные конструкции пришлось делать заново. Причем искусные непальские мастера пользовались лишь самодельными инструментами. Естественно, инструмент должен быть соответствующим образом «освящен», чтобы выходящие из-под него изваяния и узоры нисколько не отличались от древних. Готовые деревянные изделия на два часа опускали в специальный защитный раствор.

Пора уже было приступать к сборке, но тут выяснилось, что у изваяний, тщательно скопированных с древних оригиналов, закрыты глаза, а мастера, напрочь отвергнув самые щедрые вознаграждения, категорически отказывались довести работу до конца.

Оказывается, лишь три представителя неварской общины резчиков по дереву имеют право нанести заключительный удар резцом и открыть глаза изваянию, или, как здесь принято говорить, «вдохнуть в него жизнь». Однако ритуал оживления на этом не заканчивается. Открыв глаза, первое, что должно «увидеть» божество,— это хлещущую ему на ноги кровь козла. Освящению кровью ритуального животного подвергается и каждая новая или отреставрированная пагода.

Успех с реставрацией Хануман Дхока настолько воодушевил всех, что сразу же стали строиться самые различные амбициозные планы по реставрации и охране других памятников Большой долины. В конце концов правительство страны разработало комплексный план охраны и реставрации исторических и культурных памятников, который рассчитан на семь-десять лет, причем на эти работы предполагается истратить более 60 миллионов рупий.

Неудивительно, если сроки окажутся более длительными, а расходы значительнее, ведь речь идет не об одном зале музея, а о 580 квадратных километрах, буквально наводненных экспонатами, которые посчитал бы за честь иметь любой музей мира. Ученые пишут об этих экспонатах научные труды, а коллекционеры старины за ними охотятся.

Глава 4

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

— Кха,— громко выдохнул обнаженный по пояс солдат-гуркх. Резкий удар острым как бритва кхукри, и голова черного козла полетела на каменные плиты двора древнего арсенала Кот.

Подвели еще одно животное. Снова взмах кхукри, свист рассекаемого ножом воздуха, тупой удар и потоки крови. Неподалеку молнией сверкнул тяжелый непальский меч с сильно изогнутым широким концом клинка — здесь одним взмахом рубят головы буйволятам. Только одним! Иначе кровожадная богиня Дурга не примет жертву и не ниспошлет благодать на человека и не будет ему ни удачи, ни богатого урожая, ни счастья.

Наваратри — девятый день, кульминация самого важного и продолжительного (он празднуется почти две недели в конце сентября — начале октября) непальского праздника *Дасаин*, или *Дурга Пуджа*. Праздника, знаменующего победу добра над злом.

Государственные и учебные заведения закрыты. Веселятся все, независимо от кастовой принадлежности и вероисповедания. Фабрики не работают, поля опустели, только одни магазины открыты да трудятся не покладая рук торговцы скотом. Непальцы спешат сделать подарки многочисленным родственникам и купить жертвенных животных, в первую очередь буйволят и козлов. Причем предпочтение отдается черным буйволятам, ведь богиня Дурга победила демона Махишасура в образе черного буйвола.

Тот, кто победнее и не может себе позволить купить козла, не говоря уже о буйволенке, приобретает курицу или утку. Непальцы искренне верят, что, принося в жертву животное, они на целый год избавляют себя от

бед и непосильного труда, а буйволята и козлы, погибнув во время праздника Дасаин, непременно вскоре вернутся на землю уже в новом облике и тем самым получают возможность искупить свои грехи.

Вегетарианцы также приносят жертвы: режут на куски тыкву. Невары-буддисты разбивают об изображение Дурги утиные яйца и выпивают желтки, считая, что они — дар богини.

Непальцы утверждают, что были времена, когда в некоторых храмах в жертву богам приносили людей. Хотя этот варварский обычай запрещен законом много лет назад, однако и в наши дни Катманду порой будоражат слухи о таинственном исчезновении какого-нибудь ребенка.

Однажды я пришел в гости в одну непальскую семью накануне праздника и случайно оказался свидетелем довольно странной беседы отца с совсем еще юной дочерью. Отец настаивал, чтобы девочка не отходила далеко от дома. Когда она ушла, глава семьи объяснил, что по городу ходят слухи, будто религиозные фанатики (он назвал их почему-то йогами) типнотизируют на улице детей. Они заводят их в глухие закоулки и с помощью «магических» действий добиваются «добровольного» согласия детей принести себя в жертву.

— Я, правда, не очень верю этому, но уж очень упорные ходят слухи,— сказал хозяин дома.

Мало кто доверяет этим страшным рассказам. Несомненно, время, когда в жертву приносили людей, кануло в прошлое, но праздник Дасаин жив и будет жить.

...Раннее утро. Все высшее военное начальство Непала собралось во дворе арсенала Кат, где хранятся и периодически освящаются боевые знамена и церемониальное оружие. Легкий ветерок шевелит тяжелые, расшитые золотом знамена, из храмов раскинувшегося неподалеку дворцового комплекса Хануман Дхока слышится перезвон колокольчиков. На солнце поблескивают кхукри и взятые на караул сабли.

Снова раздается тупой удар меча, и катится к ногам солдата еще одна голова буйвола. Их теперь много лежит перед чадающим масляным светильником рядом с боевыми реликвиями.

С высокой площадки между домов, словно с балкона, прекрасно просматривается двор арсенала. Пурпурно-синими пирамидами стоят знамена. Возле них сооружены яркие алтари, на которых на больших листьях

цветы, фрукты, лепешки, горки красной церемониальной пудры. Здесь же установлены медные и глиняные кувшины-калаши с водой. Перед тем как убить животное, надо заручиться его «согласием». Для этого на него брызгают водой — несчастное создание яростно мотает головой, а окружающие принимают этот знак за согласие быть отданным в жертву богам.

Возле каждого алтаря в ожидании своей участи стоят буйволы и козы. Вот еще одного буйволенка веревкой подтягивают к врытому в землю низкому столбику. Тупой удар — и обезглавленное животное за задние ноги волокут по двору. Вокруг каждой пирамиды знамен остаются кровавые следы. Не успевает запечься кровь, как появляются новые кровавые дорожки. Создается впечатление, что даже воздух пахнет кровью. У одной туристки не выдерживают нервы, и она с глухими рыданиями кидается прочь. Действительно, зрелище жуткое.

— Представляешь, что здесь творилось в ночь на пятнадцатое сентября тысяча восемьсот сорок шестого года! — задумчиво сказал мне непальский журналист, который находился рядом со мной в Коте.

Что и говорить, страшной была та ночь. С нее и начался самый печальный период в истории Непала, длившийся 104 года. Воспользовавшись тем, что полностью запутавшийся в водовороте дворцовых интриг слабовольный король отошел от государственных дел и передал бразды правления младшей королеве, Джанг Бахадур Рана — глава феодального семейства Рана — захватил власть.

Джанг Бахадур, разобравшись в обстановке, сразу же принялся за дело. Политика его отличалась жестокостью, как и все время правления семейства Рана. Он организовал заговор с целью захвата власти. Джанг Бахадуром и его братьями в ночь с 14 на 15 сентября 1846 года была инспирирована кровавая резня во дворце в Коте. Были физически уничтожены представители наиболее влиятельных феодальных родов и их сторонники (около ста человек). Эта непальская варфоломеевская ночь вошла в историю под названием *котпарва*.

Теперь Джанг Бахадур стал фактически правителем страны. В 1856 году был издан указ, скрепленный королевской печатью Сурендры. В нем говорилось, что король жалует Джанг Бахадuru титул махараджи и владения Каски и Ламджунг, которые «будут переходить от

его потомка к потомку». Рана получил право «распоряжаться судьбами и жизнями непальских подданных, назначать и смещать всех государственных служащих, объявлять войну и заключать мир, подписывать договоры с иностранными государствами, наказывать виновных и обнародовать или менять законы».

Таким удивительным указом монарх учредил институт наследственных премьер-министров, просуществовавший более ста лет. Пост премьер-министра стал передаваться старшему члену правящего семейства Рана по мужской линии, что исключало возможность опеки или регентства. Единственное, что сумел оставить за собой король, — это титул *махараджадхираджа* («король королей»). Однако «король королей» не имел права даже покинуть собственный дворец без разрешения махараджи.

После опубликования указа король стал добровольным пленником Рана. Теперь все помыслы новый властелин направил на расправу с негодными ему людьми. Репрессии, убийства, интриги царили при дворе Рана.

Наступили черные дни. Страна, которая славилась высокой культурой, литературой и искусством, превратилась в тюрьму, где душилось всякое стремление к знаниям. Когда пятьдесят молодых непальцев в 1930 году обратились к махарадже с просьбой о разрешении организовать в стране публичную библиотеку, он приказал их немедленно арестовать. Лишь в 1924 году в стране было отменено рабство.

За время правления Рана Непал посетило лишь считанное число иностранцев. Однако их пребывание ограничивалось посещением долины Катманду или охотой в джунглях. Правители боялись, что народ узнает о том, как живут люди в других странах. Даже чтение индийских газет грозило тюремным заключением. Правда, читать умели лишь избранные, ведь школ практически не было. Членами правительства часто оказывались совершенно необразованные люди. Как писал непальский историк Дилли Раман Регми, еще в 1948 году премьер-министр Непала не имел соответствующего образования и, будучи одновременно главным командующим, не получил никакой военной подготовки, а верховный судья никогда не учился в школе.

Однако ни высокие горы, ни воздвигаемые искусственно преграды не могли удержать страну в изоля-

ции и помешать ее движению вперед. Несмотря на сильнейший террор, в Непале ширилась оппозиция «узурпаторам» из династии Рана. В результате вооруженного восстания в 1951 году ненавистный режим Рана рухнул, и власть короля была восстановлена.

18 февраля 1951 года в Непале была обнародована королевская прокламация, которая увенчала победу демократических сил, положила конец бесславному правлению семейства Рана. Это событие, пробудившее от векового сна гималайское королевство, открыло стране совершенно новые перспективы как экономической, так и культурной жизни.

Сейчас Непал проводит политику позитивного нейтралитета, неприсоединения, мирного сосуществования и сотрудничества с другими странами. Он активный член ООН, установлены дипломатические отношения почти со ста странами. Принципы мирного сосуществования легли в основу отношений этой страны с другими государствами.

Со времени свержения деспотической династии прошло более 30 лет, и все эти годы в стране велась борьба по преодолению мрачного наследия прошлого. Никто не скрывает, что в Непале все еще сильны пережитки, но тем не менее за этот относительно короткий период в истории Непала достигнут заметный прогресс во всех областях жизни. Взять хотя бы образование. Сейчас в Непале грамотных примерно 25 процентов населения.

За эти годы Непал добился многого. Всего лишь более двух десятилетий назад только 4 процента жителей умели читать и писать. В настоящее время в Непале насчитывается около 11 500 начальных школ, которые посещает около 85 процентов детей школьного возраста. Между тем в 1951 году в стране насчитывалось всего около двухсот школ, а их ученики составляли менее 1 процента населения. В 1959 году в Катманду открылся Трибхуванский университет. С каждым годом строится все больше учебных заведений. Причем возводятся они и в отдаленных районах страны, жители которых в прошлом и мечтать не смели об образовании.

С каждым годом растет сеть лечебных учреждений. В области здравоохранения также достигнуты определенные успехи. За последние тридцать лет средняя продолжительность жизни в Непале увеличилась с 33 до 46 лет.

Успешно борются медики также и с эпидемиями.

Полностью искоренена оспа. Объявлена война туберкулезу и малярии. На смену невежественным знахарям приходят врачи, причем дипломы многих из них украшает герб Советского Союза. Не забыта и знаменитая тибетская медицина, которая получает здесь свое новое научное осмысление и развитие.

Годы после свержения династии Рапа ознаменовались и значительными достижениями в области экономического развития. Построено свыше 5000 километров автомобильных дорог, а ведь это в стране, большую часть территории которой составляют горы.

Известные успехи достигнуты в сельском хозяйстве — главенствующем секторе экономики, где занято более 90 процентов населения страны. Непальский крестьянин познакомился с современными орудиями, приходящими на смену деревянной сохе и мотыге. Большие надежды возлагаются на претворяемую в жизнь земельную реформу, на кампанию по ведению хозяйства на кооперативных началах. Конечно, быстро преобразить хозяйство, где царствовали веками сложившиеся феодальные устои, довольно трудно, ведь основные угодья расположены на горных склонах и находятся подчас на такой высоте, куда не подняться даже тягловому скоту.

В настоящее время в стране ведется разведка полезных ископаемых, строятся фабрики и заводы, набирает силу кустарная промышленность, причем многие изделия ее пользуются успехом не только в стране, но и за рубежом.

Все большую известность приобретает непальский чай. Эксперты утверждают, что чай, выращенный в восточных районах страны, особенно в дистрикте Илам, не уступает знаменитому индийскому из Дарджилинга. Товарное производство чая началось лишь в 1965 году, когда была образована Непальская корпорация по развитию чаеводства, которая стремится не только обеспечить внутренний рынок, но и удовлетворить растущий спрос на него в других странах.

Когда непальцы говорят об успехах своей страны в области экономики, они обязательно с благодарностью отмечают большую помощь, оказанную государству Советским Союзом. Так, непальскую столицу питает электроэнергией ГЭС Панаути. Она построена с помощью СССР и расположена в нескольких десятках километров от Катманду. В столице находится первенец

советско-непальского сотрудничества — больница Канти, ныне пока единственный в стране педиатрический комплекс. Сейчас на дальнем западе страны при содействии СССР сооружается первое в Непале предприятие лесохимической промышленности.

Участок дороги Махендра Раджмарг также одно из свидетельств бескорыстной помощи СССР Непалу (с введением в строй дорога свяжет западные и восточные районы страны).

Преодолев трудные километры по серпантину горной дороги из Катманду в сторону индийской границы, редкий водитель не остановит свой нагруженный до отказа грузовик или юркий автомобиль на площадке у огромной колонны из бетона. На ней плакат с надписью: «Непало-советское сотрудничество».

Отсюда начинается стодесятикилометровый участок дороги Махендра Раджмарг, проложенный от Симры до Джанакпура. Он построен в 1972 году с помощью СССР. Во время строительства советские специалисты обучили различным специальностям более 1300 непальцев. Многие непальцы получили соответствующие дипломы об окончании технических курсов, организованных советскими специалистами, научились говорить по-русски.

Во время строительных работ советским инженерам пришлось практически без карт, в очень трудных условиях прокладывать будущую трассу, выбирать места для наведения мостов через бурные реки с часто меняющимися руслами. Об условиях, в которых работали советские специалисты, красноречиво свидетельствует тот факт, что их все время сопровождал вооруженный отряд полиции для охраны от диких зверей.

Во второй половине 60-х годов, когда строительство дороги еще только начиналось, мне удалось проехать по будущей трассе. Именно удалось, так как она была лишь просекой в джунглях. Хотя для путешествия выбрали сухое время года, мы с большим трудом преодолевали песчаные русла многочисленных пересохших рек, ширина которых временами измерялась сотнями метров. Можно было только догадываться, какой бурный поток бушевал здесь во время муссонов. Теперь на месте бывших переправ и бродов построено 92 моста общей протяженностью около 4,5 километра.

Важность этой магистрали для Непала, где до сих пор ощущается острая нехватка дорог, трудно переоче-

нить. Кирти Нидхи Биста, бывший премьер-министр страны, сказал, что дорога, соединившая Джанакпур с Симрой, имеет жизненно важное значение, так как связала важные промышленные центры страны — Биргандж и Джанакпур. Три крупнейших предприятия страны — сигаретная фабрика в Джанакпуре, заводы простейших сельхозорудий и сахарный в Биргандже — построены также с помощью СССР.

За несколько километров до Бирганджа приходится резко сбавлять скорость и лавировать между идущими бесконечным потоком повозками, груженными тростником, в сторону сахарного завода, построенного здесь в 1965 году. Чтобы обеспечить полную загрузку предприятия сырьем (завод перерабатывает за сутки 15 тонн), администрация завода принимает активные меры по повышению заинтересованности крестьян в выращивании сахарного тростника. Сейчас этим важным делом занято около десяти тысяч крестьян.

Неподалеку от сахарного завода расположен еще один объект советско-непальского сотрудничества — завод простейших сельхозорудий, первое в Непале достаточно крупное и механизированное металлообрабатывающее предприятие. Он вступил в эксплуатацию в апреле 1968 года и выпускает плуги, тракторные лушильники, дисковые и пружинные бороны, а также грузовые прицепы, лопаты, тяпки и т. п.

О популярности продукции, выпускаемой заводом, и говорить не приходится, ведь все это то, чего так долго, с нетерпением ждал непальский крестьянин. Для бесперебойного снабжения сельских тружеников сельхозмашинами и инвентарем завод организовал пункты продажи своей продукции не только в крупных городах страны, но и в отдаленных районах.

Джанакпур долгое время славился лишь древними храмами. Теперь об этом городе говорят как о быстро развивающемся промышленном центре. Сигаретная фабрика, построенная с помощью СССР в 1965 году в Джанакпуре, стала гордостью города. Сейчас большой популярностью в Непале пользуются сигареты джанакпурской фабрики. Среди ее продукции — сигареты на любой вкус: от дешевых, пользующихся огромным спросом, до дорогих.

Моим добровольным гидом по фабрике оказался Видья Лал Арвинд — молодой инженер. На прекрасном русском языке (в 1975 году он закончил Краснодарский

политехнический институт) Арвинд подробно объяснил мне процесс производства сигарет. Он с гордостью заметил, что фабрика на 70 процентов использует непальский табак, а в ближайшие годы планируется полностью перейти на местное сырье. Уже сейчас сюда ежегодно поставляется около 2000 тонн табака.

Стремясь повысить производительность труда, руководство широко применяет методы материального поощрения работников фабрики, старается сделать так, чтобы каждый рабочий, каждый инженер понял, что от успехов предприятия зависит и его собственное благополучие. При фабрике построены школа, дома для инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих, осуществляется также бесплатное амбулаторное лечение. Видья Лал Арвинд работает на фабрике чуть ли не с первого дня ее основания. В 1970 году администрация направила его на учебу в Советский Союз.

— Теперь на фабрике работает несколько выпускников советских вузов. Мы дружим и часто собираемся вместе, чтобы вспомнить годы, прожитые в СССР, и поговорить по-русски, — рассказал мне Арвинд.

О том, как непальцы относятся к СССР, как благодарны нашей стране за помощь, можно судить, побывав на традиционной встрече непальцев — выпускников советских вузов, которая обычно проходит в королевском заповеднике, на окраине долины Катманду.

Густые, вечнозеленые заросли. Вдалеке слышатся гортанные крики павлинов, вокруг носятся неугомонные обезьяны. Вечереет. Сказочный пейзаж наполняется песней: молодой непалец подыгрывая себе на гитаре, старательно выводит на русском языке знаменитые «Подмосковные вечера». Ему вторят десятки стройных голосов. На встречу обычно приходят инженеры, архитекторы, врачи, преподаватели, строители — представители разных профессий. Всех их объединяет одно — студенческие годы, проведенные в Советском Союзе. Но вот песня смолкла, и начались воспоминания.

Ганджа Ман Шакья, бывший студент, ныне врач, сказал мне:

— В СССР мы оставили частицу своего сердца. Разве можно когда-нибудь забыть и русских друзей по общежитию, и преподавателей из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, и Москву с ее полюбившимися навсегда улицами и зданиями, и запо-

рошенные снегом ели у Московского Кремля?! У меня есть знакомые, которые получили высшее образование в США, Англии и других западных странах. Когда начинаешь рассказывать им об учебе в СССР, о бесплатных библиотеках, дешевых студенческих столовых, об искреннем и дружеском отношении советских людей, они подчас не верят. Мы получили в Советском Союзе хорошие знания. Об этом в нескольких словах не расскажешь.

Непальцев, выпускников советских вузов, — около семисот. Сейчас в СССР учится еще более пятисот человек.

Это уже о чем-то говорит. Стране очень нужны специалисты. Не случайно среди выпускников советских вузов генеральный директор нефтяной корпорации, руководитель ГЭС. Это ли не наглядная оценка знаний, полученных в СССР? Ежегодно государство отправляет на учебу в СССР десятки непальских девушек и юношей, а ведь в 1918 году, когда был открыт первый колледж, во всей стране насчитывалось всего четыре дипломированных специалиста — два медика и два инженера.

Я не мог не согласиться со словами Ганджи. Действительно, сейчас в стране 80 колледжей, в которых обучается более 23 тысяч студентов. Деятельность колледжей координирует Трибхуванский университет.

Долгие десятилетия страна была полностью изолирована от внешнего мира. После 1950 года, когда Непал стал проводить внешнюю политику, направленную на расширение связей с другими государствами королевство как бы захлестнул поток информации. Конечно, молодежи порой трудно разобраться в обстановке, выделить главное, отместить второстепенное, наносное.

Мешают молодежи и пережитки прошлого. Они накладывают отпечаток на подрастающее поколение. Так, до сих пор во многих семьях считают, что девочки должны знать лишь азы грамоты, а учиться в средней школе, не говоря уже о колледже, им совсем необязательно. Дети бедняков, особенно в сельских районах, вынуждены работать наравне со взрослыми. Конечно, они не могут регулярно посещать школы, да и не во всех селениях они есть. Нужно время, чтобы преодолеть эти трудности, однако молодежь тянется к знаниям, готова трудиться во имя родины.

Глава 5

НОВЫЙ ГОД БЕЗ ЕЛКИ И ДЕДА МОРОЗА

В декабре 1975 года я снова должен был поехать в командировку в Непал. Мой шестилетний сын, мечтая о предстоящей поездке в «сказочную» страну, без конца забрасывал меня разными вопросами. Однажды он спросил:

— А как же Новый год? Если не будет елки, то куда поставим валенок с подарками Деда Мороза?

Я объяснил ему, что 1 января для непальцев — обычный и ничем не примечательный день, а Деду Морозу в Катманду делать нечего — там нет ни настоящей зимы, ни сугробов, ни снега, а высоко в горы, к заледенелым вершинам, мы подниматься не будем.

Прошло четыре дня, и утром 1 января после традиционного утренника для детей сотрудников посольства СССР мне пришлось взять почти все свои слова, сказанные сыну в Москве, назад. С утренника сын вернулся довольный и гордо заявил, что елка все-таки была, но с какими-то уж очень длинными иголками, а Дед Мороз такой же, как и в Москве, даже говорил по-русски, да и подарки он получил хорошие. Вот только снега на улицах Катманду действительно не оказалось.

Я снова пытался убедить его, что Новый год в Непале начинается в апреле, и не первого числа, а в середине месяца, и каждый раз не в один и тот же день. Сын недоверчиво слушал меня и снисходительно улыбнулся: он мне не верил.

Пришлось ждать апреля. Особенно красочно празднуется непальский Новый год в Бхактапуре — одном из городов Большой долины. Поэтому мы отправились на праздник именно туда. Этот город был основан еще во второй половине IX века, однако наибольшего рас-

цвета он достиг в начале XVIII века во время правления Бхупатиндры из династии Малла.

На центральной площади города мы увидели золоченое изваяние Бхупатиндры, установленное на десятиметровой каменной колонне. Резную колонну обвивала огромная каменная змея, на голове у которой сидела маленькая каменная птичка. Бхупатиндра очень любил свой город и никогда не покидал его. Не пожелал он также бесследно исчезнуть из памяти горожан и после своей смерти. Поэтому еще при жизни правитель построил себе золоченый памятник, заявив при этом, что теперь будет находиться в городе до тех пор, пока не улетит эта маленькая птичка.

Бхупатиндра, восседающий на позолоченном троне под трехъярусным зонтиком, смотрит на «Дворец 55-ти окон». Он словно не может налюбоваться на свое детище — ведь именно во время его правления древний королевский дворец был перестроен и обрел новую жизнь. Каждое из 55 окон украшено неповторимыми по своей красоте и композиции наличниками и решетками. Все деревянные детали дворца покрыты тончайшей резьбой с ажурным замысловатым орнаментом: здесь изображения драконов и птиц, диких зверей и священных змей.

Не устаешь восхищаться талантом неваров — строителей и резчиков, снискавших себе славу далеко за пределами страны. Не случайно в этом дворце-музее открыта Национальная картинная галерея. К дворцу примыкают знаменитые «Золотые ворота». Они действительно покрыты золотом. На них барельефы богов, сьвященные изваяния — настоящая фантазия в золоте, иначе их и не назовешь.

Центральная площадь была запружена народом. Люди пришли сюда, чтобы ритуальными подношениями ублажить богов. Боги благосклонно принимали рис, красную церемониальную пудру. Их каменные и бронзовые лица, отражая блики пляшущего пламени масляных светильников, словно были озарены таинственным сиянием. Повсюду импровизированные ансамбли. Музыканты бьют в барабаны, порой они извлекают самые неожиданные звуки из миниатюрных органов, труб, рожков, гонгов, колоколов и колокольчиков.

Праздник шествует по городу. На каждой улице, на каждом пустыре — везде веселится народ. То тут, то там слышатся звуки оркестров или барабанов.

Огромная толпа собралась у возвышающегося неподалеку пятиярусного храма Ньятапола. Эта пагода не только самая высокая, но и самая красивая в Долине. Необыкновенно величественный вид придает храму ведущая к нему каменная лестница, на гигантских ступенях которой установлены статуи великанов, слонов, львов, грифонов и божеств. Считается, что каждая пара в десять раз сильнее той, что установлена ниже, а гиганты, открывающие, в свою очередь, эту экспозицию могущества, в десять раз сильнее обычного смертного человека. Храм Ньятапола также связан с именем Бхупатиндры. Хроники утверждают, что он начал строительство пятиярусной пагоды в 1708 году и даже сам принес три кирпича.

У подножия Ньятапола танцоры в огромных масках и красочных костюмах разыгрывают, может, и несколько наивную, но довольно яркую пантомиму, навеянную мифами о жизни богов.

Каким бы ярким и веселым ни показался сыну праздник в Бхактапуре и как бы часто потом он о нем ни вспоминал, однако малыш никогда не связывал его с Новым годом. Какой же это Новый год без Деда Мороза и разряженной елки, да и называется праздник как-то странно — *Бискет Джатра*?

Я снова попытался объяснить ему, что название праздника происходит от двух неварских слов — *би* («змея») и *сьяко* («убивать») — и посвящен победе над двумя змеями-демонами.

— При чем здесь змеи и почему они — демоны, ведь в Непале их не только не убивают, но и всячески почитают? — удивился сын.

Пришлось покривить душой и сказать, что те змеи, которых убивали, были действительно очень ядовитые и к тому же не местные — ведь ядовитых змей, как утверждают непальцы, в долине Катманду нет. Однако легенды повествуют совсем о другом. Вот одна из них.

Когда-то в городе-княжестве Бхактапур жил раджа, и была у него красавица дочь, которая слыла весьма любвеобильной особой. Рассказы о ее проделках наводили на жителей города ужас. Каждую ночь к ней во дворец доставляли нового юношу. Утром его находили мертвым.

В один прекрасный день в Бхактапуре появился сын чужеземного раджи. «Совершенно случайно» он остановился в доме именно той женщины, чей сын в ту

ночь должен был ублажать дочь раджи. Поздно вечером молодой раджа, сидя в своей комнате, услышал рыдания хозяйки, провожавшей сына на верную смерть. Он пожалел бедную женщину и предложил подменить юношу. Смельчаку удалось тайком пронести во дворец саблю.

Под утро молодая женщина забылась глубоким сном, а молодой раджа спрятался в ее спальне. Вдруг он заметил, что из ноздрей женщины показались две темные нити. В мгновение ока они превратились в змей, которые в поисках очередной жертвы, шипя, сползли на пол. Принц взмахнул саблей и одним ударом уложил двух тварей.

Когда утром к дворцу подошла похоронная процессия, чтобы отнести тело очередной жертвы к месту кремации, то, ко всеобщему удивлению, в покоях дочери раджи нашли сына чужеземного правителя. Молодые люди мирно беседовали.

Весть об этом радостном событии мгновенно облетела город. Народ ликовал. Люди кинулись во дворец, чтобы воочию убедиться в правоте слухов. Змей-убийц повесили на высоком столбе на центральной площади. На радостях раджа Бхактапура повелел в первый день каждого Нового года устраивать по этому поводу праздник и возить по улицам колесницу с водруженным на нее изображением Бхадракали — пусть кровавая богиня еще раз убедится, что человек победил смерть.

Впоследствии в процессиях по городу Бхадракали стала сопровождать еще одна колесница, но значительно больших размеров, с колесами, высеченными из целого куска дерева. В верхней части трехъярусной надстройки колесницы «катается» муж Бхадракали — жестокий бог-разрушитель Бхайрав. Точнее, по улицам возят лишь голову Бхайрава — блестящую бронзовую маску — все, что удалось людям захватить в схватке с жестоким божеством.

Огромная, покрытая ажурной резьбой колесница Бхайрава — своего рода главная фигура праздника. Бискет Джатра начинается с того момента, как эти похожие на дома на колесах сооружения отправляются в путь по улицам города.

В тот день мы были свидетелями того, как жители за толстые веревки тянули колесницы на пустырь, разделяющий верхнюю и нижнюю части города. И тут началось «соревнование», подобное перетягиванию каната.

Жители нижней части города тащили колесницу Бхайрава в одну сторону, жители верхней — в другую.

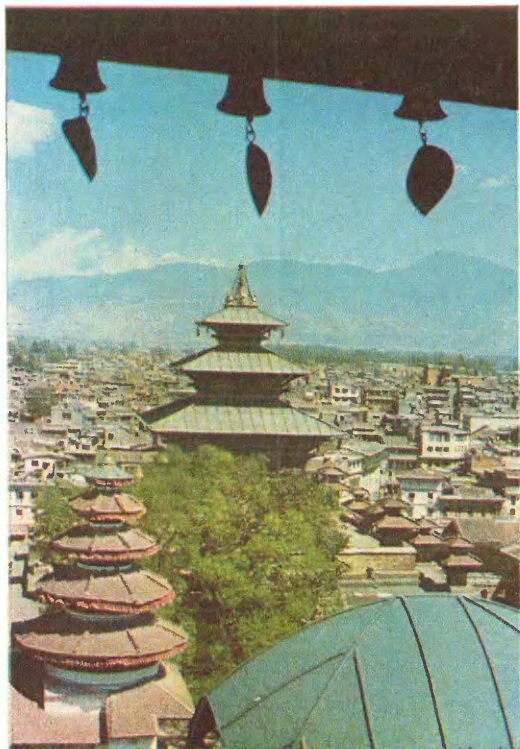
Под крики «болельщиков» и непосредственных участников «соревнования» колесница, скрипя на поворотах тяжелыми деревянными колесами, выделявала замысловатые восьмерки.

Казалось бы, счастье улыбнулось жителям верхних кварталов города, но вот прибежавшая на подмогу новая группа мужчин из нижних районов с силой стала тянуть канаты в свою сторону, и колесница, тяжело осев, медленно повернулась. Канаты натянулись как струны, пот ручьями лил по лицам участников, ноги по щиколотку утопали в пыли. Однако никто не хотел уступить. Ведь именно от того, куда направится повозка, зависело, где в следующем году будет обитать счастье. Если окончательно перетянут жители нижнего города, удача ждет их, если нет — счастье поселится в верхних районах.

И змеи, смерть которых празднует народ, тоже не были забыты. Обычно накануне первого дня Нового года на площади водружается церемониальный столб. Прodelать это весьма сложно. Двадцатиметровую махину ставят в вертикальное положение без подъемных кранов, а затем вставляют в специально выдолбленное в плитах мостовой отверстие.

На площади стояла напряженная тишина. Лишь изредка раздавались глухие подбадривающие возгласы и вздохи разочарования. Люди внимательно следили за происходящим. Используя в качестве рычага бамбуковые шесты, подтягивая столб толстыми веревками, мужчины медленно поднимали один конец столба, в то время как другие пытались упереть в мостовую нижнюю часть исполина. Казалось, будто столб установлен вертикально, но одно неловкое движение — и махина стала заваливаться. Толпа в ужасе замерла. Мужчины с криками кинулись в стороны. Раздался тупой удар о землю. Горе тому, кто не успел вовремя отпрянуть.

Нередко какой-нибудь смельчак так и остается на всю жизнь калекой, бывают и смертельные исходы. Однако все начинается сначала. Проходят долгие часы, пока наконец столб установят прочно. Случается, что несмотря на многочисленные попытки, поднять столб так и не удастся. И тогда людей охватывает ужас: более дурного предзнаменования не только для города, но и для всей страны придумать трудно.

Вид
на непальскую
столицу с крыши
одной из пагод

Одна
из торговых улиц
в центре Катманду

Юные
уличные
коммерсанты
греются
возле жаровни

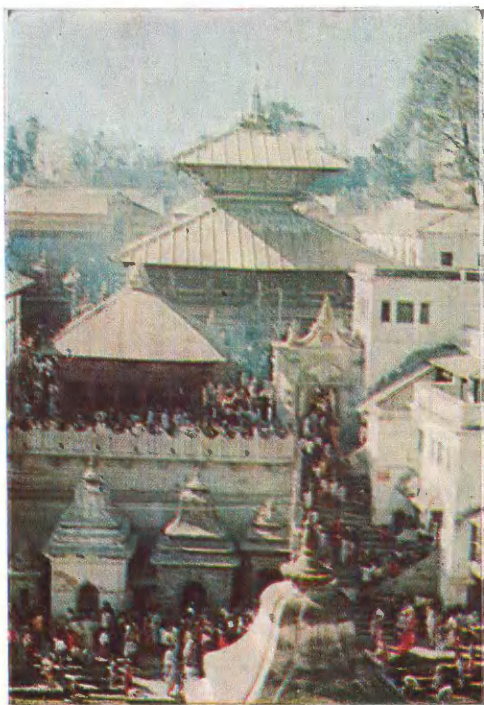

Рынок в Катманду

На берегу
священной реки
Багмати

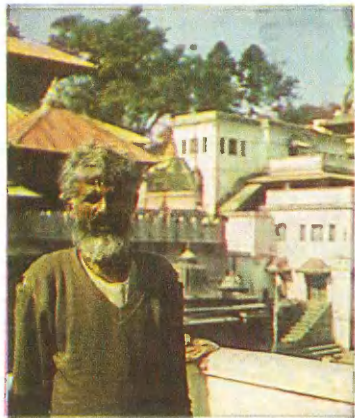
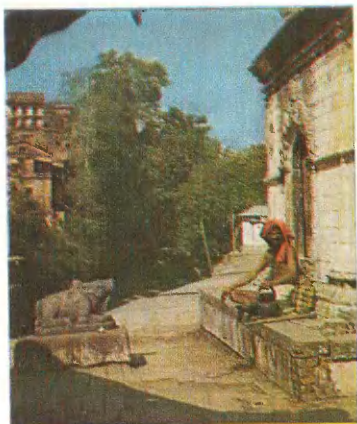

**Храм Пашупатинатх
во время праздника
Шива-ратри**

**Чайтя часто служит
местом отдыха
путников**

Юный садху

**Храм Пашупатинатх —
пристанище индуистов,
пожелавших умереть
в священных местах**

Паломник

Праздник Дасаин в Коте

**Монастырь Сваямбхунатх
«Принеси мне счастье»**

**«Если болит зуб,
достаточно вбить
в изображение бога гвоздь,
боль сразу же утихнет»**

Дасаин.
Бог «принял»
жертву

Кумари —
живая богиня

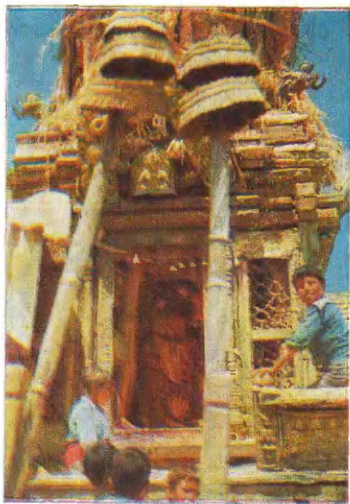
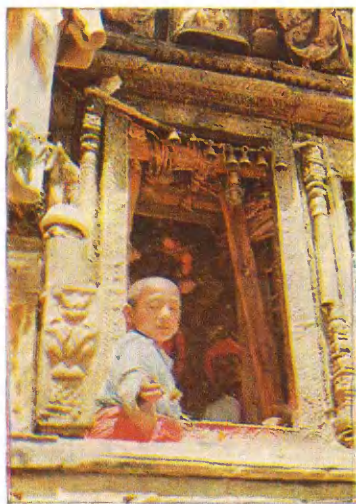

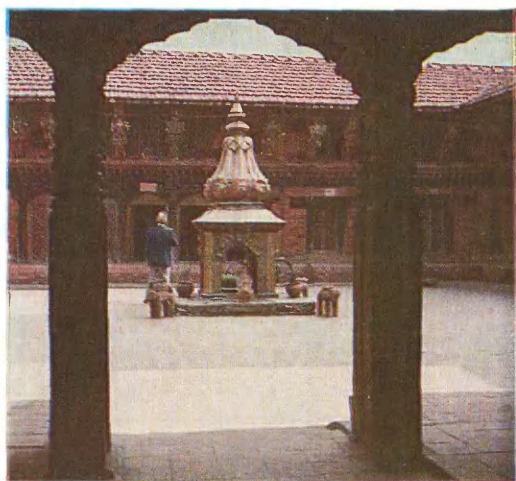
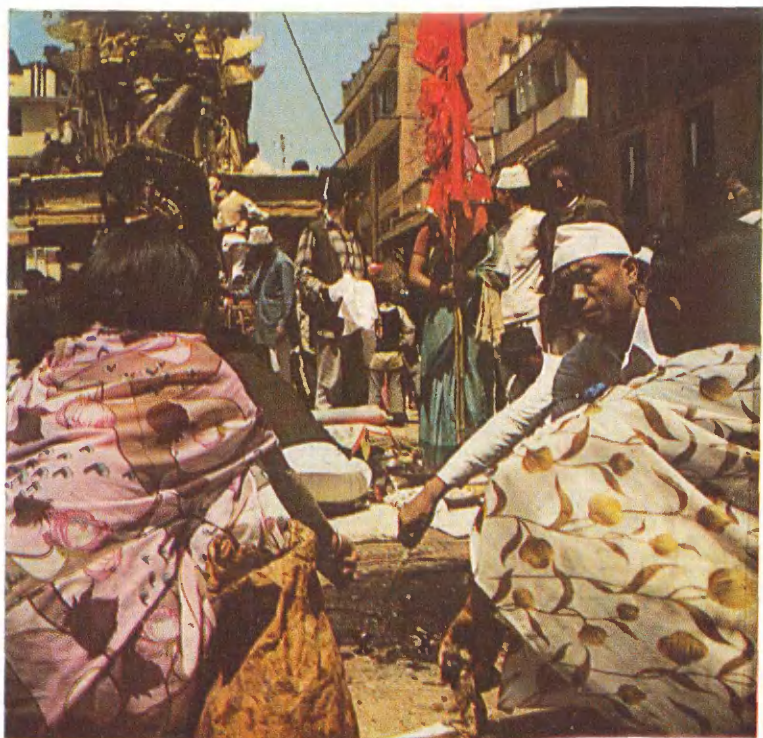

Поклонение богам
буддийского
пантеона

С юных лет
непальские дети
непосредственно
участвуют
в религиозных
праздниках

Колесница
с изображением
бога Рато
Мачхендрапатх

**На празднике
Рато
Мачхендранатх**

**Один
из памятников
древней неварской
архитектуры**

Небольшая каменная ступа
в Бхактапуре

Гончар

Гончарная лавка в Тхими

**Патан.
В ожидании
работы**

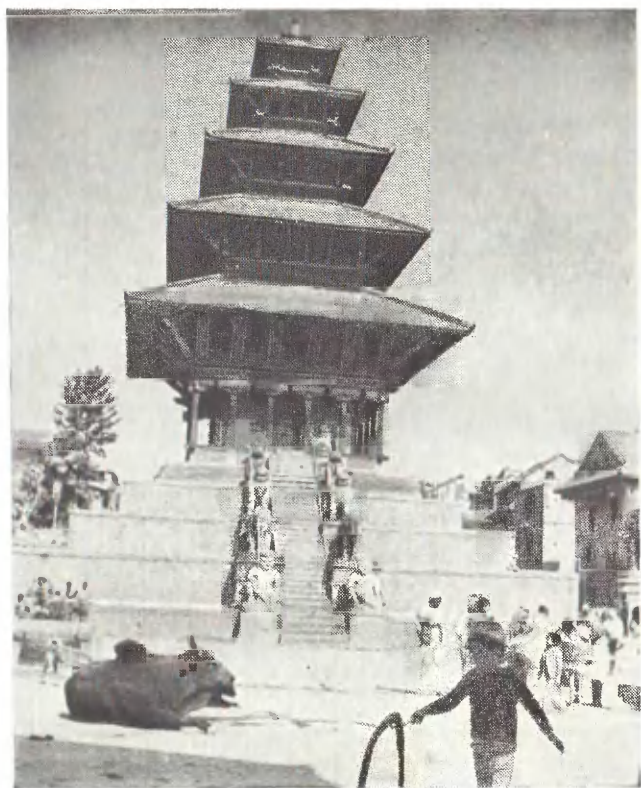
**Здесь живут
гурунги**

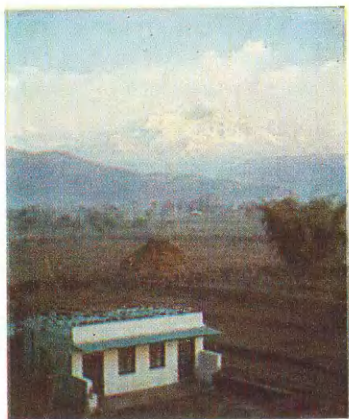
**Пятирусная
пагода Ньятапола**

**В непальских
Гималаях
до сих пор
измеряют
расстояние
не километрами,
а днями пути**

**Ловля рыбы
в Хетауде**

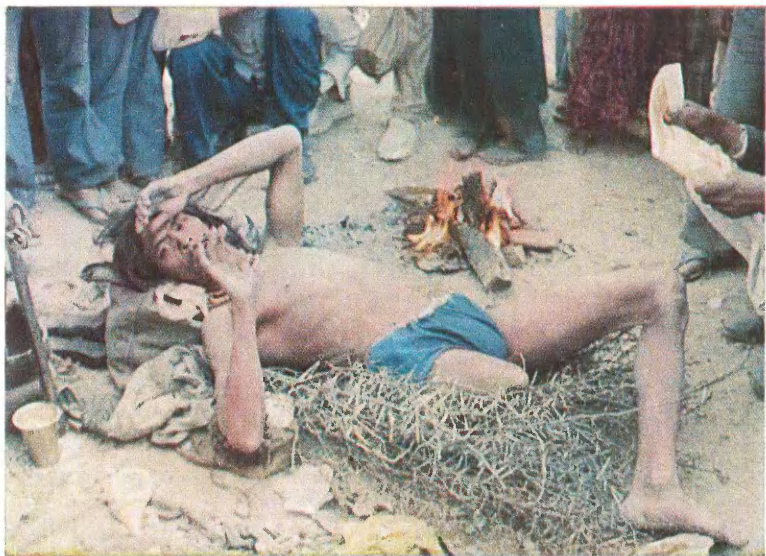

**Идет прием
сахарного тростника
на сахарном заводе
в Биргандже**

Пик Мачхапучхре

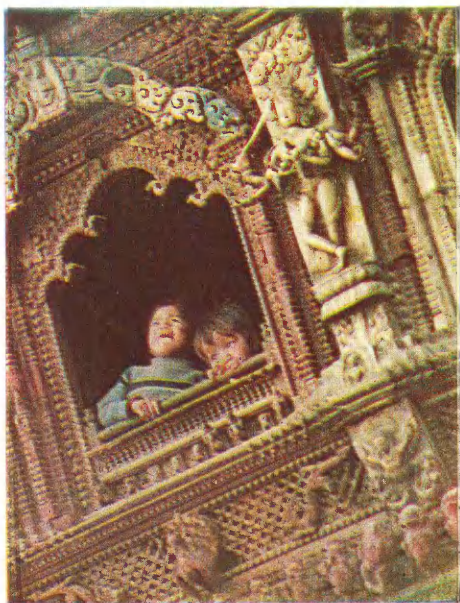
Музыканты

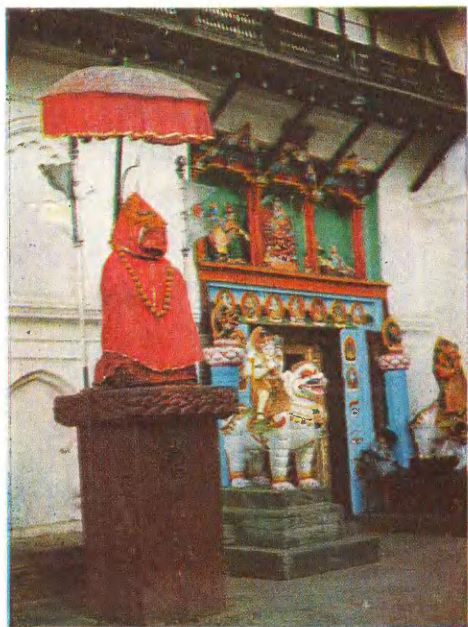

Юг

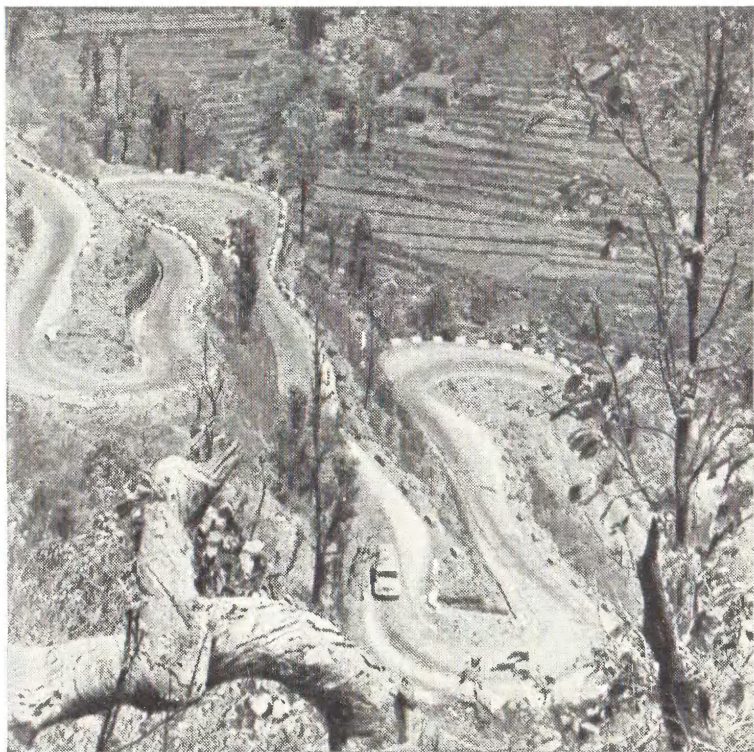
Маленький нищий

Резное окно

**Изображение
Ханумана
у входа
в средневековый
королевский дворец**

Дорога Трибхуван—Раджпатх
Площадь в Бхактапуре

**Дети часто играют
на ступенях пагод**

**У пруда
Рани Покхари**

Как бы то ни было, а церемониальный столб все-таки водрузили. Свешивающиеся с перекладины на вершине столба два полотнища (они символизировали тех двух змей-убийц) подметали концами мостовую. Все ликовали. Отовсюду стекались толпы людей, чтобы усыпать основание столба цветами, зажечь масляные светильники и окропить символ победы добра над злом кровью жертвенного животного.

Если в Бхактапуре залог счастливого года — успешная установка многометровой деревянной колонны, то в деревне Тхими, расположенной километрах в трех от города, совершается другой, не менее экзотический обряд. Эта маленькая деревушка хорошо известна не только жителям Большой долины, но и иностранным туристам. Практически все жители Тхими — гончары. Замысловатые кувшины, изображения божеств как индуистского, так и буддийского пантеона, стилизованные цветочные горшки (иногда даже в виде грифонов и слонов) — чего только не изготавливают умельцы из Тхими, причем с помощью тех же простейших приспособлений, что и много веков назад! Вряд ли найдется турист, который не увезет с собой на память терракоту Тхими.

Прямо у дороги, возле своего дома, гончар раскручивает палкой большой деревянный гончарный круг диаметром не менее полутора метров. Когда тяжелому кругу придана нужная скорость, при которой он может сам вращаться минут пять, мастер склоняется над комом серой глины и пальцами придает ему нужную форму. Буквально две-три минуты — и цветочный горшок или вытянутый кувшин с загнутыми краями готов для обжига. Рядом, под навесом, другой гончар лепит довольно большого грифона, усыпанного различными по форме отверстиями, через которые впоследствии будут пробиваться стебли цветов.

Накануне Нового года в Тхими собираются люди даже из отдаленных селений, но уже не за керамикой, а чтобы стать свидетелями церемонии в местном храме Махалакшми. Обычно через этот обряд проходит доброволец. Если такового нет, то назначается тот, кто уже участвовал в новогоднем религиозном акте.

В течение четырех дней этот человек проходит церемонию очищения. В это время он не имеет права есть мясо, чеснок и соль. Ему тщательно сбывают не только волосы на голове, но и брови, а если есть — то и усы и бороду. Никто не имеет права прикасаться к не-

му, чтобы случайно не нарушить священной чистоты. За сутки до обряда он вообще ничего не должен есть.

Обряд начинается. В храм входит священнослужитель. Мужчина открывает рот, высовывает язык, и священнослужитель протыкает язык длинной металлической спицей. Мученика с высунутым языком — игла проходит насквозь — водят по деревне. Затем все возвращаются в храм, где священнослужитель вынимает спицу, а рану смазывает грязью с пола храма — оказывается, она имеет необыкновенные лечебные свойства.

Во время обряда сопровождающие процессию наблюдают, сочтис из раны кровь или нет. Если кровь не появляется, значит, год будет счастливым, а сам бедняга после смерти обязательно попадет в рай.

Живая богиня

В центре непальской столицы, на Дарбар-Сквер, есть много средневековых дворцов и храмов. Колоритные пагоды, бронзовые и золоченые фигуры, вырастающие прямо из земли каменные божества привлекают тысячи туристов, и в первую очередь тех, кто приезжает сюда на короткое время. Возле храмов раскладывают свои товары продавцы: тут и разные сувениры, и жареные земляные и кокосовые орехи, и мандарины. Раздается звон колокольчиков торговцев мороженым (подчас это лишь кусочки сладкого льда, а в лучшем случае — замороженное молоко). Слышатся звонки велосипедов и лающие сигналы велорикш.

На площади появляется группа туристов. Их тут же обступают бойкие непальские «коробейники».

— Есть прекрасные ножи-кхукри из необыкновенной стали. Ими можно резать все, даже металл, — расталкивая конкурентов, кричит бойкий черноглазый паренек в огромной, выгоревшей на ярком солнце рубашке. Он рекламирует отливающий синевой непальский нож.

Его отпихивает совсем еще ребенок, который не моргнув глазом убедительно доказывает, что в руках у него не простой, а уникальный камень, принесенный с вершины Эвереста. Когда в ответ раздается хохот, мальчишка, ничуть не обидевшись, бросается искать другого покупателя, неискушенного в торговых делах. Опрятно одетый молодой человек, представившись бакалавром искусств, предлагает туристам экскурсию к крупнейше-

му в стране ритуальному барабану диаметром около 2 метров, огромному колоколу и так далее и тому подобное.

Приезжий чувствует себя здесь в плену у чудом сохранившейся в веках сказки. Кругом удивительные по красоте храмы и скульптуры. Есть тут даже сказочное, но живое божество Кумари. Для того чтобы увидеть живую богиню, достаточно иметь рупию. Однако фотографировать ее нельзя, зато смотреть на нее разрешается сколько хочешь. Правда, запечатлеть на пленку богиню все-таки можно, но для этого надо приезжать в Катманду в сентябре, во время праздника *Индра Джатра*, когда Кумари возят по улицам города на разукрашенной колеснице.

Живая богиня живет в трехэтажном здании. Окна его украшены затейливой резьбой, а вход охраняют огромные каменные львы. Если войти в ажурную арку, то окажешься в небольшом внутреннем дворике, в центре которого — храм с изображением богини знаний Сарасвати. Возле храма резвятся ребяташки. Завидев посетителей, один из мальчиков, не говоря ни слова, подбегает к ним и требует рупию с каждого. Он также следит за тем, чтобы никто не фотографировал. Затем мальчик направляется внутрь здания. Через некоторое время в одном из окон верхнего этажа появляется лицо девочки. Кумари трудно спутать с другими непальскими детьми: недетские, сильно подведенные глаза, ярко раскрашенный лоб, большая тика, дорогие парчовые одежды.

Существует много легенд о том, как появилась здесь живая богиня. В самой популярной из них рассказывается о том, как много-много лет назад, «когда боги жили среди людей», одна богиня любила приходить к королю, чтобы поиграть в кости и дать мудрые советы. Вскоре король так сильно влюбился в богиню, что совсем потерял голову. Однажды, забыв, что перед ним богиня, он попытался заключить ее в свои объятия. Оскорбленная поведением короля, богиня покинула людей и не захотела впредь даже говорить с монархом. Однако время — лучший лекарь. В конце концов богиня простила короля, но сказала, что теперь разговаривать с ним будет лишь... устами маленькой непорочной девочки, не потерявшей ни единой капли крови. Кумари и есть та девочка.

Она остается богиней до тех пор, пока на теле ее не

выступит кровь, будь то следствие естественного физиологического процесса или результат даже самой, казалось бы, незначительной травмы. Сразу же после этого Кумари становится обычной смертной, и назначаются новые выборы живой богини.

«Кандидатом» в Кумари может стать любая девочка в возрасте от трех до пяти лет из неварской буддийской подкасты *сакия*¹⁵. Это значит, что у Кумари и мать и отец должны быть из подкасты сакия. Однако, перед тем как допустить девочек к «конкурсу», соответствующее жюри должно убедиться, что у них ни разу в жизни не выступала на теле кровь и все они соответствующего происхождения. После того как жюри, в которое входят астрологи, священнослужители и другие, не менее важные персоны, избирает Кумари, девочку ведут к королевскому брахману, чтобы тот благословил ее.

Почему жюри все-таки отдает предпочтение именно этой девочке? Дело в том, что членам жюри вовсе не надо ломать голову над проблемой выбора: будущая богиня должна пройти через страшное испытание, которое может выдержать, пожалуй, лишь один ребенок из тысячи. Девочек оставляют на ночь в комнате, уставленной изваяниями страшных животных с головами, внушающими ужас,—они начинают как бы оживать при колеблющемся пламени свечей. В этот момент в комнату вламываются люди в зловещих масках. Они высоко прыгают и истошно кричат.

Даже у взрослого, видавшего виды мужчины от такого зрелища кровь стынет в жилах, не говоря уже о ребенке. Однако всегда найдется такая девочка, которая не впадет в истерику. Почему? До сих пор это остается загадкой. Видно, правы те, кто утверждает, будто Кумари может стать лишь нездоровый ребенок, не способный на обычные детские эмоции. После того как девочку объявляют Кумари, она поселяется в доме на Дарбар-Сквер и остается там на время пребывания в образе живой богини.

По истечении срока Кумари возвращается в родительский дом и получает правительственное жалованье в размере 50 рупий в месяц до тех пор, пока не выйдет замуж. На свадьбу ей выплачивается «единовременное

¹⁵ С а к и я — неварское имя, обозначающее принадлежность к касте ювелиров *банре* (*банра*).

пособие» — 1000 рупий. Когда-то эти деньги казались довольно внушительной суммой, а теперь в результате бурной инфляции и резкого роста цен это жалкая плата за огромное терпение. К тому же далеко не каждый непалец решится взять в жены бывшую богиню: в народе все еще живет поверье, будто мужчина, который женится на Кумари, вскоре умрет (и это несмотря на то, что многие мужья бывших живых богинь намного переживали своих жен).

Как уже говорилось, Кумари не имеет права покидать свой дом, за исключением нескольких праздников. Девочка лишена даже возможности посещать школу и обычно постигает основы грамоты с помощью частных преподавателей, которым правительство, естественно, за уроки не платит. Кумари совсем необязательно должна быть вегетарианкой. Ей разрешается есть мясо, но только не куриное. Нельзя Кумари притрагиваться также к куриным яйцам.

Сейчас вместе с Кумари живет старая женщина. Вот уже почти сорок лет она является как бы воспитательницей живых богинь. Этот почетный пост достался ей по наследству от свекрови, и нынешняя «мамка» передаст свои полномочия невестке и т. д. Воспитательница должна также быть неваркой, — правда, из подкасты буддийских священнослужителей *ваджрачарья*. Но не только одна воспитательница присматривает за Кумари. Раз в день к ней заходит священнослужитель, тоже невар, но уже из подкасты брахманов *кармачарья*. Этот священнослужитель-индуист ежедневно молится с Кумари в течение десяти минут.

Получается довольно забавная ситуация — живая богиня из буддийской общины и «мамка» — воспитательница тоже из буддистов. Но Кумари каждый день молится с индуистским священнослужителем, выполняет определенные обязанности во время важнейшего индуистского праздника Дасаин, более того, перед ней преклоняет голову король. Правда, это происходит раз в году, однако не надо забывать, что в Непале король почитается живым индуистским божеством. Все это — свидетельство того, как тесно переплелись в Непале буддизм и индуизм.

До сих пор непальцы помнят, как на празднике Индра Джатра осенью 1954 года Кумари выглядела сонной и долго не желала ставить тилку королю Трибувану и благословить его. Лишь после довольно откоро-

венного нажима она поставила монарху тикку. Нежелание Кумари благословить кого-либо считается здесь дурным предзнаменованием. Конечно, все это предрассудки. Однако спустя несколько месяцев после вышеописанных событий, в марте 1955 года, король Трибуван скоропостижно скончался...

Быть живой богиней — занятие для ребенка невеселое. У девочки нет ни детства, ни веселых игр со сверстниками. Конечно, изредка подружки навещают Кумари, но им разрешают играть лишь в тихие, спокойные игры, в основном в куклы: боятся, что во время быстрых игр богиня может поранить себе тело. Поэтому девочка почти всегда грустна и задумчива.

Родители Кумари никакими привилегиями не пользуются. Правда, их приглашают на «большие пиры». Вместе с Кумари они посещают официальные религиозные церемонии (примерно десять раз в году). В остальное время они, как и другие, молятся на свою дочь как на живую богиню до тех пор, пока она — Кумари. Затем... пытаются выдать дочь замуж.

В Непале не одна живая богиня, их несколько — во всяком случае, больше трех. Одна, как мы уже знаем, живет в непальской столице, другая — в Патане, а третья — в Бхактапуре. Во многих районах Долины есть также богини местного значения (не случайно же долину Катманду часто называют «Долиной богов»), существуют они в других городах и селениях королевства.

Праздник в Большой долине

— Давай левее, еще левее! — размахивая руками, кричит человек, который направляет движение колесницы.

— Осторожнее. Не видите, что ли, сейчас столб заденем!

Колесница медленно поворачивает вправо. Однако поздно. Слышится звон разбитого стекла. Фонаря на столбе как не бывало.

— Ну вот, что я вам говорил! Слава всевышнему, что хоть никто не пострадал. Теперь толкайте колесницу назад. Надо же как-то объехать этот проклятый столб.

— Давай! Раз, два, взяли. Только, ради бога, медленно... Кому говорят, медленно...

Огибая выступающие черепичные кровли домов и позолоченные крыши многоярусных пагод, по запруженным тысячами людей узким улицам древнего города Патана движется ярко разукрашенная колесница с огромными деревянными колесами. На колеснице бамбуковая, увитая зеленью и цветами огромная колонна, в основании которой сооружен импровизированный храм, где под охраной двух священнослужителей находится изображение Рато Мачхендранатха. К колеснице привязаны толстые канаты, и десятки добровольцев, впрягшись словно бурлаки, тянут святыню по узким улочкам города.

На резной оглобле восседает направляющий. Громко крича и отчаянно жестикулируя, он пытается провести махину по маршруту такому же древнему, как и истертые каменные плиты мостовой. Однако улицы настолько узки, а колесница такая громоздкая и высокая, что на пути ее следования рушатся стены домов, летят крыши, рвутся электрические и телефонные провода. Бывает, что под колеса колесницы попадают прохожие. Но ничто не может омрачить праздничного настроения.

Рато Мачхендранатх — один из самых важных и, пожалуй, интересных праздников в долине Катманду. Он начинается в конце апреля — начале мая. В это время все с нетерпением ждут сезона дождей, или, как его здесь называют, муссона. Если он приходит поздно, то молодые нежно-зеленые побеги риса гибнут, а это значит, что жителям Долины грозит голод. После долгой зимы и засушливой весны, когда в Непале пересыхают реки и оросительные каналы, люди с надеждой обращают свои молитвы к богу-спасителю Мачхендранатху, чтобы тот наконец ниспослал на их поля дождь — залог хорошего урожая.

Известно, что существует два Мачхендранатха — Рато («Красный») и Сето («Белый»). Рато Мачхендранатху поклоняются жители Патана, а Сето Мачхендранатху — непальской столицы. Оба божества различаются, видимо, лишь цветом, но в конечном счете олицетворяют одно и то же. Мачхендранатх бывает не только двух цветов — у него также много имен. Так, его называют еще и Арьялокитешвара, и Локешвара, и Падма-пани, и Бунга Дева, отождествляют с Лакшми, Вишну и другими божествами. К тому же до сих пор никто так и не может дать точного ответа, какой это праздник — индуистский или буддийский или обеих ре-

лигий? На вопрос, почему божество называют Мачхендранатхом, лучше всего ответит одна из легенд (их так же много, как и имен у божества).

История эта произошла давно, тогда, когда еще сам Шива (у него имен и воплощений не менее тысячи) был учеником великого гуру (учителя) Локешвара и постигал секреты единения с «высшим существом» путем медитации. Однажды, когда Шива рассказывал своей жене, богине Парвати, обо всем, чему научился у своего гуру, она неожиданно заснула. Локешвар, превратившись в рыбу, стал слушать речи своего ученика. Вскоре Шива увидел, что жена спит и не внемлет его речам. И тут он почувствовал, что кто-то притаился рядом и подслушивает.

— Кто бы ты ни был, появиись немедленно, или я прокляну тебя! — в гневе воскликнул Шива.

Тогда Локешвар принял свой обычный облик, а Шива при виде его упал на колени и стал молить о прощении. С тех пор Локешвара стали звать Мачхендранатхом (*мачха* значит «рыба»).

В другой легенде рассказывается, почему один из главных праздников долины Катманду посвящен именно Мачхендранатху.

Примерно 1400 лет назад, во времена правления короля Нарендра Дева, в течение двенадцати лет не выпало в стране ни одного дождя. Реки, оросительные каналы, родники и колодцы пересохли. Люди умирали от жажды, скот погибал, потрескавшаяся земля перестала давать урожай. После долгого размышления духовный советник короля сообщил, что страшное бедствие на страну накликать ученик Мачхендранатха — Горакхнатх. Оказывается, это он похитил всех девять змей-богов, которые посылали в Долину дожди, и спрятав их у подножия одного из холмов.

Горакхнатх поставил ультиматум: пока он не встретится со своим учителем Мачхендранатхом, змеи будут сидеть взаперти и засуха не кончится. Мачхендранатх в это время находился в Ассаме (ныне индийский штат на северо-востоке страны) на одном из холмов и был погружен в медитацию. Тогда король Нарендра Дева вместе со своим советником Бандхуатом и одним носильщиком отправились за Мачхендранатхом.

На пути в Ассам им пришлось преодолеть много преград, которые поставил на их пути отец очередного воплощения Мачхендранатха, правитель Ассама демон

Шаши. Однако на этом их мучения не кончились: воспротивилась мать, и Мачхендранатху ничего не оставалось, как превратиться в большую черную пчелу и спрятаться в золотом ритуальном кувшине Бандхуатта. Таким образом черная пчела была доставлена в долину Катманду. Неподалеку от Патана, на берегу реки Накху, процессия остановилась на отдых.

Горакхнатх, узнав о прибытии Мачхендранатха, поспешил к нему навстречу, чтобы выразить свое почтение. Воспользовавшись отсутствием Горакхнатха, змеи выползли на свободу, и тут же над Долиной разразилась ливень. Между тем над местом, где отдыхал король и его спутники, пронесся Бхайрав — пожалуй, самое свирепое воплощение Шивы — с криком «бу», что на неварском языке значит «место рождения». По приказу короля на этом месте были построены селение и храм, где нашел пристанище ритуальный кувшин с Мачхендранатхом в облике пчелы. Священнослужителям было приказано молиться богу дождя и урожая Мачхендранатху. С тех пор ни один земледelec в Долине не посмеет поднять руку на черную пчелу.

...К самой колеснице подобраться не так-то просто — мешает толпа людей. Громко играют самодеятельные оркестры. Мужчины в праздничных национальных одеждах важно тянут канаты. Одни, если не удалось ухватиться за канаты, стараются хотя бы подталкивать колесницу с символами Бхайрава, другие пытаются дотронуться до колес или до оглобли, ну а если уж совсем повезло — до самой колесницы.

Женщина в ярком сари с серебряной нитью, шепча заклинания, бросила горсть риса в колесницу, затем дотронулась рукой до колеса и приложила руку ко лбу младенца. Затем она снова дотронулась до колеса и на этот раз благословила себя.

К Рато Мачхендранатху не подступиться. Изображение блестит свежей краской: перед каждым праздником его непременно моют в реке Накху, чистят, подкрашивают и, если есть необходимость, ремонтируют. Сейчас Рато Мачхендранатх находится под охраной двух священнослужителей. Мало того, возле колесницы всегда несколько полицейских, и, судя по всему, это не случайно: совсем недавно изображение божества было похищено, хорошо, что произошло это не во время торжеств. Жители Долины потеряли покой: вдруг снова наступит страшная засуха? Всполошились историки и

археологи. Страшно подумать, что Рато Мачхендранатха постигнет участь тех памятников истории Непала, которые вывезли из страны: они стали украшениями частных коллекций за океаном. Полиция долго искала метровое изображение божества. Наконец реликвия была обнаружена в стене одного из домов Патана...

Вслед за колесницей Рато Мачхендранатха медленно продвигается еще одна — правда, меньшая по размеру. В ней изображение бога Миннатха. Одни считают его сыном Мачхендранатха, другие — дочерью. Но все эти сомнения в отношении Миннатха, путанные многочисленные легенды о самом Мачхендранатхе несколько не беспокоят участников праздника.

Традиционный маршрут колесниц подходит к концу. Впереди — площадь Джавалакхел. Отсюда начинается и здесь заканчивается многодневное путешествие колесниц по улицам Патана. Колесница с Рато Мачхендранатхом за день преодолевает всего несколько десятков метров. Порой она стоит на одном месте по нескольку дней — иногда из-за поломки, а порой из-за пожара, возникающего на колеснице. Спешить с передвижением не следует: отбытие и возвращение колесницы происходит в строго определенное время, высчитанное астрологом. Узнать, как долго будет продолжаться праздник, можно буквально накануне: иногда он кончается в мае, а иногда длится до августа.

Вся площадь была запружена народом. Одни заняли здесь места с вечера. Всю ночь горели лампы в честь Мачхендранатха. Многочисленные оркестры играли народные непальские мелодии и религиозные гимны. Тысячи людей собрались, чтобы увидеть заключительную часть праздника Рато Мачхендранатха — Бхото Джатру, когда с колесницы будет демонстрироваться *бхото*, или священная, украшенная драгоценными камнями рубашка.

Оказывается, давным-давно в озере Таудах (недалеко от долины Катманду) жил король змей Каркотака Нагараджа. У него была жена, которая сильно страдала болезнью глаз. Как ни старались местные лекари ее вылечить, ничего у них не получалось. Тогда Каркотака Нагараджа, приняв человеческий облик, направился в Долину и повстречал там знаменитого лекаря, который за четыре дня вылечил жену короля змей. За это король подарил лекарю бхото со своего плеча.

Однако недолго послужил жилет новому владельцу:

о бхото прознал демон и похитил его. Долго искал лекарь свою пропажу, но безуспешно. Однажды во время праздника, когда колесница прибыла в Джавалакхел, лекарь вдруг увидел свой бхото. Дело в том, что демон в человеческом обличье тоже пришел на праздник. Тут началась потасовка, но вмешались боги, в том числе и сам Каркотака Нагараджа. Они решили, что ни лекарь, ни демон не заслуживают носить бхото, и подарили священный жилет Рато Мачхендранатху. С тех пор в день, когда веселье достигает своего апогея, бхото выставляют на всеобщее обозрение, чтобы все могли убедиться в его целостности и сохранности.

В день Бхото Джатры сюда доставляют и Кумари — живую богиню Патана. Поклониться Рато Мачхендранатху и увидеть, как демонстрируют священный бхото, приезжают также король с королевой, министры и военачальники.

Наступает торжественный момент, на золоченом мешке ломают печати и извлекают усыпанный золотыми звездами и драгоценными камнями бхото. Священнослужитель трижды демонстрирует бхото с колесницы, с каждой стороны, затем священную реликвию снова убирают в мешок, тщательно запечатывают сургучными печатями и прячут до следующего праздника Бхото Джатры.

Праздник, посвященный Рато Мачхендранатху, приближается к концу. На башню, венчающую колесницу с божеством, взбирается священнослужитель и с огромной высоты бросает медный диск, напоминающий по форме монету. Все с трепетом наблюдают, какой стороной он упадет на землю. Ведь от этого зависит будущее жителей Долины. Если диск упадет на одну сторону, то жди дождя и хорошего урожая, если на другую — не миновать засухи и голода.

После окончания торжеств Рато Мачхендранатха на раскрашенных носилках относят в храм, который находится в селении Бунга. Там перед Рато Мачхендранатхом три раза в день в течение года возжигают бронзовый светильник.

На праздник Бхото Джатра я не захватил с собой зонтик, хотя непальцы настойчиво уговаривали меня это сделать. Я никак не мог поверить, что пойдет дождь, ведь с утра на небе не было ни облачка. Однако не успел праздник подойти к концу, как полил дождь, и я едва успел добежать до автомобиля.

В то утро очень рано прозвенел звонок в дверь. Сначала раздалось короткое «трень». Решив, что пошутил скучающий прохожий, я продолжал спокойно досматривать интересный сон, какие почему-то всегда снятся, когда пора вставать.

Однако звонок не унимался. Раздалась более продолжительная трель, затем еще одна. И тут он истошно зазвенел во всю мощь своих металлических легких. Затявкали даже мой тибетский терьер, а разбудить этот мохнатый клубочек столь ранним утром иногда труднее, чем его хозяина.

Пришлось встать. Проклиная все на свете, я открыл балконную дверь, и на меня пахнуло холодным, влажным воздухом. Откуда-то с улицы потянуло дымком. Это юные коммерсанты, торгующие круглые сутки всякой мелочью, грели у костра свои озябшие руки. Сквозь пелену утреннего тумана у ворот я разглядел силуэт мужчины. Он энергично размахивал руками.

— Пора вставать! Кто же спит после восхода солнца?! — услышал я знакомый веселый голос. — Тем более в праздник!

Оказывается, и сегодня опять праздник. Не успел закончиться один, как наступил другой. Уж если праздник, так и отдыхай на здоровье. А тут нет. Во всем мире в праздничные дни люди стараются подольше поспать, здесь же все наоборот.

— Привет, а я к тебе не один, — сказал мой давний друг Арьял, пропуская вперед своего сына. Мальчуган в одной руке держал небольшой медный подносик с горкой красной кашицы, а в другой — гирлянду цветов. — Я ему рассказал, что ты приобрел симпатичного щенка, так он последние дни все уговаривал меня пойти его поздравить.

Мой пес как будто почувствовал, по какому случаю пришли гости. Виляя от удовольствия пушистым хвостом, он подбежал к мальчику и попытался лизнуть его в нос. Парнишка быстро окунул палец в кашицу и, пока терьер стоял на задних лапах, успел поставить ему на лоб ярко-красное пятнышко — тикку, а на шею набросить гирлянду из живых цветов.

— Послушай, если вы пришли поздравлять пса, то зачем подняли в такую рань меня?! Разбудили бы только собаку, и дело с концом, — со смехом обратился

я к Арьялу.— Но коль вы и меня подняли с постели, что называется, с петухами, то это тебе даром не пройдет. Давай выпьем вместе кофе, и заодно ты расскажешь мне, что это за праздник сегодня у собак.

— А вчера был праздник у ворон! — заметил Арьял.

— Ты что, разыгрываешь меня?

— Нет, что ты! Это правда. И, судя по всему, ты тоже его праздновал.— Арьял показал на лежащую на земле сшитую из листьев маленькую чашку, в которой до сих пор оставалось немного риса. Соседские ребята просунули ее вчера под ворота.

Увидев неподдельное удивление на моем лице, Арьял, улыбаясь, легонько подтолкнул меня в спину:

— Ладно, иди вари кофе, только покрепче. Я так и быть расскажу тебе, что это за праздник. Стыдно, ты не первый год живешь в Непале, а до сих пор всех наших праздников не знаешь.

— А ты-то знаешь? — попытался я отшутиться.

— Сдаюсь! — рассмеялся он.— Действительно, их не только невозможно знать все, но даже и перечислить трудно.

Бесконечная вереница праздников для непальца стала своеобразным народным календарем, самым понятным и доступным, источающим радость и впитывающим грусть, излучающим сладкие мечты и уносящим в небытие горечь неудач. В местных календарях разобраться довольно трудно, а праздники помогают простолюдину несравненно легче вести свой собственный. Один праздник означает, что пора сажать рис, другой — рассаживать рассаду, третий — собирать урожай.

Как-то один непалец сказал мне, что здесь почти каждый день — праздник. Сначала я посмеялся и решил, что хорошо живут тут люди — все дни гуляют! Однако, пожив какое-то время в Непале, убедился, что, для того чтобы прокормить семью — а она тут состоит далеко не из двух-трех человек и даже не из пяти, — надо распахать клочок террасированного поля, расположенного подчас под самыми облаками, удобрить и напоить землю, а эта работа не из легких. Удобрений всегда не хватает, оросительные каналы то засоряются, то их разрушают обвалы и оползни. Чтобы молодые побеги не зачахли, надо каждый день с тяпкой, не разгибая спины, оберегать тонкую струйку живительной влаги. И все эти работы приходится проводить на такой

высоте, что если смотреть на это поле снизу, и то голова может закружиться.

Так что только самый бедный непалец может по достоинству оценить время, когда наступает этот праздничный день и можно наконец разогнуть спину, сбросить с себя тяжесть повседневных забот и присоединиться к искрящемуся людскому хороводу и там, в многоликом потоке, забыть все невзгоды на свете.

— Этот праздник посвящен Лакшми — богине благополучия, — прихлебывая из чашечки крепкий кофе, начал свой рассказ Арьял.

Тут он сделал короткую паузу. Словно вспомнив заученный текст, Арьял продолжал:

— Время проведения этого праздника выбрано не случайно. Сейчас конец октября. Золотом отливают поля: поспел рис — основное богатство крестьян. В народе нынешний фестиваль издревле называют *Тихар*, что значит «Зажженные светильники», или «Праздник огней». Но мне кажется, что огонь — это лишь дань традиции, так как он далеко не главный виновник торжества.

— Это только твое мнение? — перебил я друга.

— Можно подумать, что сам ты уже ни о чем не догадываешься, — сказал он и рассмеялся. — Зная тебя, я был уверен, что без подробного рассказа об этом празднике мне не обойтись, поэтому пришлось проштудировать много книг. Честно признаюсь, — при этих словах он театрально приложил руку к сердцу, — сначала думал пролистать несколько книжек, чтобы запастись самыми удивительными легендами. Но не тут-то было. Я запутался в ходе событий. Каждый автор дает практически совершенно новое толкование праздника.

— Тут уж ты наверняка хватил лишку! — заметил я.

— Может быть, но самую малость. А в основном все это — чистая правда. Я даже пришел к заключению, что непальцам все равно, по какому поводу проводится праздник. Главное, что он есть. И если прапрадеды именно его праздновали, то зачем ломать себе голову и искать ответы на многочисленные вопросы. Ведь ничего в природе зря не существует.

— Не кажется ли тебе, что мы несколько отдаляемся от основной темы разговора и пустились в бесконечный спор о философии жизни, забыв о нынешнем празднике? — попытался я вернуть Арьяла к теме нашей беседы.

— Вовсе нет. Тем более что этот праздник часто называют *Панчак Яма* — «Пять дней бога смерти Ямы»...

Оказывается, здесь есть праздник в честь бога смерти. Я не переставал удивляться. Но, кто знает, может, в этом празднике, как и во многих других, кроется ключ к разгадке «философии жизни» непальцев, которые порой с улыбкой встречают невзгоды и не приходят в отчаяние при виде смерти ближнего, не впадают в уныние при низких урожаях. Зачем печалиться, есть соответствующий праздник, который воздаст должное богам (ведь их тысячи и тысячи — буквально на любой случай жизни), и они сделают все, чтобы в следующий раз земля накормила всех вволю. После смерти человека в потустороннем мире ждет хороший прием, может, ему там будет лучше, чем тут на земле. Для этого необходимо только хорошо вознаградить бога Яму и его окружение. Поэтому испокон веков в течение пяти дней широко отмечается праздник *Панчак Яма*.

В первый день воздаются почести воронам, которые в Непале считаются посыльными бога Ямы. Чтобы умиловать вестников смерти, шьют из листьев небольшие чашечки и кладут в них еду, благовония и даже мелкие монеты. Непальцы свято верят, что эти птицы, заполонившие город и пожирающие урожай, своим карканьем навлекающие беду, не посмеют принести дурную весть в дом, у порога которого их ждет угощение. Не только во время праздника задабриваются эти ненасытные существа, предки которых, согласно преданию, были удостоены чести приложиться к сказочному «напитку жизни». Каждое утро хозяйка дома, прежде чем накормить семью, обязательно бросит воронам горсть риса, чтобы никто из домочадцев не получил «повестку» от бога смерти.

Второй день праздника посвящен собакам. Нельзя сказать, что в Непале эти домашние животные окружены почетом, скорее наоборот. На улицах часто можно встретить бродячих собак, и непальцы не видят ничего зазорного в том, что этих тощих псов с торчащими, словно рояльные клавиши, ребрами часто пинают ногами и забрасывают камнями. И только во время *Панчак Ямы* все вдруг вспоминают, что в потустороннем мире от этих существ зависит многое: именно они решают, пропустить или нет в подземное царство на суд Ямы душу умершего. Поэтому непальцы стараются всячески

задобрить собак: ставят им на лоб красную тикку — благословение, украшают гирляндой из цветов, угощают сытным обедом. Даже если вороны все-таки окажутся неблагодарными и принесут в дом известие о смерти, то собаки — стражи ворот царства Ямы — позаботятся, конечно, о душе покойного.

Третий день праздника посвящен корове, которая в Непале считается священным животным. Следует сказать, что ни у одного индуиста не поднимется рука на это животное, и даже под страхом голодной смерти он не отважится притронуться к говядине. Не случайно корова олицетворяется в Непале с земным воплощением богини Лакшми. Ведь именно корова дает молоко, творог, масло и, конечно, удобрения, без которых нет высоких урожаев. В древности, а в некоторых районах страны и по сей день по количеству коров можно судить о достатке семьи.

Однажды я был свидетелем удивительной сцены. По центральной торговой улице Катманду, где расположены самые фешенебельные магазины, шла корова. Неожиданно разразился сильный дождь. Животное в поисках убежища забрело в расположенную поблизости аптеку. Я даже притормозил, чтобы полюбопытствовать, как отнесется к рогатому покупателю провизор. Но тот продолжал с интересом следить за бегающими за окном промокшими до нитки прохожими и даже внимания не обратил на корову. Она дождалась окончания ливня и только после этого спокойно продолжила свою прогулку по улицам столицы...

С утра в день праздника коров тщательно моют, киноварью наносят им пятнышко на лоб, красят рога и хвост. Животных угощают сладостями и фруктами. Истинные индуисты прикладываются к ним лбами, кланяются в ноги, а потом на четвереньках пролезают под брюхом животного. Но даже и тут непалец не забывает о потустороннем мире. Ведь праздник посвящен Яме — богу смерти. В этот день брахман снимает обвивающую его шею завязанную под мышкой священную тесьму — непременный атрибут каждого брахмана — и привязывает ее к хвосту коровы, чтобы она помогла душе умершего.

Но какова роль в этом празднике непосредственно богини Лакшми? Отдав дань уважения коровам, жители королевства приступают к украшению входа в дом цветами и гирляндами, наносят орнаменты красной

краской, а пол жилища обмазывают красной глиной и коровьим навозом, который также считается священным. Навоз используют для церемонии очищения не только домов, но и тела человека.

В полночь богиня Лакшми «совершает кругосветный полет». Она посещает дома, в которых все готово к приему столь важной гостьи. Чтобы она не заблудилась и не обошла своей милостью тот или иной дом, на пороге, да и почти на каждом окне непальцы выставляют зажженные масляные светильники. Те, кто побогаче, иллюминируют свои дома еще и электрическими лампочками. Буквально от порога белой краской, приготовленной из рисовой муки, проводят полосу, ведущую через все жилище к месту, где обычно хранится шкатулка с деньгами и ценностями.

Лакшми — богиня, поэтому просто так ее не увидишь. Чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что она «действительно» посетила дом непальца, есть маленькие хитрости. Для этого берут изображение богини, украшают его цветами и устанавливают перед шкатулкой, в которой хранятся сбережения и семейные реликвии. Непальцы утверждают, что полный успех приносит даже не само изображение Лакшми, а предварительно вымытая в молоке или воде, непременно взятой из «священной» реки, золотая или на худой конец серебряная монетка.

Если Лакшми «увидит» в шкатулке несколько отложенных на черный день совершенно новеньких, хрустящих ассигнаций, то наверняка, по мнению непальцев, богиня сделает так, чтобы их число все увеличилось.

Светильники горят всю ночь, но не только для того, чтобы привлечь в дома богиню. Образуемый на них нагар, оказывается, просто необходим, чтобы отвести «дурной глаз». Для этого достаточно обвести сажей... свои собственные глаза.

После того как Лакшми побывала в доме, все будет в порядке. И как тут не пуститься в искрометное веселье, ведь это праздник огней, и без фейерверка и хлопушек, конечно, не обойтись. Правда, в последнее время городские власти пытаются с помощью законодательных ограничений как-то охладить пыл «осчастливленных», чтобы их радость не омрачалась пожарами и взрывами безобидных на вид хлопушек, приводившими порой к увечьям.

Четвертый день праздника посвящен волам и буйволам. Эти животные не считаются священными, но без них не обходится ни один крестьянин, трудясь на вспашке земли или на других тяжелых работах.

Невары особо почитают этот день, который по неварскому летосчислению считается и первым днем Нового года.

Наконец наступает пятый, заключительный день праздника — *Бхай Тика*. Каждый мужчина в этот день должен посетить сестру, а если у него ее нет — то какую-нибудь знакомую. В этот день сестры всячески почитают братьев — как своих, так и названных, украшают их гирляндами из цветов и, произнося магические слова, «отводящие дьявола», посыпают их головы и плечи лепестками цветов. Затем на чело брата сестра наносит огромную тикку. Когда все таинства ритуала завершены, она угощает брата сладостями, фруктами и орехами, а взамен получает дорогие подарки.

Согласно легенде, давным-давно бог Яма терпеливо дождался, когда скончается тяжелобольной юноша и его душа предстанет перед ним. Сестра большого умолила Яму подождать, пока она закончит свою молитву над умирающим. Бог смерти согласился, но с условием, что будет ждать до тех пор, пока не завянут цветы, которыми сестра осыпала юношу. Яма так и не дождался своего часа: девушка осыпала брата бесмертниками. Так был спасен юноша от преждевременной смерти.

— Чтобы получить из рук сестры заверения в долгой жизни, стоит устраивать такой праздник, — заключил Арьял.

— Конечно, все это прекрасно, но снова одни лишь заверения. Получается, что праздник состоит из одних лишь заверений. Все в будущем, когда-нибудь или даже после смерти. Понимаешь, человеку хочется испытать хотя бы и призрачное счастье, но сейчас, сию минуту, а не в каком-то потустороннем мире. Все это слишком похоже на сказку. Но даже у самой плохой сказки есть счастливый конец, — возразил я.

— Не перебивай меня, пожалуйста, — возмутился Арьял. — Мы же остановились лишь на середине пятого дня праздника. Наберись терпения, ведь с наступлением вечера, клянусь, хотя бы один человек на тысячу, да обязательно разбогатеет. Не зря же, — Арьял лукаво подмигнул, — Лакшми совершает кругосветный полет.

Не удивляйся, когда вечером заключительного дня праздника все жители, от мала до велика, вдруг принимаются играть в азартные игры. На карту ставят целые состояния. Ставки достигают в зависимости, конечно, от состояния кругленьких цифр. За какой-то вечер богатеи могут стать полными банкротами, а бедняки... Лично я, правда, еще не встречал ни одного, кто бы за вечер шагнул из крайней нужды в сказочное богатство, но молва упорно твердит об этом. Только не вздумай в этот вечер пойти в магазин или на рынок — они закрыты. Лакшми «категорически запрещает» в вечер азартных игр совершать какие-либо денежные операции — будь то оплата товаров или любых других услуг, возвращение долга и т. д. Деньги можно использовать только в качестве ставок. Причем играть должны все. Если кто-то не сделает хотя бы одну ставку в тот вечер, то он страшно обидит богиню благополучия и после смерти непременно превратится в презренную моль.

Вскоре сыну Арьяла надоело ставить тики моему терьеру. Не успевал он приложить комочек красной кашицы на закрытый длинными волосами лоб щенка, как тот тут же либо сбивал тикку лапой, либо начинал так трясти головой, что ярко-красные рисинки радужным дождем рассыпались по комнате. Мальчуган стал дергать отца за полу пиджака и просить пойти поздравлять других собак.

— Давай немного прогуляемся, и заодно я провожу вас, — предложил я.

Не успели мы выйти за ворота, как тут же окунулись в атмосферу праздничной суеты. На тротуаре, а то и прямо на мостовой продавцы дешевой бижутерии и сувениров разложили свои товары. Навстречу нам попались несколько самодеятельных оркестров.

Неподалеку ребяташки, поймав облезлого беспризорного щенка, старались по очереди красной кашицей поставить ему тикку на лоб...

«Навсегда вместе, как небо и земля...»

Карета, запряженная лошадьми, сияя на солнце начищенными до блеска медными деталями, слегка скрипящая красными деревянными колесами, грациозно въехала в проем арки, украшенной диковинными изображениями. Отсюда начинается Нью-Роуд. Громко

играл военный оркестр. В руках у священников сверкали массивные позолоченные светильники. Шествие замыкали автомобили последних марок.

— Давно не видел ничего подобного,— сказал Арьял.— Интересно, чья это свадьба? Наверное, отпрысков королевской семьи или бывших правителей Рана. Смотри, как они нарочито демонстрируют свое богатство.

В это время из узенького переулочка, лавируя между возвышающимися в самых неожиданных местах небольшими часовенками-ступами, осторожно обходя универсальные мини-магазины, владельцы которых прямо на пыльной мостовой разложили свои товары — от хрупких стеклянных и пластмассовых браслетов до увесистых амбарных замков, показалась еще одна, правда, намного беднее, но отнюдь не менее красочная свадебная процессия. Впереди шла группа музыкантов. Затейливый ритм задавали барабаны, веселую мелодию выводили флейты и кларнеты. За музыкантами следовали священники с зажженными лампадами. В центре шествия на украшенных искусной резьбой и изрядно потертых носилках — они, наверное, послужили на своем веку многим поколениям — под огромными красными зонтами восседали жених и невеста. За гостями и родственниками молодоженов едва поспевали согнувшиеся под тяжестью приданого носильщики.

Завидев важно проезжающих в карете и дорогих автомобилях «конкурентов», шествие остановилось. Даже невеста, украдкой приоткрыв лицо, бросила завистливый взгляд в сторону богатой свадьбы. Немного постояв и явно смущаясь своей бедности, процессия юркнула в ближайший переулок.

Восседавшие же в карете лишь снисходительно поглядывали по сторонам. Вокруг собралась толпа зевак, и никто даже не заметил скрывающуюся в паутине узких улиц еще одну свадебную процессию.

— Этим богачам и указы нипочем,— сердито бросил Арьял.

— Какие указы? — поинтересовался я.

— Ты же знаешь,— начал издалека Арьял,— каждый праздник мы отмечаем согласно древним обычаям. На свадьбу родители молодых приглашают священнослужителей, родных и близких, заказывают оркестры и специальные носилки, а если позволяет достаток — то автомобиль или, как эти богатые люди, колесницу для

поездок по городу в сопровождении родственников и гостей. Все это стоит немалых денег. А что делать беднякам?! Вот и получается: проходят годы, появляются дети и даже внуки, а бывшие новобрачные все еще выплачивают долги. Чтобы как-то сократить расходы бедных слоев населения на проведение праздников и семейных торжеств, правительство Непала было вынуждено прибегнуть к законодательным мерам. Указ, утвержденный королем, строго ограничил число гостей — их должно быть не больше 51, а музыкантов — не более 11, причем последние входят в общее число приглашенных. Запрещено нанимать танцоров, устраивать фейерверки. И хотя гостей на свадьбах бывает меньше, они, пожалуй, не стали от этого менее веселыми и торжественными. Мы, непальцы, умеем веселиться и на время забывать горести и трудности. Пусть завтра снова придется ломать голову, как свести концы с концами, но ведь это произойдет завтра, а сегодня — праздник, и не стоит печалиться. Кому хочется на свадьбе своих детей ударить в грязь лицом и продемонстрировать всей округе, что ты бедняк. Да и что изменится, если появится еще один долг! Если у родителей молодоженов есть деньги, и немалые, то, чего уж тут греха таить, они стараются пустить пыль в глаза и, несмотря ни на какие ограничения и указы, поразить всех своим богатством.

— Хорошо бы побывать на свадьбе, — мечтательно произнес я, — но только так, чтобы увидеть все с начала и до конца.

— Скоро женится мой двоюродный брат. Жди приглашения, — пообещал мне Арьял.

— Когда же состоится свадьба? — поинтересовался я.

— Не ранее чем месяца через два.

— Зачем ждать так долго, если все решено? — удивился я. — Или у вас любящая пара перед вступлением в брак тоже должна пройти своего рода испытательный срок, чтобы убедиться в правильности сделанного выбора?

— Да нет, — рассмеялся он, — у нас все проще и в то же время значительно сложнее. У нас, брахманов, брак не является результатом случайной встречи, неожиданностью для родителей. Древние индуистские писания гласят, что брак — это «союз двух душ для вечного и нескончаемого продолжения рода». Поэтому му-

жу и жене судьбой предназначено жить вместе, не только крепить уготованный им их прежними рожденьями союз, но и сохранять его в будущих перевоплощениях.

— Ты говоришь, что брак — это судьба? Тогда тем более непонятно, почему твой брат должен ждать два долгих месяца. Зачем же тянуть, если это его судьба?!

— У нас обычно свадьбы празднуются лишь в строго определенное время: с середины мая до середины июля, с середины ноября до середины декабря и с середины января до середины марта.

— Пусть даже так, но почему все-таки твой брат должен жениться через два месяца, а не сейчас? — снова спросил я.

— Такова воля астрологов, — ответил Арьял. Увидев на моем лице выражение недоумения, он добавил:

— Понимаю, древние писания, астрологи, свадебные периоды... Все эти отзвуки седой старины тебе неведомы. Но мы уважаем старые обычаи и следуем наставлениям стариков, наших семейных священников, не говоря уже об астрологах. Конечно, сейчас уже редко увидишь шестилетнюю невесту.

— Шестилетнюю? — удивился я.

— Да, шестилетнюю. Если во всем следовать заповедям брахманов, то самый священный возраст невесты — шесть лет. Если девочку выдают замуж в этом возрасте, то на ее родителей, по поверьям, обязательно снизойдет наивысшее божественное благословение, или, как мы говорим, пунья, — заметил Арьял.

— Значит, твой брат тоже женится на маленькой девочке, которую он совсем не знает и, конечно, не питает никаких чувств?

— Что ты, мой брат из образованной семьи, — замалхал на меня руками Арьял. — Он учится в университете, а она — в колледже. Правда, им немного повезло: их родители давно мечтали породниться, а теперь, когда дети полюбили друг друга, решение пожениться встречено ими с радостью. Что касается бракосочетания юных и совсем незнакомых друг с другом детей, то такое, да и то крайне редко, встречается лишь в отдаленных районах страны, в среде индуистов-фанатиков. Так что скоро ты побываешь на свадьбе.

Прошло несколько недель, и мне принесли ярко раскрашенный конверт, в нем лежал кусок тонкой бересты, приклеенный к шелковому лоскутку ткани. Это и было долгожданное приглашение на свадьбу.

Посыльный все еще отвечивал поклоны в благодарность за бакшиш, как зазвонил телефон.

— Ну как, сбылась наконец твоя мечта? — услышал я голос Арьяла.

— Спасибо большое, я очень тронут... — ответил я.

— Я, — перебил меня Арьял, — звоню тебе не затем, чтобы выслушивать слова благодарности. Если мне не изменяет память, ты хотел побывать на всех обрядах, предшествующих свадьбе?

— Да, очень!

— Тогда пойдем на багдан.

— Куда?

— На багдан. Иными словами, на обручение.

— Это и есть первый обряд, связанный с подготовкой к свадьбе? — поинтересовался я.

— Самый что ни на есть первый. Мне, — я услышал в трубку веселый смех Арьяла, — кажется, придется сопровождать тебя: уж лучше ты мучай меня одного своими бесконечными вопросами.

— Я хочу задать тебе последний вопрос, Арьял.

— Уж так и последний?

— Во всяком случае, на сегодня. Остальные потом. Скажи, все ли свадебные обряды происходят в один день?

— Конечно, нет. Ты что же, хочешь оставить наших астрологов без работы? — удивился Арьял.

Я немного опоздал к началу багдана. Арьял плохо объяснил мне, как добраться до дома родителей невесты. Я все время попадал к однофамильцам. Долго кружил по району и, как потом оказалось, находился недалеко от нужного мне дома. Неожиданно на одном перекрестке я встретил Арьяла. Увидев, что я опаздываю, он кинулся искать меня.

— Ты неправильно спрашивал адрес. Искать дом Пандея — примерно то же самое, что пытаться найти иголку в стоге сена. Знаешь, сколько у нас Пандеев? Надо было сразу же сказать, что идешь на багдан, и тебе тут же бы указали адрес.

Проехав не более 50 метров, мы остановились у дома родителей невесты. Багдан был в самом разгаре. Мы вошли как раз в тот момент, когда отец невесты поднял *калаш* — кувшин, в котором лежали кусочки кокосового ореха, бетель, священная индуистская тесьма. Желтую, повязанную через плечо «тройную» тесьму, символизирующую тело, речь и мысль, брахманы носят

постоянно. Ее повязывают юноше во время специального праздника в знак того, что теперь владелец ее научился управлять собой.

Будущий тесть торжественно объявил о своем согласии отдать дочь за нареченного. И чтобы ни у кого не было в этом сомнений, передал калаш в руки жениха.

Рядом с собой я явственно услышал вздох облегчения, который издал лами, своего рода посредник — главное действующее лицо при подготовке к бракосочетанию. Ему необходимо обладать большой выдержкой, терпением и, я бы сказал, определенными дипломатическими способностями. Сколько ему приходится сделать визитов в дом жениха и невесты, к астрологам и священнослужителям, пока все окончательно не будет улажено.

Главное — необходимо определить, нет ли в гороскопах у будущих молодоженов каких-либо несоответствий. Если все в порядке и союзу «свыше» ничто не угрожает, то по лунному календарю следует определить наиболее благоприятную дату свадьбы, а также вычислить «счастливые» часы, минуты и даже секунды для заключения брака! Кстати, именно во время багдана и объявляется, в какой именно момент это должно произойти.

До свадьбы проводят еще одну церемонию — *сваям-бара*, или выбор жениха, — которая как бы символизирует, что, несмотря ни на что, невеста сделала свой выбор по велению сердца. На эту церемонию обычно приходят несколько молодых людей, их ставят по обе стороны от жениха. Все внимательно следят за взглядом невесты, ее движениями. Жених нервничает, а вдруг?..

Но конечно, никаких неожиданностей не происходит. Так было и на этот раз. Невеста прошла мимо молодых людей и остановилась перед женихом. Решение принято, и, естественно, единственно правильное, не зря же накануне невеста долго молилась богине Парвати, супруге всемогущего бога Шивы, прося ее помочь сделать верный выбор.

Под торжественное пение молитв невеста надевает на шею суженого гирлянду из цветов. В некоторых семьях, как мне сказал Арьял, чтобы лишний раз продемонстрировать богатство, эту церемонию проводят непосредственно в день свадьбы, когда собираются все

гости, и тогда вместо гирлянд из цветов жениху преподносят длинные золотые цепочки.

Но и на сваямбаре предсвадебные церемонии не заканчиваются. В самый благоприятный момент (его определяют астрологи) происходит церемония *саипата*. В тот день жених ставит отпечатки своих ладоней на кусок белой материи, который отправляют вместе со свадебными подарками невесте. Она их принимает и в знак согласия оставляет на том же куске материи отпечатки собственных ладоней. С посланцами жениха она отправляет официальное приглашение жениху принять участие в свадебной церемонии.

Наконец наступил самый главный, а если верить астрологам, то и самый благоприятный день — день свадьбы. Я бы даже сказал, благоприятные сутки, так как сама свадьба длилась почти 24 часа.

В день свадьбы, еще до прихода гостей, после завершения молитв богам и ритуальным предметам (они должны обеспечить счастье и процветание молодоженам и их родителям), мать жениха преподносит сыну чашу с молоком, чтобы он и в будущем никогда не забывал, кто подарил ему жизнь.

Где-то около девяти вечера от дома жениха отбыла свадебная процессия — *джанти*. Все гости и жених были одеты в праздничные одежды. Правда, на свадьбе, на которой мне довелось присутствовать, он не восседал гордо в карете и процессию не сопровождали непальские солдаты в парадной форме, как это бывает, когда женятся дети коронованных особ или члены семейства Рана. Был всего один декорированный цветами и лентами автомобиль, в котором ехал жених. Гости — все мужчины, за исключением довольно пожилой женщины — няньки жениха, — шли пешком, благо дом невесты был неподалеку.

Возле него нас встретил отец невесты. Поприветствовав жениха, он вывел его из автомобиля и отвел к сооруженному около дома шатру. Жениха усадили на низкий помост лицом на восток, а гостей стали обносить сладостями, орешками и прохладительными напитками.

Наступает момент (его определяет также астролог), когда перед женихом натягивают желтую ткань. Она как бы отделяет его от священника, совершившего *варани* — благословение. Затем выводят невесту и жениха и сажают на кровать — подарок молодоженам. Перед

кроватью ставят большой бронзовый таз с водой, куда будущие муж и жена опускают ноги. Тут же подходят родители невесты и начинают совершать ритуальное омовение ног. Затем наступает очередь родственников невесты. При омовении они пользуются принесенными с собой серебряными пиалами и ложками, которые тут же передаются в качестве свадебных подарков.

Чтобы эта церемония не выглядела слишком будничной, священники начинают все громче петь религиозные гимны.

Родственников у невесты довольно много. Один из священнослужителей то и дело поглядывает на часы. Темп мытья все более убыстряется. А последний из родственников едва успевает зачерпнуть воды серебряной чашкой и брызнуть на ноги молодых, как его довольно бесцеремонно отталкивают в сторону.

— За что его так? — поинтересовался я.

— До совершения *каньяданы* остались считанные секунды, — ответил Арьял.

Жених и невеста почти бегом направились к костру, около которого в качестве жертвоприношений были расставлены кушанья, различные ритуальные предметы. Не успели они удобно расположиться возле огня, как наступил самый ответственный момент свадьбы — каньядана — церемония передачи родителями невесты своей дочери жениху в качестве подарка. Эта церемония должна состояться в момент, скрупулезно подсчитанный астрологами. Именно тогда руки невесты вкладываются в сложенные «лодочкой» ладони жениха. Смутившись, невеста опустила глаза, лицо же ее отца буквально расплылось в счастливой улыбке.

— Чему так радуется отец невесты? — спросил я у друга.

— Как тут не радоваться, — усмехнулся Арьял. — Во-первых, теперь можно прекратить двадцатичетырехчасовое голодание, необходимое для поддержания тела в ритуальной чистоте. Во-вторых, невеста — младшая дочь, а ее отец почитает священной, даже более священной, чем корову.

Однако жених в подарок получил не только невесту. Здесь достаточно и других подношений. Невеста не без интереса рассматривала приданое, зная, что это все, на что она может рассчитывать. Выйдя замуж, она таким образом, лишается всех прав на родительское состояние.

Получив подарки, невеста в сопровождении нескольких родственниц отправилась в дом. Через некоторое время, облачившись в подаренные женихом одежды, она вернулась к своему мужу, поджидавшему ее возле священного огня.

Брат невесты подошел к молодоженам. В руках у него была большая бамбуковая чаша, наполненная рисом. Как только девушка бросила горсть риса в огонь, жених сжал большой палец ее руки и, обращаясь к своей нареченной, произнес:

— Ты — земля, а я — небо. Давай поженимся, и у нас будут дети. Наше потомство будет сильным. Теперь мы навсегда вместе, как небо и земля.

Один ритуал сменялся другим. Молодожены устали. Да и гости уже не проявляли особого интереса к происходившему. Некоторые из них потихоньку разошлись по домам. Только священнослужители без усталости следили за выполнением всех необходимых обрядов, подбадривали оставшихся гостей, да заодно и самих себя, нескончаемыми религиозными гимнами.

Честно говоря, я потерял счет бесконечным обрядам. Да и немудрено — прошло уже несколько часов. В этом калейдоскопе мне особенно запомнилась церемония нанесения ритуальной красной пасты на пробор, разделяющий волосы невесты, — *синдур халне*. Если вам доведется когда-нибудь побывать в Непале и увидеть женщину с красным пробором, то не удивляйтесь. Значит, эта женщина замужем. Жена, если, конечно, она свято соблюдает традиции, по утрам должна припудривать пробор краской. И так она делает каждый день, пока жив муж.

Только с первыми лучами восходящего солнца молодоженов отправили отдыхать в разные комнаты до тех пор, пока не придет время отправляться в дом новоиспеченного мужа.

Оказывается, молодой невестке не так-то просто войти в дом родителей мужа. Я видел, как сестры жениха перевязали ленточкой створки двери и потребовали от своего брата подарков. И пока жених не одарил всех сестер заранее припасенными украшениями, молодоженов в дом не пускали. Наконец дверь распахнулась, и невестка осторожно, стараясь не наступить на порог, вошла в свой будущий дом. Вслед за ней мы вошли в комнату.

— Здесь, — сказал Арьял, — будет проводиться до-

вольно интересный ритуал, так сказать, «приобщение» невестки к хозяйственным делам. Ведь теперь в доме будут, по сути дела, две хозяйки, и, чтобы между свекровью и невесткой возникало как можно меньше ссор...

Не успел Арьял договорить до конца, как комната мгновенно наполнилась родственниками жениха. Посредине, на ковре, сидели свекровь и невестка. Мать жениха с гордостью поглядывала на свою новую родственницу, в то время как та, потупив взор, боялась поднять глаза на хозяйку дома. Между ними поставили большое блюдо с рисом. Сначала свекровь, а затем, преодолев смущение, и невестка, опустив руки в рис и, перебирая зерна слегка растопыренными пальцами, стали выуживать оттуда монеты. Гости, забыв, что они присутствуют при священном ритуале, шумно подбадривали девушку.

Невестка постепенно пересилила робость и с завидным проворством выудила сразу несколько монет. Однако этот успех так напугал девушку, что она быстро отдернула руки и по-детски надула губы. На глазах у нее навернулись слезы. Заметив растерянность невестки, свекровь одарила ее теплой, материнской улыбкой. Девушка ответила благодарным взглядом и стала так быстро искать монеты, что свекровь не удержалась и отпустила в адрес невестки добрую шутку.

Наконец рис уже перебран и все монеты найдены. Свекровь — ее стопка монет оказалась несколько больше, чем у невестки, — заговорщически ей подмигнула и быстрым движением смешала деньги.

— Вот видишь, — заметил Арьял, — казалось бы, очередной свадебный ритуал, а сколько в нем практической необходимости. Да и вообще почти в каждую церемонию, несмотря на их религиозную окраску, многое привносится из земной жизни. Взять хотя бы ритуал, когда в рисе отыскивают монеты. Он символизирует, что отныне свекровь и невестка будут вести общее хозяйство и при этом не забудут, что надо оставаться доброжелательными друг к другу. Ведь добрая шутка, как известно, лучше всего скрашивает повседневную жизнь.

Блюдо с рисом унесли, а место свекрови занял один из ее родственников. Невестка тут же закрыла лицо полой сари. Начался ритуал «знакомство с родственниками жениха». Все они, конечно, пришли с подарками. Если приношений не будет, то и лица невестка не от-

кроет. Ничего не поделаешь, ритуал есть ритуал. Да и какая свадьба обходится без подарков...

— И так, на этом все свадебные церемонии заканчиваются?

— В основном да,— ответил Арьял.— Завтра вечером молодые отправятся в дом невесты, а послезавтра утром вернутся назад. На шестнадцатый день они вновь навещают родителей невесты. Вот и все.

— И будут они, как сказал жених, «навсегда вместе, как небо и земля».

— Будем надеяться,— задумчиво произнес Арьял.— Хотя индуизм и отвергает разводы, считая их преступлением, люди, какого бы вероисповедания ни придерживались, все равно остаются людьми. В этом отношении в более привилегированном, можно сказать, положении оказались невары, особенно те, кто исповедует буддизм. Они не считают брак священным или неразрывным союзом. Среди них даже не встретишь вдов. Все благодаря *фрукту бел*. Еще в семи-девятилетнем возрасте девочек бракосочетают с этим фруктом. Невары считают, что по-настоящему замуж выходят только однажды в жизни. Поэтому последующий брак считается второстепенным, не столь важным. Жена по-прежнему остается скрепленной священными брачными узами с фруктом бел и, если пожелает, может в любое время возвратить подаренные мужем во время свадьбы ритуальные орехи и считать себя свободной. В случае смерти мужа, чтобы не остаться вдовой, жена кладет орехи возле тела умершего. Совершив такой ритуал, она не только вправе выйти замуж за кого-либо, но может даже не соблюдать и траур по супругу. Мужу разорвать брачные узы не так-то просто. За фрукт бел можно только выйти замуж, но жениться на нем, конечно, нельзя.

— Получается, что женщина имеет больше прав, чем мужчина. Я слышал, что в горах у одной жены бывает несколько мужей,— заметил я.

— Такого, насколько я знаю,— сказал Арьял,— нет. А вот обычай, когда несколько мужей делят одну жену, действительно распространен в ряде северных районов и по сей день.

— Какая разница — у одной женщины несколько мужей или у нескольких мужчин одна жена? — проговорил я.

— В первом случае руководящую роль в семье

должна играть женщина, наследство передается по женской линии, да и жених приходит в дом невесты. У непальских же горцев женщина занимает далеко не главенствующее положение, все нажитое передается от отца к сыну, да и общая жена живет в доме у мужей, а не наоборот.

Наибольшее распространение полиандрия получила среди долпо — народности, живущей высоко в горах, на северо-западе страны.

Вытянувшиеся вдоль склона дома из грубообработанного камня больше похожи на фортификационные укрепления, чем на поселения людей, несмотря на их внешнюю суровость, весьма добрых и отзывчивых. Например, они могут не впустить тебя в дом, пока не заплатишь рупию. Но уж коль вы у них в доме, то не станут считать вас случайным постояльцем, а будут относиться как к полноправному члену семьи. Кто-то из жителей селения может запросить баснословную плату за ночлег и тут же согласиться предоставить постой с полным рационом практически на неограниченный срок за несколько строк прошения, написанного от имени хозяина дома высокопоставленному районному начальству.

Известно, что у горцев суровая жизнь. Однако народность долпо не обременяет себя «излишними» ограничениями и условностями и ведет довольно свободный образ жизни.

Так, у них нет никаких проблем с разводами. Муж или жена — в зависимости от того, кто от кого уходит, — платит бывшей спутнице или спутнику умеренные отступные, и все на этом заканчивается. К изменам и даже добрачным детям там относятся без каких-либо предубеждений. Если у девушки «случайно» появился ребенок, то соблазнитель обязан выплатить деревне соответствующую мзду на приобретение ячменя, из которого варят пиво, и все жители селения устраивают пир в честь новорожденного. Чтобы снять вину с молодой матери, к ней зовут священника. Он совершает обряд очищения, и не только этой женщине, но — на всякий случай — и всей деревне. И все это делается за счет незадачливого отца.

У долпо число братьев, которые могут разделить одну жену, не ограничено. Нередко даже у двух друзей общая супруга. Согласно древней традиции, жених не идет в дом невесты, чтобы просить ее руки, а направля-

ет к ней своих посланцев (их обычно три-пять, в том числе хотя бы одна незамужняя девушка). Они проводят ночь в доме невесты, а утром вместе с ней отправляются в дом ее будущих мужей. Завидев свадебную процессию, женихи, чтобы отпугнуть злых духов, начинают палить из ружей в воздух. Стоит невесте переступить порог своего будущего дома, как раздается еще один залп, символизирующий окончание старой жизни и начало новой.

Все братья одновременно участвуют в брачной церемонии, наделяются равными правами как на жену и детей, так и на имущество своих родителей. Иными словами, состояние семьи остается неделимым. В этом-то и кроется главная причина распространения полиандрии. Ведь и сейчас в горных районах Непала, если семья имеет свою землю, то это сплошь да рядом очень небольшой участок террасированного поля, плодородие которого оставляет желать много лучшего. Скота тоже не так уж много. Так что делить практически нечего. А отдать все одному из братьев — значит обречь остальных на голодное существование.

Если между старшим и другими братьями большая разница в годах, то отец сначала женит старшего сына, то есть в свадебном обряде участвует лишь старший брат, а младшие «вливаются» в его семью по мере достижения соответствующего возраста.

У шерпов — непререкаемых участников альпинистских восхождений в непальских Гималаях — есть на этот счет «жесткие» ограничения: на одной и той же девушке могут быть женаты не более двух братьев. Когда их трое (четыре сына в семье шерпа — явление крайне редкое), то обычно старший и младший берут общую жену, а средний... идет в монастырь. Если в семье четыре брата, тогда первый и второй женятся на одной девушке, а третий и четвертый — на другой.

Из поколения в поколение

— Хочешь, чтобы я пришел к тебе завтра, во вторник? Ни за что! Даже не пытайся уговаривать меня, я не хочу портить с тобой отношений, — услышал я от моего старого приятеля-непальца в ответ на мое приглашение.

Отказ весьма удивил меня.

— Разве ты не знаешь, что вторник — самый неудачный день для визитов? В этот день моя жена не отважится проведать даже собственных родителей. Пора знать наши обычаи. Чтобы в другой раз не ударить в грязь лицом, давай-ка я познакомлю тебя с моим тестем — он большой знаток местных обычаев. Старики называют его гуру.

Я с удовольствием принял предложение друга. Тогда он сказал, что тесть сам пригласит меня к себе домой и, конечно, встреча эта произойдет не во вторник.

Хорошо еще, что я попал впросак в разговоре с другом, который все обратил в шутку, но если бы на его месте оказался малознакомый человек, то не обошлось бы тогда без обиды.

Наконец я пришел в гости к тестю моего друга-непальца. Удобно расположившись на подушках на полу, мы долго вели неторопливую беседу. Хозяин достал два больших глиняных кальяна с резиновыми трубками. Один он предложил мне, другой курил сам. В кальяне дым проходит через воду и становится холодным. Создается впечатление, будто табак очень крепкий. С непривычки у меня слегка закружилась голова.

— Не стесняйтесь, пожалуйста, можете больше не курить кальян. Главное — вы попробовали и тем самым показали, что уважаете хозяина дома.

Незнание наших обычаев может привести к взаимным обидам и непониманию. Порой поведение непальца может расцениваться как оскорбление в адрес иностранца, хотя на самом деле за этим кроется лишь простое соблюдение заповедей предков.

Хозяин дома поудобнее устроился на подушках и, глубоко затянувшись, продолжал:

— Об обычаях и традициях гималайского королевства можно говорить долго, ведь в стране живут представители различных народностей, у которых веками складывался свой собственный уклад жизни и, естественно, есть свои исконные приметы, не говоря уже о так называемом дурном глазе. Правда, молодежь стала забывать многие правила поведения, предписанные нашими предками, и считает их пережитками. Может, в чем-то молодежь и права — изменился темп жизни, стал более стремительным. Трудно найти время, чтобы полностью выполнить тот или иной церемониал.

— Чтобы совсем не запутаться в лабиринте обычаев, традиций, привычек и примет, представим себе один

день простой непальской семьи, которая строго следует обычаям своих предков,—предложил мне собеседник.

Так я узнал от хозяина дома, что каждое утро жена сначала приветствует мужа, а затем его родителей. При этом она низко им кланяется, касаясь головой их ног. Затем женщина здоровается с другими старшими членами семьи. Вообще преклонение перед старшим по возрасту в непальских семьях развито сильно. Ни в коем случае нельзя переходить им дорогу или перебивать во время беседы.

Даже утреннее облачение своего рода ритуал. Нельзя, например, сделать более шести шагов в одном башмаке, иначе день будет неудачным. Умыванию и уборке дома в непальской семье придается особое значение. Это не случайно, ведь еще совсем недавно в стране свирепствовали самые различные болезни, а при отсутствии должного медицинского обслуживания личная гигиена оставалась практически единственным методом борьбы с эпидемиями и соответственно залогом здоровья. Каждое утро непалец, будь он бедный или богатый, тщательно моет руки, лицо и ноги свежей водой. Многие по утрам отправляются на реку (в первую очередь к Багмати), чтобы совершить ритуал омовения в ее священных водах.

Женщины обычно просыпаются значительно раньше мужчин, и, пока их мужья умываются, они убирают в доме. По непальским обычаям, помещение следует приводить в порядок утром, а уборку начинать с нижнего этажа, а не с верхнего. Древние обычаи предписывают начинать уборку жилища с верхнего этажа только тогда, когда в доме покойник. Прибрав дом, хозяйка отправляется чистить кастрюли, кувшины и прочую домашнюю утварь, затем запасается свежей водой и только после этого умывается, причесывается и приводит себя в порядок.

Прежде чем приступить к трапезе, непалец независимо от того, насколько обилен его завтрак, всегда какое-то количество еды пожертвует своим богам и прародителям. Непалец считает, что никогда не следует хвастать своей пищей перед другими, а также приносить в дом еду, не прикрыв ее, а также есть в присутствии людей, не участвующих в трапезе. В противном случае пища станет причиной серьезного заболевания.

По непальским обычаям, нельзя лакомиться ушами ворованного слона — тут же начнется сильная головная

боль, есть подгорелый рис, а то вскоре... совсем поглупеешь. Очаг должен быть обращен не на юг и не на север, а на восток или на запад.

Непалец, почитающий обычай своих предков, может есть далеко не все продукты. Так, брахманы, чхетри и магары не имеют права употреблять в пищу не только говядину, но и мясо буйвола, зато могут пить молоко буйволицы. Некоторые невары, исповедующие буддизм, не притрагиваются к курятине, но с большим удовольствием едят утку. Видите ли, когда-то у Будды сильно болела нога, и никто не мог ему помочь в беде. Лишь курице удалось вытащить из раны личинку мухи, после чего Будда сразу поправился. Благодарные буддисты решили никогда не есть куриного мяса.

Некоторые непальцы наотрез отказываются идти в гости в дом к иностранцу. Они ссылаются при этом на разницу во вкусах, однако, конечно, они боятся съесть что-то запретное. Ведь это значит принять на себя скверну, очищение от которой далеко не самый приятный ритуал. Правда, они могут есть любые фрукты.

Что касается работы, то, к сожалению, на этот счет имеется лишь несколько заповедей. Так, например, нельзя было оставлять ручку в чернильнице (так как перо тогда стоило слишком дорого). Если вы заметили, что ваш коллега на работе сладко зевнул, то скорее сложите большой и средний пальцы колечком и совершите короткую молитву. Не следует также приветствовать посетителя на пороге. Молодежь объясняет появление этой заповеди тем, что их предки боялись землетрясений. Может, в этом кроется причина возникновения многих других табу, в частности, умывания, приготовления и приема пищи под козырьком крыши.

Перед сном следует потушить масляный светильник. Однако непалец не отважится сделать это резким взмахом руки и тем самым проявить неуважительное отношение к огню. Ложась спать, непалец обязательно сложит перед собой ладони и поклонится огню. Нельзя прикуривать от светильника и ставить постель поперек потолочных балок. Шерп, например, никогда не ляжет головой к югу или к двери...

Наша беседа затянулась. Стемнело, и я заторопился. Я тепло попрощался с хозяином дома. В ответ в соответствии с ритуалом он положил правую руку мне на голову, словно благословляя.

Глава 6

ПОБЕДИВШИЕ ТЕБЯ

Если встретишь этого человека на улице, то никогда не подумаешь, что перед тобой покоритель Эвереста. Он невысок ростом, черты лица тонкие, взгляд ясно-голубых глаз по-детски удивленный. И только руки...

Мы договорились с ним встретиться на кафедре Всесоюзного заочного машиностроительного института, где он преподает. Он объяснил мне по телефону, где лучше припарковать автомобиль, как миновать лабиринт коридоров института. «Легенда» маршрута была выдана столь точно и без лишних, загромаждающих память деталей, словно связке, идущей следом при восхождении. Я без труда оказался в «предбаннике», и уже там, мельком взглянув на висевшие на стене фотографии сотрудников кафедры, узнал, что Э. Мысловский к тому же и член парткома института.

Эдуард Мысловский закончил два института, является кандидатом технических наук, доцентом, членом Географического общества, председателем Федерации альпинизма СССР, заслуженным мастером спорта, «снежным барсом», обладателем знака «Золотой ледоруб»... И все это — один человек.

На его рабочем столе лежали стопки папок, какие-то бумаги, графики, а на стене висела цветная фотография Эвереста. Словно оправдываясь, он сказал:

— Дел по горло. Временами некогда и газету почитать. То семинарские занятия со студентами, то лекции, то собрания. Иногда невольно задаешь себе вопрос, где труднее: здесь или там,— не оборачиваясь, Мысловский показал искалеченными пальцами на фотографию Эвереста.

— Не растаетесь с ним даже на работе,— заметил я.

— Шутка ли, ему отдано столько лет жизни!

— Что-то около тридцати,— попытался я продемонстрировать свою осведомленность.— Вы же начали всерьез заниматься альпинизмом, когда поступили в МВТУ имени Баумана?

— Положим,— улыбнулся Мысловский,— в те времена я и думать не смел об Эвересте. Тогда это было просто спорт. Правда, судьба меня свела с Анатолием Георгиевичем Овчинниковым — моим первым тренером и наставником в альпинизме. Кто бы мог подумать, что мы окажемся и в одной экспедиции на Эверест. В различных ролях, конечно: он — старшим тренером, а я — горюсходителем.

— Значит, об Эвересте тогда совсем не мечтали?

— И мысли о нем казались в то время наивными, слишком наивными и даже тогда, когда в 1966 году в «Буревестнике» была создана специальная «гималайская группа» альпинистов-высотников. Был даже принят пятилетний план подготовки. Он включал в себя тренировки на таких суровых маршрутах, как южная стена пика Коммунизма (семь тысяч четыреста девяносто пять метров), траверс пика Победы (семь тысяч четыреста тридцать девять метров), технически самый сложный маршрут по северной стене пика Хан-Тенгри (шесть тысяч девятьсот девяносто пять метров). Этот план полностью выполнили, пожалуй, только мой товарищ по восхождению на Эверест Валентин Иванов да я. Команда все время менялась: одни уходили, другие приходили. Во время тренировок я, как, впрочем, и все остальные, мечтали о восхождениях на гималайские восьмитысячники, будь то Макалу или еще какой другой пик. Но Эверест...

— И когда же Эверест стал, если можно так сказать, реальной целью? После восхождения на Мак-Кинли в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году?

— Честно говоря, Мак-Кинли также был одним из этапов подготовки к Гималаям вообще, а не к Эвересту в частности. Правда, условия на Мак-Кинли довольно похожи на те, в которых мы оказались на Эвересте, хотя разница в высоте пиков и составляет две тысячи шестьсот шестьдесят пять метров.

Планомерная подготовка к покорению Эвереста началась только в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, когда состоялся обмен очередью на восхождение на пик с испанцами: решено было идти не в тысяча

девятьсот восьмидесятом, как планировалось первоначально, а весной тысяча девятьсот восемьдесят второго года. В марте тысяча девятьсот семьдесят девятого года был издан соответствующий приказ Спорткомитета СССР о проведении экспедиции, а в октябре того же года создан Оргкомитет гималайской экспедиции под председательством заместителя председателя Спорткомитета СССР А. И. Колесова. Тогда же начальником экспедиции был утвержден доктор физико-математических наук, мастер спорта Е. И. Тамм, старшим тренером — доктор технических наук, профессор, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер РСФСР, «снежный барс» А. Г. Овчинников, тренером — кандидат медицинских наук, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Б. Т. Романов. В качестве руководителей трёх штурмовых групп были определены мастер спорта международного класса, «снежный барс» В. А. Иванов, мастер спорта, заслуженный тренер СССР Е. Т. Ильинский и я.

— Однако и после назначения меня руководителем одной из штурмовых групп Эверест оставался какой-то призрачной надеждой. По-настоящему, — Эдуард Мысловский на некоторое время задумался, — Эверест, если можно так выразиться, «замаячил» передо мной после его рекогносцировки в тысяча девятьсот восьмидесятом году. Увидев этот исполин вблизи, пощупав ошестинившиеся острыми гранями камни, подышав его воздухом, почувствовал, что он завладел мною целиком.

Первая встреча Мысловского с Эверестом прошла не совсем гладко. Эверест не встретил его с распростертыми объятиями, как долгожданного гостя. Даже с целью рекогносцировки к нему надо было «пробиваться».

По действующим в непальских Гималаях правилам разведку маршрута можно производить только с согласия всех экспедиций, совершающих в этот момент восхождение. Весной 1980 года на Эверест совершали восхождение испанская и польская команды. С польскими спортсменами никаких проблем не возникло, а вот испанцы категорически отказались разрешить советским «разведчикам» подниматься выше базового лагеря.

Базовый лагерь почти всех экспедиций на Эверест с южной, непальской стороны разбивается немногим выше 5000 метров, откуда склонов исполина не видно и

наметить маршрут невозможно. Естественно, ни у кого из советских спортсменов не создавалось впечатления, что испанцы преднамеренно вставляют палки в колеса нашей экспедиции. Их понять совсем нетрудно. Это была вторая попытка испанцев подняться на Эверест. Первая — в 1974 году — закончилась неудачей. Ураганный ветер буквально выжил их с высоты 8500 метров, когда до заветной цели оставалось всего 348 метров. Они старались избежать всего, что могло бы прямо или косвенно помешать и на этот раз достигнуть вершины. В первую очередь они боялись, что с кем-то из советских альпинистов во время перехода через ледопад Кхумбу произойдет несчастный случай и придется оказывать помощь. А это задержка, неизбежный сбой всего графика восхождения, не говоря уже о расходе моральных и физических сил, которые даже на такой высоте необходимо очень экономить. Да и сам ледопад Кхумбу — коварная штука. Достаточно сказать, что спустя два года именно на нем в трещину провалится Алексей Москальцов.

Почти неделю пришлось вести переговоры с испанцами. Наконец они разрешили нашим альпинистам пройти через ледопад, но только в составе польской экспедиции и только двоим. Кто же пойдет? Приоритет А. Овчинникова как старшего тренера сомнений ни у кого не вызывал, так что или Э. Мысловскому, или Е. Ильинскому придется отсиживаться в базовом лагере. Но тут на помощь пришел руководитель польской экспедиции Анджей Завада.

— Подумаешь, проблема! — пожал он плечами. — Должны идти двое русских и четверка поляков. Я пошлю трех своих ребят, а четвертым с ними пойдет... Мысловский. Он такой же бородатый, как и польские альпинисты. Да и фамилия Мысловский чем не польская?! Так что проблема решается сама собой.

Мысловский не заставил себя уговаривать. Тут же натянул вместо своей синей пуховки красную, польскую, и шестерка отправилась в путь.

Поначалу у испанцев не возникло никаких сомнений. Идет шестерка. Двое в синих пуховках — это русские, и четверка в красных — поляки.

У советских альпинистов было разрешение подняться в цирк — чашеобразное углубление в горах с крутыми стенами — на высоту 6400 метров и в тот же день вернуться. Однако из-за неблагоприятных погодных

условий пришлось переночевать в цирке. Утром альпинистам удалось подойти под самую стену. Это позволило тщательно изучить возможные подступы к вершине, сделать много фотографий, наметить несколько вариантов подъема никем еще не пройденными контрфорсами — крутыми скальными выступами на склоне гребня или скальной стены.

Когда в цирк поднялись испанцы, они сразу же прознали про подмену. Но конфликта не произошло. Расстались спортсмены друзьями. Кстати, испанцам в тот раз все-таки удалось достигнуть вершины, да и польские альпинисты добились большой победы: они стали первопроходцами одного из маршрутов на вершину.

В результате рекогносцировки, проведенной А. Овчинниковым, Е. Ильинским и Э. Мысловским, был определен маршрут по контрфорсу юго-западной стены с выходом на западный предвершинный гребень. Чрезвычайная сложность маршрута, по которому еще никто не поднимался на Эверест, привела в изумление даже выдавших виды работников министерства туризма Непала. Но как бы то ни было, советская заявка была принята, и вносить после этого какие-либо изменения в маршрут уже не представлялось возможным.

— Конечно, — сказал Мысловский, — технически можно найти и более сложный маршрут, чем тот, по которому мы собирались идти на Эверест. Но нельзя забывать, что Эверест — самая большая гора в мире и любая экспедиция на нее — событие в альпинистском мире. Мы же до этого ни разу не поднимались на восьмитысячники, не знали даже, как будем ощущать себя на такой высоте. Необходима была самая тщательная подготовка. И она началась сразу же после образования Оргкомитета гималайской экспедиции, который провел огромную работу. Был составлен план, который предусматривал методику тренировок и восхождений на большие высоты, проведение сборов в районе памирских семитысячников (пиков Коммунизма, Ленина и Корженевской), разработку рационов питания для 7—8 тысяч метров с учетом изменения вкусовых ощущений и усвояемости продуктов. В успех восхождения на Эверест большой вклад внесли также вошедшие в Оргкомитет руководящие работники из различных отраслей промышленности. Пришлось создавать совершенно новое оборудование для работы на восьмитысячнике. Контакт с непосредственными исполнителями наших

заказов был полный. Люди заражались идеей восхождения на «третий полюс» земли, добровольно оставались на вторую смену. Я лично занимался мягким снаряжением в Солнечногорске...

В подмосковном городе Солнечногорске (расположен на автомобильной трассе Москва — Ленинград) находится механический завод, который изготавливает палатки, рюкзаки и другое спортивно-туристское оборудование. Этот завод получил заказ на изготовление специально для гималайской экспедиции палаток и рюкзаков. Они должны быть надежными в самых экстремальных условиях, а палатки, в частности, выдерживать мороз до минус 50 градусов и ветер до 60 метров в секунду. И при этом оставаться предельно легкими и простыми при установке. Лучшие образцы палаток для будущих покорителей Эвереста испытывались на прочность в... аэродинамической трубе.

Даже над созданием такого на первый взгляд простого предмета, как рюкзак, также пришлось основательно потрудиться. Кажется, собрали все имеющиеся в стране модели рюкзаков, не только отечественные, но и импортные. Отыскивали эскизы и чертежи рюкзаков начала века. Пересмотрели даже рисунки «странников с котомками» — вдруг попадется что-нибудь интересное.

Все-таки образцом был признан «абалаковский» — современный рюкзак конструкции известного советского альпиниста Виталия Абалакова. Однако конструкция его рюкзака рассчитана на восхождение в обычных условиях, а тут предстояла экспедиция на Эверест, на вершину, намного превосходящую пики, на которые удавалось подниматься советским спортсменам. Рюкзак, с которым пойдут на Эверест, должен вмещать много специального оборудования помимо обычного. Так что «абалаковский» рюкзак пришлось перекраивать, и тут большую помощь оказал будущий восходитель на Эверест Сергей Ефимов, считающийся среди альпинистов «профессором» по части оборудования.

В весьма сложную экипировку альпинистов входит и так называемая «подвесная система» — сродни той, которой пользуются парашютисты. Эта специальная конструкция из нескольких ремней должна страховать восходителя при прохождении особенно опасных участков. Ремни «подвесной системы» также прошли специальные испытания на разрыв. Результат превзошел все ожидания: они лопнули лишь при нагрузке 3,5 тонны.

Кстати, во время восхождения некоторые из наших альпинистов срывались на отвесных стенах и, естественно, добрым словом поминали создателей «системы». «Повисел» над пропастью и Эдуард Мысловский.

— В истории экспедиций в Гималаях не раз случилось, когда из-за «отказов» экипировки, из-за ее несовершенства не удавалось покорить вершину,— продолжал Мысловский.— У нас же не было ни одного случая возникновения проблем с экипировкой, сделанной советскими специалистами. Вся наша экипировка достойна всяческих похвал. Хотелось бы особо отметить кислородное оборудование. Оно, несомненно, превосходит лучшие зарубежные образцы. И не случайно многие альпинисты международного класса не только заинтересовались нашим кислородным оборудованием, но и взяли его «на вооружение». И это притом, что кислородным альпинистским оборудованием при восхождениях в Союзе мы никогда не пользовались.

Э. Мысловский отвечал за упаковку и учет снаряжения на завершающем этапе подготовки экспедиции. База экспедиции находилась в Крылатском, в подтрибунных помещениях велотрека. Туда свезли большое количество кислородных баллонов, километры веревки, разноцветные рюкзаки, палатки, и все это — около 14 тонн — затем паковалось в баулы и бочонки весом по 30 килограммов.

— Правда, настроение у меня в то время было отвратительное,— вспоминал Мысловский.— Врачи установили мне «потолок» в шесть тысяч метров. Они находили какие-то «отклонения», которые, однако, пропадали с увеличением высоты. Еще в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году на стене пика Коммунизма я, видно, перегрузил сердце, и у меня временами появлялась аритмия. Помню, в тысяча девятьсот семидесятом году врачи не пустили меня по этой причине на пик Победы, и даже была сделана соответствующая запись в моей медицинской карточке, но я... уехал в горы и сделал, пожалуй, самое трудное в смысле физической нагрузки — траверс пика Победы. Чувствовал себя нормально, а нагрузки действительно были большими. В результате я потерял в весе за время восхождения тринадцать килограммов. Вообще-то мой организм несколько своеобразно реагирует на высоту. Даже Анатолий Овчинников как-то заметил, что я чувствую себя внизу хуже, чем наверху: могу занять посредственное

место на обычном кроссе, а во время подъема, начиная примерно с пяти тысяч метров, когда самочувствие других становится хуже, я чувствую себя лучше, чем они.

— Однако в барокамере,— продолжал Мысловский,— я внезапно полностью отключился. В общем, сильно всех напугал. Говорили, что даже дыхание у меня остановилось. Потерял сознание, но ненадолго и сам вышел из барокамеры. Меня тут же подхватили под руки и повели...— Мысловский невольно улыбнулся,— в реанимационное отделение. Уложили в постель, стали спрашивать о состоянии здоровья. Я чувствовал себя отлично. До сих пор не могу понять, что со мной произошло. Может, просто расслабился. До этого мой «потолок» в барокамере составлял десять с половиной тысяч метров. Из состава команды меня не исключили, но ограничение в шесть тысяч метров врачи категорически отказались снять. Я ходил сам не свой. Меня все время терзала мысль, что с таким «потолком» во время восхождения буду занимать чужое место. Ведь базовый лагерь экспедиции разбивается всего где-то на шестьсот метров ниже этого «потолка». В конце концов пошел к Евгению Игоревичу Тамму и рассказал обо всех своих сомнениях. Ответ был кратким: «Брось хандрить. Ты мне нужен, и больше этот вопрос поднимать не будем».

Слова Тамма подействовали на Мысловского лучше всякого лекарства. Где-то в глубине души он и сам понимал, что в состоянии выдержать высоту, намного превосходящую его «потолок». И это было отнюдь не самоуверенностью. К тому времени за его спиной было одиннадцать восхождений на семитысячники, пять подъемов по маршрутам высшей, шестой категории трудности, шесть маршрутов-первопрохождений.

Остались позади последние тренировочные сборы и восхождения, в ходе которых из 150 кандидатов были отобраны основной и вспомогательный составы экспедиции, поставлены последние точки над «и» дотошными медицинскими экспертами, расфасованы и упакованы тонны оборудования, снаряжения, питания...

И вот настало утро 26 февраля. В этот день в Катманду вылетела передовая группа экспедиции в составе представителя Спорткомитета СССР И. А. Калимулина, руководителя экспедиции Е. И. Тамма, тренера Б. Т. Романова и переводчика-радииста Ю. В. Кононова.

1 марта со взлетной полосы аэропорта «Шереметьево» в воздух поднялся транспортный самолет ИЛ-76. На его борту было 14 тонн грузов экспедиции, а также четыре рентгеновские трубки для детской больницы в Катманду, построенной с помощью СССР. Это была, пожалуй, единственная упаковка, требующая чрезвычайно бережного отношения. Что же касалось остальных баулов и бочек, то они могли выдерживать и падения, и удары, и сильный холод — в общем, отвечали суровым требованиям альпинистской экспедиции. Поверх грузов где-то, на уровне второго этажа, — под крышей теплее и можно выспаться — разместилась пятерка сопровождающих: руководители третьей и четвертой, вспомогательной четверок Ерванд Ильинский и Вячеслав Онищенко, а также будущий восходитель на Эверест Сергей Ефимов, заместитель руководителя экспедиции Леонид Трощиненко и режиссер «Леннаучфильма» Валентин Венделовский. Им предстоял долгий путь. Посадка и дозаправка самолета в Ташкенте, затем приземление в Дели.

Из индийской столицы оборудование следовало переправить в Катманду пятью пассажирскими рейсами. В первый же день пятерке пришлось перетаскать все 14 тонн груза, чтобы скомплектовать партию для передовой группы экспедиции. Когда вечером они пришли в гостиницу, руки и ноги у них горели. На следующий день, 3 марта, самолет непальской авиакомпании взял курс на Катманду. Перелет занял более часа. Казалось бы, все в порядке, но в непальской столице наших товарищей поджидали непредвиденные осложнения...

Дело в том, что и в Непале оказались «доброжелатели», которые на свой лад готовились к приезду советских альпинистов. В местной печати была опубликована статья, в которой, в частности, утверждалось, будто советские альпинисты вовсе не ставят перед собой каких-либо спортивных целей и отнюдь не собираются подниматься на вершину, а приехали сюда, чтобы «забросить на Эверест какое-то таинственное оборудование».

По собственному опыту знаю, что непальские таможенники — ребята довольно покладистые. Но тут, подогретые неподтвержденными слухами и безответственными домыслами, они рьяно принялись за дело. Сначала они потребовали вскрыть все тщательно упакованные тюки, бочки и баулы для самого скрупулезного до-

смотра. Когда все грузы экспедиции были осмотрены, самое пристальное внимание таможенников привлекла фото- и киноаппаратура, а также радиостанции и магнитофоны. Они требовали, чтобы все включалось и демонстрировалось в работе. Один не в меру досужий и не очень хорошо разбирающийся в технике служащий «попросил» даже... разобрать длиннофокусный объектив. Пришлось вызывать специалиста, которому оказалось достаточным посмотреть в объектив, чтобы убедиться в отсутствии в нем чего-либо нештатного. «Таможенный досмотр» занял два дня с пятичасовым перерывом.

Альпинисты нервничали. Их, конечно, не страшил таможенный досмотр — ведь в багаже экспедиции ничего запретного не было, — они просто боялись упустить время. В горах приход муссона с ураганами и снежными бурями рассчитать невозможно, и бывали случаи, когда одного-единственного дня не хватало, чтобы подняться на вершину.

Лишь 6 марта, то есть почти через неделю после вылета из Москвы, четыре огромных грузовика с ярко раскрашенными высокими бортами выехали из ворот советского посольства. Впереди стотридцатикилометровая горная дорога, в конце которой караван должны встретить четыреста носильщиков, чтобы донести груз в Луклу, а затем через Намче-базар еще четыре дня пути до базового лагеря. С группой сопровождающих груз советских альпинистов едут девять шерпов, которые будут помогать спортсменам на склонах Эвереста. У каждого из них в послужных списках уже несколько высотных восхождений.

7 марта альпинистам вновь пришлось «обрабатывать» тонны грузов. Теперь надо было выгрузить оборудование из автомобилей и сортировать первую партию из тридцати килограммовых баулов, белых пластиковых бочонков, ярко-красных газовых баллонов, ящиков с кислородными аппаратами, которую понесет группа носильщиков, примерно человек семьдесят. Однако оказалось, что отсортировать груз — это еще только полдела. Необходимо было еще проследить, чтобы ушли те грузы, которые предназначены к отправке именно с этой группой носильщиков. Они же все время пытались прихватить самые удобные для переноски баулы и упрямо норовили пройти мимо бочек и газовых баллонов. Тем не менее первый караван отправился в сто-

рону базового лагеря. Остальные носильщики должны были подойти на следующий день.

Альпинисты стали формировать грузы для следующей партии. Стоял чудесный солнечный день. Правда, носильщики еще не подошли, но на первых порах это никого не беспокоило. Обычно непальцы охотно соглашались переносить грузы альпинистов, чтобы подзаработать немного денег. К вечеру стало ясно, что носильщиков не будет. На следующий день, утром, пришло всего человек около сорока. Представитель фирмы, которая взяла на себя организацию доставки грузов экспедиции в базовый лагерь, так и не смог дать вразумительный ответ, где остальные носильщики. По его словам, они придут на следующий день, но затем выяснилось, что вряд ли это произойдет, так как завтра — базарный день.

Прошло два дня, наступил третий, а носильщиков все не было. У представителя фирмы наготове оказалось новое объяснение: этот день праздничный. Праздник так праздник, тем более священный, и тут ничего не поделаешь.

Между тем время уходило, и соответственно приближался муссон с ураганными ветрами и снегопадами на Эвересте. Вдруг всплыло совершенно новое объяснение отсутствия носильщиков. Оказалось, что американская корпорация неожиданно надумала завезти продукты, за переноску которых в отдаленные селения была предложена плата, значительно превышающая обычную. И все это именно тогда, когда надо было срочно доставлять снаряжение советской гималайской экспедиции. В конце концов все-таки удалось найти носильщиков. Но где взять еще 170 человек?

Как назло, откуда ни возмись, появились представители цементной корпорации строительства дорог и стали нанимать себе на работу желающих. Видя, в какой критической ситуации оказалась советская экспедиция, представитель корпорации незамедлительно «пришел на помощь». Он гарантировал немедленную отправку всех грузов экспедиции, но с «маленьким условием»: его карман должен пополниться десятью тысячами рупий. Это был настоящий грабеж среди бела дня. Вынужден был даже приехать сам Е. И. Тамм, чтобы разобраться в сложившейся ситуации и как-то ускорить отправку грузов. На переговоры и уговоры ушло еще пять дней. Оставшаяся часть грузов наконец-то бы-

ла отправлена, но плату пришлось все-таки значительно увеличить.

Последний караван из Майни Покхари в базовый лагерь ушел 11 марта. Почти две недели предстоит ему идти по трудным гималайским тропам, преодолевая по шатким подвесным мостикам бурные стремительные реки, мимо буддийских монастырей в паутине разноцветных молитвенных флажков, оставляя позади будто прикрепленные к скалам каменные домишки горных деревень.

Между тем 16 марта в базовый лагерь пришел передовой отряд экспедиции — старший тренер Овчинников, а также четверка Мысловского (Владимир Балыбердин, Николай Черный и Владимир Шопин). К приходу в базовый лагерь основной группы экспедиции — она вылетела из Москвы 9 марта, неделю спустя после передового отряда, — передовой отряд должен пройти ледопад Кхумбу и по мере возможности обработать его.

Нет раз и навсегда проложенных дорог к вершине. В горах каждый день происходят перемены. Каждая минута сопряжена с каким-то изменением обстановки. Тем более на ледопаде. Конечно, «ледопад» не означает постоянное падение ледяных глыб. Его можно сравнить с замерзшим водопадом, не слишком крутым, но чрезвычайно коварным. Льды там движутся со скоростью около одного метра в сутки. Причем неравномерно. Всего один метр, но этого вполне достаточно, чтобы в течение одной ночи сменился ландшафт.

Стекая вниз, ледопад открывает новые трещины, разрушает старые, нагромождает огромные, порой со рокаметровые ледяные глыбы-сераки. И через этот, постоянно меняющийся ледяной хаос надо проложить дорогу, протянуть веревки, перебросить через трещины около полусотни металлических и веревочных лестниц, по которым почти ежедневно будут проходить наши спортсмены и непальские шерпы-высотники. Вскоре проложат постоянно функционирующую «дорогу», у которой будет даже «директор» Леонид Трошиненко — альпинист с более чем двадцатилетним стажем. Именно на его плечи свалится тяжелая ноша: рискованная работа по восстановлению сбрасываемых постоянно движущимся ледником лестниц, нахождение новых безопасных путей через ледопад, перевешивание веревок.

Как мы уже говорили, 16 марта передовая группа пришла в базовый лагерь, о чем имеется запись в

дневнике экспедиции. Однако было бы точнее сказать, что в тот день наши альпинисты поднялись на высоту 5340 метров, то есть на место, где разбиваются базовые лагеря практически всех экспедиций на Эверест.

Подыскивали более или менее подходящую площадку, расчистили от каменных и ледяных глыб и приступили к установке палаток. Лагерь выростал очень быстро — хотелось как можно скорее начать обработку ледопада. Это был уже склон Эвереста, но, чтобы увидеть вершину, надо подняться в цирк, а путь к нему лежал через ледопад. На следующий день, 17 марта, альпинисты провели первый разведывательный выход, чтобы, испробовав все «закоулки», найти наиболее удобный путь через шестисотметровый ледовый сброс. Веревки поступят с основным караваном, и путь пока пролег красным пунктиром бамбуковых флажков-вешек, заблаговременно нарубленных и доставленных снизу по заказу экспедиции, И с этим крайне неудобным для альпинистской работы грузом пришлось обрабатывать коварный ледник. Ко времени прихода основной группы экспедиции ледопад был не только пройден, но и частично обработан.

22 марта состоялось открытие базового лагеря — над ледником Кхумбу подняли советский флаг. На торжественное построение собрался весь состав экспедиции — и основной и вспомогательный. Но такое деление участников экспедиции так и осталось только в официальных бумагах. На деле это был единый, сплоченный коллектив, нацеленный на покорение вершины.

Взять хотя бы Акакия Хергиани, который числился в списках всего лишь высотным кинооператором. На деле он выполнял тяжелую альпинистскую работу и поднялся до высоты 7800 метров. И не случайно ему присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Казалось бы, какой вклад может внести в спортивный успех экспедиции консультант по питанию, или, попросту говоря, шеф-повар экспедиции Владимир Воскобойников? Однако сомнения по этому поводу могли возникнуть у кого угодно, но не у самих участников восхождения. До сих пор остается секретом, как ему удавалось из концентратов готовить удивительно вкусные блюда, и ни разу не повторяясь, кормить ими десятки людей в то время, когда горная болезнь напрочь отбивала аппетит. Этот далекий от спорта и поэтому больше других страдавший от злополучной горной бо-

лезни человек в конце концов тоже безнадежно «заболел», но уже... альпинизмом. Кстати, одним из первых источников «инфекции» этой новой для В. Воскобойникова «болезни» был Эдуард Мысловский, взявший его на ледопад, правда, для начала лишь до второй веревки. Новая «болезнь», несмотря на неоднократные запреты руководства, протекала бурно. Настолько бурно, что кандидат технических наук, заместитель генерального директора Всесоюзного НИИ пищеконцентратной промышленности и специальной пищевой технологии Агропрома СССР В. А. Воскобойников вернулся домой обладателем значка «Альпинист СССР».

С нескрываемой гордостью смотрели 27 советских людей на красный флаг, трепещущий на мачте у подножия Эвереста. Этих людей разных профессий, темпераментов, характеров роднила одна цель, одно желание: если и не самому, то хотя бы сделать все возможное, чтобы кто-то из товарищей поднял советский флаг на вершину «третьего полюса» земли.

Неискушенному в альпинизме человеку может показаться, что заветная цель была совсем рядом — всего в каких-то 3508 метрах, правда, по вертикали. На самом же деле она была значительно дальше. Уже потом, после восхождения, Валентин Иванов сказал, что главной неожиданностью для них стало то, что избранный маршрут оказался намного сложнее, чем предполагалось.

Конечно, и тогда все понимали, что будут трудности, но острее всех ощущал это руководитель экспедиции Евгений Игоревич Тамм, взваливший на себя огромную тяжесть по организации и подготовке экспедиции и вложивший в нее все свои силы. Теперь оставалось самое главное и, пожалуй, самое сложное — довести дело до конца.

До этого Е. И. Тамм имел возможность сам все контролировать. Если требовалось, в решениях он опирался на огромный альпинистский и жизненный опыт, помогал где делом, где добрым советом, иногда действовал решительно, пользуясь своим непоколебимым авторитетом. Чтобы ничто не могло отвлечь его от подготовки к гималайской экспедиции, он отказался от почетного поста председателя Федерации альпинизма СССР.

Теперь ему приходилось жить как бы в двух измерениях: физически — в базовом лагере, а мысленно —

на склоне, а затем и на вершине. Причем, когда наши альпинисты достигли вершины, нельзя было поддаваться эйфории: кому-кому, а ему доподлинно известно, что подняться на вершину — это полдела, главное (а это труднее всего) — добраться живыми в базовый лагерь, иначе вся экспедиция и ее успех пойдут насмарку. Надо было решать задачи со многими неизвестными, представлять то, что в действительности происходит там, наверху, за скупыми фразами «все нормально», переданными восходителями во время коротких минут, а порой и секунд радиосеансов. Просто удивительно, как этому мягкому, исключительно интеллигентному человеку удавалось удерживать бразды правления таким сложнейшим механизмом, каким была экспедиция на Эверест.

Короткой фразой, если появлялась острейшая необходимость, он умел охладить пыл рвущихся к вершине альпинистов, когда она была уже совсем рядом, что называется «за поворотом». Были и такие ситуации, когда вопреки приказам и инструкциям Е. Тамм, рискуя многим, давал согласие на штурм. Такие минуты были, наверное, самыми счастливыми в его жизни. Ведь вместе с очередными победами восходителей исполнялись и его личные мечты.

Е. И. Тамм, будучи прекрасным альпинистом, лучше любого врача знал возможности всех участников восхождения. Как умел он отстаивать свое мнение! Лучшим примером тому может служить не только участие в экспедиции, но и подъем на вершину Эдуарда Мысловского. Под свою личную ответственность Е. И. Тамм добился не только выезда Мысловского в Непал...

Передовая группа Э. Мысловского при поддержке старшего тренера А. Овчинникова проложила путь в промежуточный лагерь, который был установлен 24 марта на высоте 6100 метров (критическая, по мнению медиков, высота для Мысловского).

— Действительно, это так — сказал, улыбаясь, Эдуард. — Дальше я шел, можно сказать, «зайцем». Мы поднимались осторожно, тщательно исследуя снег, перед тем как сделать очередной шаг: опасались провалиться в скрытую трещину.

Довольно часто альпинистам приходилось отдыхать: сказывалась недостаточная акклиматизация, да и рюкзаки были тяжеловаты. К месту разбивки первого лагеря они добирались практически по голому льду.

На Эвересте, как и на других горах, естественно, нет никаких дорог и указателей. Но место первого лагеря — оно традиционное независимо от избранного маршрута той или иной экспедиции — определили без труда. Чем ближе подходили к лагерю, тем чаще попадался хлам, брошенный предыдущими экспедициями. Правда, это был не всегда хлам. В районе лагеря нашли порядочное количество «железа» — альпинистского снаряжения из металла, продукты и даже трехлитровую банку итальянского соуса к спагетти, которым сразу же заинтересовался в базовом лагере В. Воскобойников.

Альпинисты поставили большую куполообразную палатку, вмещающую до десяти человек, вкусно поужинали — по наследству от других экспедиций советским альпинистам достались прекрасно сохранившиеся в естественном холодильнике и датская ветчина, и болгарская брынза, и прочие деликатесы. Хорошо бы теперь отдохнуть и выспаться, но погода приготовила очередной сюрприз. Ночью разыгрался такой ветер, что не выдержало несколько растяжек. Пришлось Мысловскому и Балыбердину покинуть спальные мешки и выбраться на холод. Пока связывали растяжки, промерзли буквально до костей. Не успели отогреться в палатке, как почувствовали, что под порывами ветра начинают вырываться из снега колья. Снова пришлось выйти наружу, но теперь уже заваливать палатку. Остаток ночи спали, укрывшись трепещущим от ветра брезентом. Но и на этом проказы погоды не закончились. Утром в углу палатки обнаружили большую дыру, через которую выдуло несколько пар ботинок, а также пуховку В. Шопина. Ботинки нашли рядом с палаткой, а вот пуховку обнаружили лишь через несколько дней в двухстах метрах от первого лагеря.

Измотанная до предела, группа Мысловского спустилась в базовый лагерь, чтобы через три дня начать второй рабочий выход.

Между тем, вторая, третья и четвертая команды под руководством соответственно Валентина Иванова, Ерванда Ильинского и Вячеслава Онищенко занимались «оборудованием» пути через ледопад Кхумбу: навешивали веревки и устанавливали лестницы, обрабатывали участки между лагерями, занимались заброской грузов.

Что касается четвертой команды, которую возглавлял Вячеслав Онищенко, то она была сформирована накануне отъезда в Непал. Особой надежды на помощь

высотных носильщиков при таком трудном маршруте не было, и поэтому создали вспомогательную команду для оказания помощи в организации промежуточных лагерей, и в первую очередь пятого лагеря. Восхождение четвертой команды планировалось только при благоприятном стечении обстоятельств. Однако то, что эта команда была вспомогательной, осталось лишь на бумаге. На деле группа Онищенко ничем не отличалась от других.

Оправдались опасения насчет высотных носильщиков. Первые трудности с носильщиками возникли еще на ледопаде Кхумбу, где надо было пройти ледовую стену. Увидев стену, шерпы в испуге побросали лестницы и быстро ретировались в базовый лагерь. Тогда группе Иванова пришлось самой развешивать на стене веревочные и металлические лестницы.

30 марта начался второй рабочий выход группы Мысловского — теперь для установки второго лагеря, который был разбит 1 апреля на высоте 7350 метров.

На гребне, разделенном кулуаром, отыскивали приемлемые площадки. Одну из них довольно быстро расчистили под палатку, а вот с другой пришлось повозиться — никак не удавалось разбить камень. Он так и остался торчать под дном палатки и затем выполнял роль стола. Альпинисты пытались даже расширить площадку с помощью прибереженной для такого случая рыболовной сети, набив ее снегом и камнями, но добиться желаемого результата так и не удалось. Мощный ветер выдувал снег, и камни сползали вниз. Тем не менее лагерь был разбит. Балыбердин с Шопиным остались здесь ночевать, а Мысловский с Черным около 5 часов вечера начали спуск. К первому лагерю альпинисты подошли в полной темноте. Утром им предстояло сделать еще одну ходку по заброске грузов.

Маршрут из первого лагеря во второй не очень сложный, но уже чувствовалась высота. Дышать приходилось сухим холодным воздухом, который вызывал сильный кашель. Во время ночевки в палатке он не давал уснуть.

— Мы словно в туберкулезном санатории, — шутили ребята.

Выполнив все необходимые работы, группа Мыловского спустилась в базовый лагерь на четырехдневный отдых. К тому времени на маршрут снова вышли остальные три команды. Четверка Иванова совершала

грузовые ходки, а команда Ильинского, которой был придан шерп Наванг, приступила к обработке пути к третьему лагерю. Им досталась трудная работа — повесить 17 веревок из 20,5. Работа осложнялась еще и недостаточной акклиматизацией.

5 апреля во второй лагерь пришла группа Онищенко, чтобы вести дальше заброску по маршруту. Однако альпинистов ждал неприятный сюрприз: в лагере оказалось всего два спальных мешка на четверых. Решили, что в спальных мешках будут спать Алексей Москальцов и Валерий Хомутов, у которых был сильный кашель, а в середине, накрывшись пуховками и надев на ноги меховые чуни, — Вячеслав Онищенко и Юрий Голодов. На другой день пошел снег, усилился ветер, и группа решила не рисковать и осталась во втором лагере, чтобы освободить от груза вторую палатку.

Вечером 6 апреля на радиосвязь с базовым лагерем вышел Хомутов, а не Онищенко. Это, естественно, насторожило врача экспедиции Света Орловского. Однако Валерий Хомутов как можно спокойнее объяснил, что Онищенко охрип и ему трудно говорить. Орловский несколько успокоился. Он прекрасно знал, что бороться с кашлем на такой высоте бесполезно.

7 апреля на связь вышел снова Хомутов. В тот день для заброски грузов лагерь покинули только трое. Москальцову и Голодову удалось пройти не более восьми веревок, Хомутову — еще меньше. Вячеслав Онищенко вынужден был остаться в палатке. Появившиеся накануне вечером слабость, апатия, сонливость резко усилились, сковали тело, не позволяли двигаться. Когда вернулся с маршрута Хомутов, он тут же подключил кислород, а подошедшего затем Голодова Онищенко попросил сделать инъекцию, чтобы поддержать сердце. Слабость и апатия не проходили. Онищенко, будучи сам врачом, понимал, что лучшее и, пожалуй, единственное лечение в данном случае — это спуск. На следующий день он заставил себя подняться и идти. Друзья помогали как могли, на сложных скальных участках они туго натягивали веревку, по которой он медленно спускался. Медленно, но сам.

Они встретили четверку Мысловского, которая шла на завершение обработки участка от второго лагеря к третьему, а также на начальную обработку маршрута к четвертому лагерю. Они тут же предложили свою помощь, а Шопин с Балыбердиным вызвались даже по

очереди нести Вячеслава. Но тот категорически отказался. Онищенко понимал, что если группе Мысловского придется спускаться вниз, то она не только не выполнит поставленной задачи, но и вконец измотается, что поставит под вопрос их дальнейшее восхождение: восстановить силы на такой высоте невозможно.

И Онищенко победил себя. Он сам дошел сначала до первого лагеря, а затем и до базового. На леднике его встретили товарищи, в том числе доктор Свет Орловский. Онищенко передвигался из последних сил. Ноги не слушались. Казалось, он может упасть в любую минуту. Но он упрямо шел, собрав всю свою волю. Товарищи поддерживали его под руки, подача кислорода составляла 2 литра в минуту, но шел он... сам. Можно только позавидовать мужеству этого человека, который в критическую для себя минуту думал о своих товарищах, об успехе всей экспедиции в целом.

Когда 9 апреля в базовом лагере ему померили кровяное давление, оно оказалось 50/0. Свет Орловский поставил диагноз: горная болезнь с нарушением периферического и мозгового кровообращения. Больному для лечения необходимы были прекрасные стационарные условия, сложнейшая аппаратура и целая бригада специалистов. Здесь же, на высоте более 5300 метров, был лишь один доктор (другой оказался в качестве пациента). Правда, Орловскому помогали все, кто находился в тот момент в базовом лагере, включая Е. И. Тамма. Но они могли оказать только чисто техническую помощь. Врач-кудесник Свет Орловский, за спиной которого успешная операция прободной язвы, проведенная им в 1976 году на высоте 4000 метров, оказался на «высоте» и на этот раз. Уже на следующий день жизнь Онищенко была вне опасности. Затем после спуска и отдыха в Лукле Вячеслав Онищенко не только поднимался до высоты 6500 метров, но и участвовал в эвакуации груза в базовый лагерь.

В те дни, когда в базовом лагере шла борьба за жизнь Онищенко, нелегко было и тем, кто оказался на маршруте.

В очень тяжелых условиях пришлось работать группе Мысловского. Она вышла после команды Ильинского, которая проделала большую работу по навешиванию веревок, но места для третьего лагеря так и не нашла. Альпинисты не дошли буквально двух веревок. Это удалось четверке Мысловского. На высоте 7800 метров

они разбили третий лагерь, а затем Мысловский и Бальбердин уже вдвоем (Шопин и Черный, заболев, решили спускаться в базовый лагерь) проложили путь дальше. 11 апреля первыми из советских спортсменов они достигли высоты 8000 метров, поднявшись на гребень, который, в свою очередь, выведет экспедицию к западному гребню. Именно по нему и пролег путь к вершине. Не случайно Е. И. Тамм назвал этот этап восхождения «прорывом».

— Пять суток работы без кислородных аппаратов на высоте порядка восьми тысяч метров,— вспоминает Мысловский,— это непрерывная утомительная борьба с апатией и вялостью. После каждого шага — остановка, пять вдохов и выдохов, затем следующий шаг. Конечно, кислород очень помогает, он снимает неприятные ощущения, но тогда приходится нести еще и баллоны с кислородом, а на сложном маршруте большое значение имеет каждый грамм за плечами. Выше семи тысяч трехсот метров начиналась практически отвесная стена с малым количеством «зацепов» — выступов и углублений, на которые можно поставить ногу или схватиться рукой. Из-за непогоды, которая с первого дня преследовала экспедицию, уже навешенные веревки и лестницы покрывались тонким слоем снега. Они становились очень скользкими, а весь путь — невероятно сложным. Естественно, в таких условиях мне и моим товарищам по экспедиции наши памирские пики казались такими доступными.

Уже месяц продолжалось восхождение советских альпинистов на Эверест. 30 дней они вели борьбу с сильнейшими, порой ураганными ветрами. Погода весной 1982 года выдалась крайне неблагоприятной. Создавалось впечатление, что в тот год вообще не было предмуссонного периода, удобного для восхождения. А на склонах Эвереста условия больше походили на зимние, нежели на весенние. Даже на уровне базового лагеря почти каждый день выпадал снег, а на высоте свыше 7000 метров было очень холодно, температура по ночам опускалась ниже 20 градусов. В Москву Е. И. Тамм сообщил тогда, что экспедиция «проходит в тяжелых условиях».

Как только стало известно, что Мысловский далеко перешагнул установленный для него высотный «потолок», в адрес руководителя экспедиции из Москвы посыпались телеграммы с требованием немедленно вер-

путь Эдуарда в базовый лагерь. 15 апреля Е. И. Тамм направил в Спорткомитет СССР радиограмму, в которой, в частности, говорилось: «...работа Мысловского — одного из сильнейших в настоящее время участников, хорошо переносящего тяжелые условия и высоту, — совершенно необходима для успеха экспедиции». Но давление не ослабевало.

И тогда 24 апреля руководитель экспедиции отправил в Москву телеграмму следующего содержания: «Мысловский и его группа работали выше 8000 метров. На сегодня эта группа является самой перспективной, отстранение Мысловского от работы не считаю необходимым». Е. И. Тамм принял действительно мужественное решение. Оно диктовалось не личными симпатиями Тамма к Мысловскому. Во главу угла ставился успех восхождения. Все участники экспедиции работали на пределе возможного, но лучшими из лучших оказались двое — Мысловский и Балыбердин. Они не только выполняли запланированные задания, но и, если появлялась необходимость, работали за четверых. Однако запрет на восхождение снят не был. Пусть он оставался отвергнутым, но все-таки запретом. И он висел над Мысловским словно дамоклов меч.

— Все это время, — говорил Эдуард Мысловский, — я работал нормально, хотя и постоянно прислушивался к себе. Конечно, это мешало. В моменты перегрузок я мог бы сделать большее, но тут же ограничивал себя, опасаясь осложнений. Никаких болевых ощущений или дискомфорта я не испытывал, но невольно ждал, что в любой момент состояние может ухудшиться. Тем не менее я старался работать, как все. Порой, придя в лагерь, падал от усталости и спал как убитый, без всяких сновидений. Один только раз приснились мне трава и зеленое поле. Сказалась усталость от серых скал, белого снега и густо-синего неба. Ведь зелени мы больше месяца уже не видели. Внизу не думаешь, как можно без зеленого цвета, а наверху трудно привыкнуть к тому, что травы обычной нет, а округлишь скалы да трещины. Иногда они образуют рисунки. Если настроение плохое, то кажется, будто со скал на тебя смотрят какие-то физиономии, да еще смеются над тобой — куда, интересно, тебя несет! Но ты все равно упорно продолжаешь двигаться вперед, и... где-то в глубине души ждешь срыва. Готовишься к этому и товарищу по связке говоришь: «Внимание, сейчас могу

сорваться». Здесь раза три-четыре срывался, как мы говорим, «пахал» метров по десять, но успевал сгруппироваться: реакция у меня неплохая. Так что обошлось даже без синяков. В гололед я в Москве редко падаю.

Тем не менее развивать успех первой четверки предстояло второй и третьей командам под руководством соответственно Валентина Иванова и Казбека Валиева, которые начали подъем к концу пути, проложенного Мысловским и Балыбердиным. Обработав стену выше третьего лагеря, группа Иванова достигла 17 апреля высоты 8250 метров и определила место для четвертого лагеря. Забросив часть грузов к месту будущего лагеря, она вместе с командой Валиева, которая совершила три ходки из второго лагеря в третий, спустилась в базовый лагерь. Им на смену пошла четвертая команда, которую возглавил Валерий Хомутов. В тяжелых условиях, при снегопаде и сильном ветре они вырубили на небольшом, образованном ветром гребне две площадки. Поздно вечером 20 апреля установка четвертого лагеря была завершена. Юрий Голодов и Алексей Москальцов попытались проложить путь выше, а Валерий Хомутов с Владимиром Пучковым приступили к переброске снаряжения из третьего в четвертый лагерь, работая на отвесной километровой стене, тянущейся до высоты 8500 метров.

Установке четвертого лагеря предшествовало неприятное событие. 18 апреля Голодов и Москальцов вышли на высоту 8250 метров и поставили там палатку. Они оказались первыми советскими спортсменами, которые провели ночевку на такой высоте. Когда они утром проснулись, в палатке было минут 27 градусов, а снаружи еще холоднее. Палатка «прилепилась» на такой узкой площадке, что перемещаться внутри ее оказалось слишком опасно. Ближе к выходу лежал Юрий Голодов, ему-то и пришлось идти за снаряжением, оставленным примерно в 20 метрах ниже лагеря.

Сначала, когда экспедиция только формировалась, Юрий являлся кинооператором высотных съемок. Но уже в базовом лагере Е. И. Тамм предложил ему участвовать в восхождении в качестве спортсмена, на что Голодов с радостью согласился. И вот теперь, подключив кислород — холод стоял невыносимый, — Голодов спустился за снаряжением. Прихватив около 20 килограммов груза, он начал подъем. Когда до палатки оставалось не более 3 метров, он в очередной раз натя-

нул перильную веревку, и крюк не выдержал. Юрий пролетел метров шесть и повис на следующем крюке. Ему удалось упереться в небольшой скальный выступ, но удерживать равновесие мешал рюкзак. Пришлось звать на помощь. Увидев, что конца перильной веревки и самого крюка нет, Алексей Москальцов сразу же сориентировался: забил в скалы новый крюк, организовал страховку, по которой Голодов, отделавшись лишь ушибами и ссадинами, выбрался на площадку.

Планам восходителей все активнее мешала непогода. Снегопады и непрекращающиеся ветры, которые с увеличением высоты усиливались в геометрической прогрессии, делали и без того трудный маршрут менее проходимым. Однако работы между первым, вторым и третьим лагерями не прекращались. Чтобы обеспечить предстоящий штурм, шерпы-высотники вели заброску снаряжения, кислорода, продовольствия. Но наступил день, когда маршрут стал для них непреодолимым. Сказалась слабая техническая подготовка. Шерпы дошли с советскими спортсменами лишь до высоты 7200 метров, двое из них одолели еще 600 метров, но на большее их не хватило. Сирдар шерпов Пемба Норбу, который участвовал в 25 высотных экспедициях, сказал, что тут он впервые столкнулся с ситуацией, когда команда проходила маршрут, а шерпы — нет.

— Семнадцатого апреля после третьего рабочего выхода,— сказал Мысловский,— наша команда отправилась на отдых в зеленую зону в районе монастыря Тхьянгбоче. Но он был внезапно прерван: Евгений Игоревич Тамм попросил Черного и Шопина вернуться в базовый лагерь, чтобы принять участие в заброске кислорода в третий лагерь, без чего штурм вершины оказался бы невозможным. Шерпы выше второго лагеря не поднимались, в результате чего там скопилось много снаряжения экспедиции, в том числе и кислорода, а в третьем его было недостаточно. В базовый лагерь вернулись все вместе. Я решил: если на отдых пришли вчетвером, то и возвращаться надо тоже всем вместе, а там, в базовом лагере, решим будущее нашей четверки. Мы с Володей Балыбердиным покинули Тхьянгбоче на два дня раньше срока. К этому времени создалась довольно сложная ситуация. Пятый лагерь так и не был установлен. Группа Валентина Иванова, которая вернулась в базовый лагерь раньше третьей и четвертой, отказалась идти на установку пятого лагеря. Их, ко-

нечно, легко понять: после такой работы обязательно придется возвращаться в базовый лагерь на отдых и, естественно, встать в конец очереди на штурм. Иными словами, вероятность восхождения для группы резко упадет. Им даже предлагали по возможности провести сразу же штурм вершины, Валентин с товарищами долго обсуждали такую перспективу и, взвесив все «за» и «против», пришли к выводу, что к подъему не готовы, и отправились отдыхать в Тхьянбоче. По сути дела, мы оставались с Володей Балыбердиным вдвоем. Черного и Шопина Евгений Игоревич все-таки от нас забрал. Я пытался их отстоять, чтобы сохранить четверку и идти на штурм всем вместе. Я предлагал для заброски кислорода использовать Хергиани с шерпами, но Тамм сказал, что кислород — не главное. Ему надо еще раз проверить, как будут себя чувствовать Черный и Шопин на высоте, в противном случае он вынужден будет вообще запретить им выход на маршрут. Так что, можно сказать, расчленение нашей четверки было не результатом волевого давления Тамма и моей «покладистости», а реальной необходимостью.

Положение оказалось действительно трудным. Из-за болезней и непредвиденных случайностей, что в горах дело обычное, работа на маршруте застопорилась. Напрашивался единственный выход: ждать, пока группа Иванова восстановит свои силы. Однако прогнозы погоды были весьма неутешительными. К тому же от четверки Мысловского осталась всего двойка. Двоим же проложить и обработать маршрут от четвертого до пятого лагеря, а также установить его да еще предпринять попытку штурма, конечно, было не под силу. Но надо знать Эдуарда Мысловского и Владимира Балыбердина. До этого они безотказно выполняли самые трудные работы и вот теперь, недолго посоветовавшись, вновь предложили свои услуги. Они добровольно вызвались работать на пределе человеческих возможностей. Они только попросили отложить срок выхода на день.

— Наконец, наступило долгожданное утро двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Настроение у нас было приподнятое, и в то же время,— как бы размышляет вслух Мысловский,— мы ощущали внутреннее беспокойство. Сумеет ли вдвоем выполнить поставленную задачу? Готовясь к выходу и переживая погоду, мы мысленно проходили маршрут,

«раскладывали» по дням снаряжение и продукты, продумывали все возможные варианты. Стопроцентной уверенности, что мы поднимемся на вершину после легкой работы по установке пятого лагеря, все же не было. Ведь даже путь к этому лагерю неизвестен. Мы и представить себе не могли, что нас ждет впереди.казалось, что дальше будет гребень и больше никаких особых преград. На самом деле нас поджидали довольно серьезные препятствия. Взять хотя бы стенку. Володя Балыбердин прошел ее очень хорошо. Честно говоря, я бы провозился на этих технически сложных скалах дольше.

Позади добрые напутствия Е. И. Тамма, А. Г. Овчинникова и всех, кто оставался в то время в базовом лагере. Шесть часов утра. На миг задержавшись у жертвенного огня, зажженного шерпами в честь первой советской двойки, Мысловский и Балыбердин вышли на ледопад. Но не прошли и 200 метров, как случилось первое ЧП. Балыбердин по колено провалился в небольшое озерцо — не выдержал тонкий лед. Переобуваться на виду у всех обитателей базового лагеря Балыбердин посчитал зазорным — только отошли, как тут же в лужу попали, — и продолжал как ни в чем не бывало идти до места, где обычно надевают кошки, перекачав за это время воду из носков во внутренний и наружный ботинки. Стоял десятиградусный мороз. Хорошо, что у Мыловского оказались запасные носки, которые он отдал Балыбердину. Так и шел Балыбердин с рюкзаком, на котором «сушились» мокрые носки.

Неподалеку от промежуточного лагеря альпинисты встретили Николая Черного, Хуту Хергиани (Акакия Хергиани все альпинисты называли Хутой), а также несколько шерпов-носильщиков и узнали малоприятную новость. Оказалось, что высотные носильщики смогли подняться выше второго лагеря всего на десять веревок (каждая веревка — около 40 метров), и, судя по всему, придется в пути догружаться кислородом. А ноша была и без того достаточно большой. Отдохнув и попив чаю в промежуточном лагере, двойка пошла дальше в первый лагерь. Там они застали уже совсем акклиматизировавшегося Владимира Шопина, а также шерпов, совершавших грузовые ходки между вторым и третьим лагерями. Правда, удалось занести не очень много грузов: крутые заснеженные скалы наводили на шерпов страх. В первом лагере Мыловского и Балыбердина

дождался шерп Наванг, который должен был помогать альпинистской двойке до высоты 7800 метров. Два последних дня он не выходил из лагеря — обжег на солнце глаза. Когда же ему пообещали, что если он будет хорошо себя чувствовать, то пойдет до вершины, Наванг тут же начал готовиться к завтрашнему дню.

Утром пошли наверх втроем. В. Шопин снимал кинокамерой прощальные кадры. Ему теперь придется спускаться в базовый лагерь и стать в самый конец очереди на восхождение. Наванг все время молился и раскидывал вокруг листки с молитвами.

Мысловский шел замыкающим, по пути снимал, если удавалось развязать задубевшие на морозе узлы, карабины — они понадобятся при обработке маршрута в пятый лагерь.

За ужином во втором лагере Наванг дал Эдуарду и Владимиру какие-то зернышки, которые, по его словам, непременно будут сопутствовать успеху восхождения, и повязал им на шею красные ниточки. Перед сном Наванг долго молился, и это монотонное пение быстро убаюкало Мысловского, спавшего с Навангом в одной палатке.

На пути к третьему лагерю Мысловский продолжал снимать «железо». Нестерпимо мерзли руки. В лагерь Эдуард пришел довольно поздно. После ужина Наванг вновь долго читал молитвы. Сон к Мысловскому пришел почти перед рассветом — начинала сказываться усталость.

Однако ни молитвы, ни «чудодейственные» зернышки и красные ниточки самому Навангу не помогли. Расстояние между Балыбердиным и Навангом с каждым шагом увеличивалось. Шерпа нагнал Мысловский. Тот сначала пытался что-то объяснить жестами, потом снял кислородную маску. В глазах Наванга стояли слезы. Он стал жаловаться, что плохо видит. Эдуард предложил ему поменяться очками. Прошли еще несколько метров. Наванг снова остановился и принялся извиняться, что не в силах больше оказывать помощь. Кланяясь и прикладывая руки ко лбу, шерп начал спуск в третий лагерь. После ухода Наванга в тяжелый рюкзак Мысловского, весивший более 25 килограммов, перекочевали еще два кислородных баллона и моток веревки. Пока шли переговоры Мысловского с Навангом, Балыбердин продолжал подъем, и разрыв между ними увеличился до двух часов.

Остались позади скальный кулуар и небольшая стенка. Тяжелый рюкзак норовил все время «оторвать» Мысловского от стены, что крайне затрудняло движение. Когда Мысловский подошел к Балыбердину, тот предложил несколько разгрузиться, чтобы ускорить движение.

Начали сгущаться сумерки. Пошел пушистый снег. Где-нибудь в Подмосковье Мысловский обрадовался бы такому снегу, а там проклинал его последними словами. Скалы стали еще более скользкими. Сразу же пропала уверенность при передвижении, а впереди был почти вертикальный участок, по которому вились веревки. Идти по перилам, конечно, можно и ночью, но надо думать и о следующем дне: хватит ли сил? Мысловского беспокоила мысль, как бы не начался сердечный приступ, ведь теперь они остались вдвоем, и на такой высоте Балыбердин вряд ли чем сможет ему помочь. Тогда конец всей экспедиции. Оценив сложившуюся ситуацию и поняв, что с такой ношей до лагеря ему не добраться, Эдуард решил оставить рюкзак, с тем чтобы утром за ним вернуться. Однако на другой день их ждало ЧП.

Без рюкзака Мысловский быстро догнал Балыбердина, и они вместе добрались до четвертого лагеря. Сняв несколько кубометров снега с острого снежного гребня, они расчистили подход к палатке. Окоченевшими пальцами с трудом развязали «рукав» входа, в полном изнеможении вползли внутрь и несколько минут лежали в темноте.

Володя Балыбердин достал рацию... Он нес рацию, так как поднимался без кислорода, в то время как Мысловский шел в маске, а в ней работать с рацией неудобно. Кроме того, если вдруг Балыбердин почувствует себя плохо, то сможет сразу же по рации сообщить об этом.

Настало утро 1 мая. В базовом лагере состоялась демонстрация с красными флажками, которыми сначала метили маршрут. В лагере уже не только появились свои площади и улицы, но они даже получили названия. На палатке, где жил А. Г. Овчинников, красовалась надпись «Тренерский тупик». «Хомутовскими выселками» называли палатку Валерия Хомутова, стоявшую чуть на отшибе. Пристанище никогда не унывающего острослова и всеобщего любимца врача Света Орловского стало «Кхумбулаторией». А на палатке ру-

ководителя экспедиции кто-то написал: «Хижина д-ра Тамма».

Правда, настроение у Евгения Игоревича в тот день не было праздничным. Утром в экспедиционном дневнике он сделал следующую запись: «Пока это был самый страшный день (точнее, ночь) экспедиции. Мысловский — Балыбердин с 6 часов вечера перенесли связь на 8 часов вечера, так как еще работали на маршруте. Но ни в 8 часов, ни в 9 часов вечера, ни... даже до 8 часов 30 минут утра на связь не вышли. Я всю ночь пролежал с рацией. Что тут было! Но виду, кажется, не подал».

В предыдущие дни восходители неоднократно, по два-три раза переносили последний сеанс связи, и он проводился не ранее 9—10 часов вечера. Для тех, кто оставался в базовом лагере, это было связано с дополнительной нервной нагрузкой, но сами восходители, выполняя невероятно изнурительную работу, каждый раз большой ценой все-таки «выжимали» дневное задание до конца, закладывая будущий успех экспедиции и свой. «Володя — кремень, — думал Е. И. Тамм, — но как, должно быть, трудно Мысловскому, ведь ему очень мешает спокойно работать мысль о запрете на восхождение».

Утром, после того как восходители поздравили друг друга с праздником, они, связавшись с Е. И. Таммом по рации, получили радостное известие: вслед за ними поднимается группа Иванова, которая поможет кислородом. Затем Мысловский отправился за оставленным рюкзаком, а Балыбердин, нагрузившись веревками и «железом», продолжил обработку маршрута. Минувшей ночью он впервые пользовался кислородом.

С рюкзаком Мысловский уже почти дошел до лагеря. Ему оставалось пройти еще две с половиной веревки. Впереди был трудный вертикальный участок стены с очень маленькими зацепками. Балыбердин дал Мысловскому свой зажим, который в тот день был ему не нужен. И тот решил им воспользоваться, чтобы ускорить прохождение стены, но в спешке не отрегулировал длину репшура. Перильная веревка шла слева направо по стене и имела большую слабину. После второго шага Мыловского маятником отбросило на гладкий участок стены. Оба зажима сразу же подошли друг к другу, и, пока, раскачиваясь на веревке, он искал зацепки, они примерзли к заиндевевшей веревке. Ему никак не

удавалось разъединить зажимы. Он попытался разгрузить нижний зажим, но не мог подтянуться на руках — слишком тяжелым был рюкзак, и он повис почти горизонтально. Рюкзак оттягивал плечи, не давал отдышаться и собраться с силами. Он почувствовал, что начинает терять сознание. В глазах запрыгали зайчики. И тут перед ним промелькнул образ близкого друга Славы Цепнева, который в 1965 году также повис на узле и погиб. Но вместо отчаяния Мысловского охватила злость.

Он понимал, что за жизнь надо бороться до конца. И решил, что сначала следует освободиться от тяжелого рюкзака. Сняв рукавицы, он с трудом растегнул ремень рюкзака. Руки заоченели от холода, но он все время торопил себя, приговаривая: «Быстрее! Можно не успеть!» И вдруг он понял, почему задышался: оказывается, кончился кислород. Хотел снять маску, а руки заняты. Кое-как Мысловский перебросил рюкзак на согнутую в локте левую руку и попытался правой пристегнуть его к веревке, но куда там. Задыхаясь под маской и буквально рыча от собственного бессилия, он опустил вниз левую руку — и рюкзак, оборвав кислородный шланг, полетел вниз, унося с собой запасные рукавицы, фотоаппараты, веревки, карабины, кошки, кислород...

Сорвав маску, он выбрался на полку и в изнеможении лег. И только тут заметил, что пальцы на руках побелели. Мысловский немного отдышался и пошел в лагерь.

Балыбердин вернулся с маршрута только около 8 часов вечера. Он один навесил четыре веревки в добавление к одной, которую успели протянуть Юрий Голодов с Алексеем Москальцовым. Половина пути к пятому лагерю была обработана. А участок этот не из легких — вертикальные стенки чередовались с длинными острыми гребнями. Главная опасность — не сорваться вместе с внезапно обвалившимся карнизом. Для организации хотя бы какой-то страховки приходилось вырубать из снега тумбы диаметром до 2 метров и обвязывать их веревкой.

У Мысловского на пальцах рук набухли пузыри, некоторые из них полопались. Балыбердин помог ему залепить их пластырем. Сильная ноющая боль не давала Мысловскому спокойно спать. На такой высоте — 8250 метров — и здоровый человек не получает желаемо-

го отдыха, а тут еще его мучила непроходящая боль, мешала нервная и физическая усталость...

Утром Балыбердин (он спал с кислородом) отдал свою маску Мысловскому, а под кислородный баллон приспособил чехол из-под палатки. Наступил новый рабочий день. Впереди крутые скалы со снежными шапками, острые гребни, обрывающиеся влево и вправо километровыми стенами. Во время обработки скальной башни, у ее верхнего края у Балыбердина вырвался крик, и он соскользнул метра на три вниз, однако быстро пришел в себя и упрямо продолжал путь наверх. Стена пройдена. Веревка надежно закреплена.

К тому времени подоспел Сергей Бершов. По плану он должен был заносить кислород в четвертый лагерь, но, понимая, в каком трудном положении оказались Мысловский и Балыбердин, по собственной инициативе прошел трудный участок. Наскоро обменявшись новостями, Сергей поспешил вниз. Ему нужно было успеть до наступления темноты спуститься на ночевку в третий лагерь.

Наконец-то Мысловский и Балыбердин добрались до пологого снежно-скального гребня, самой верхней части контрфорса, который через 150 метров упирался в основной западный гребень Эвереста,— 8500 метров. До вершины оставалось всего 348 метров. И все-таки надо было возвращаться на ночевку в четвертый лагерь.

Вечером по радию Мысловскому передали радиописьмо из дома. Позабыв о боли, слушал он милые сердцу голоса родных и близких, пожелания удачи и музыку Грига. У него слезы наворачивались на глаза, когда в холодной палатке на высоте 8250 метров звучали любимые песни и романсы в исполнении самых дорогих ему людей — дочерей и жены. Лучший допинг трудно было себе представить.

На следующее утро восходители прошли без кислородных масок навешенные накануне веревки. Затем пересекли по гребню еще около 40 метров и принялись за трудную работу — вырубали в фирновом гребне площадку под пятый лагерь. Мысловский прошел еще одну веревку вверх, откуда был виден путь до вершины по западному гребню.

Уже в полной темноте, вконец измотанные, забрались они в палатку. У Мысловского не было сил и желания снимать ботинки, тем более что утром их придется

надевать, а проделать такое с обмороженными пальцами довольно сложно. Балыбердин забыл спрятать свои ботинки в спальный мешок, и за ночь они так задубели, что пришлось их «подогреть» на примусе. Ночь прошла в полудреме.

Утром 4 мая Балыбердин спросил Мысловского:

— Как себя чувствуешь?

— Не совсем хорошо, но пойду,— последовал ответ.

Его упорство и терпение были хорошо известны Балыбердину. «Если Эдик решил идти, значит, выложится без остатка и дойдет на одной силе воли»,— записал он в своем дневнике.

В 6 часов 15 минут утра они покинули лагерь. Как только перевалили за основной западный гребень, с севера обрушился шквал ледяного ветра.

Для того чтобы хоть как-то подкрепить силы, которые с каждым часом все убывали, Мысловский увеличил подачу кислорода до 2 литров в минуту. Балыбердин шел впереди без кислорода. Ему было трудно, ведь на такой высоте легкие работают словно кузнечные мехи, безуспешно пытаясь «насытиться» разреженным воздухом. Каждый вдох отдает болью в воспаленном горле. Балыбердин периодически останавливался и подолгу восстанавливал дыхание. Мысловский также делал остановки и ждал: лишней раз не хотелось шевелить обмороженными пальцами и собирать веревку в кольца. Но ему все-таки было легче, чем Балыбердину, ведь он шел с кислородной маской: два-три глубоких вдоха — и все в порядке.

Впереди маячил знаменитый пояс рыжих скал — предпоследнее серьезное препятствие перед подъемом на вершину. Тонкий репшнур, навешенный югославскими альпинистами еще весной 1979 года, показывал путь, но несколько не облегчал подъем. Крючья были слишком ненадежными, а заменять их некогда. К тому же короткая двадцатиметровая веревка усложняла передвижение на этом участке скал, да и удобных мест для организации надежной страховки было мало. Затем черепицеобразные скалы гладкими ступенями вывели альпинистов к последнему препятствию — двадцатиметровой стене. Метров сто шли, балансируя по гребню шириной сантиметров двадцать пять: если падать налево, то пролетишь километра полтора, если направо — столько же. Гребень все-таки преодолели.

С 8 часов утра ради оперативной связи в базовом

лагере и в группах на маршруте были включены на прием. И только в 14 часов 15 минут послышался усталый голос Балыбердина:

— Евгений Игоревич, идем и идем вверх, каждый пупырь принимаем за вершину, а за ним открывается новый. Когда же наконец все кончится?

В 14 часов 35 минут Владимир вновь вызвал базу:

— Впечатление такое, что дальше все идет вниз. Как вы думаете, это вершина?

Евгений Игоревич был готов ответить на любой вопрос, но не на этот. Мечта стала явью. С трудом проглотив застрявший в горле комок и стараясь не дать волю эмоциям, Е. И. Тамм поздравил первых советских восходителей на Эверест и попросил описать все, что они видят вокруг.

— Когда мы подходили к вершине,— делился своими впечатлениями Мысловский,— стала портиться погода. Мы смотрели почти все время наверх. И вдруг... вверх смотреть не надо. Володя Балыбердин — он первым достиг вершины — начал доставать кинокамеру. Я прошел мимо него и опустился на снег. Все! Дальше пути нет! Наконец-то можно и посидеть. Меня часто спрашивают, что я ощутил, когда ступил на вершину. Я до сих пор никак не могу найти нужных слов, чтобы правильно описать состояние, которое испытал, оказавшись на вершине. Я ощутил какую-то своеобразную радость, но эмоционально она была не яркой. Скорее я почувствовал облегчение. Главное — задача выполнена: наконец-то советские люди поднялись на «третий полюс» планеты. Теперь надо благополучно спуститься, чтобы радость победы советского спорта не была омрачена... Вершина — небольшая заснеженная площадка, на которой могут поместиться человек пять-шесть. С нее открывается прекрасный вид. Над головой темно-синий купол неба, а вокруг необыкновенный простор. Когда разрывало облака, мы видели Непал, зеленовато-рыжее Тибетское нагорье. Внизу простирались полупустыни, ледники. Взгляд подолгу задерживался на знакомых по фотографиям восьмитысячниках: Макалу, Чо-Ойю, совсем рядом Лхоцзе, которые будут манить к себе еще не одну экспедицию.

Однако надо было идти вниз. Через два часа начнет темнеть. Кислород был на исходе, да и силы тоже. Привязав пустой кислородный баллон к верхушке треноги, установленной китайскими альпинистами в 1975

году, они покинули вершину в 15 часов 15 минут. Шел снег. Скалы становились все более и более скользкими. Спуск всегда сложнее подъема, а тут они двигались из последних сил, ведь запас энергии был почти полностью израсходован за семь дней тяжелой работы на большой высоте и во время заключительного штурма, длившегося полный рабочий день — восемь часов.

Известие о том, что первые советские альпинисты покорили Эверест, привело всех в базовом лагере в восторг, но вскоре радостное настроение сменилось крайним напряжением: они прислушивались к каждому разряду в постоянно включенной рации. Все понимали, что на высоте почти 9000 метров каждый шаг восходителей сопряжен со смертельной опасностью. И не только на такой высоте, но и на протяжении всего спуска. Именно в день победы Мысловского и Балыбердина из базового лагеря на штурм Эвереста вышли Юрий Голодов и Алексей Москальцов — первая двойка последней, четвертой группы, которую возглавил Валерий Хомутов. Они шли на вершину, но на высоте 5700 метров при переходе трещины по мосту, составленному из двух лестниц, Москальцов оступился. Он попытался удержаться за перильную веревку, но фирновый крюк не выдержал нагрузки, и альпинист пролетел 16 метров, пока его не задержала снежная пробка. В результате он получил черепно-мозговую травму, множественные ушибы. Но из трещины Алексей выбрался практически сам. Как сообщил в базовый лагерь Юрий Голодов, он «его только подтягивал на веревке». На помощь Голодову поспешили врач Свет Орловский, Леонид Трощиненко, а также вторая связка четверки — Владимир Пучков и Валерий Хомутов. Сначала Москальцова несли в базовый лагерь на станке от рюкзака, а затем, когда подошли шерпы, — уже на носилках. Правый глаз Алексея — левый скрывала огромная гематома — был полон слез. Он плакал отнюдь не от боли — Алексей прощался с мечтой. На следующий день группа Хомутова все-таки пошла на штурм Эвереста. Но уже тройкой, без Москальцова...

Между тем прошло уже полтора часа после начала спуска Мысловского и Балыбердина с вершины, а от них все не было никаких вестей. И вот около 17 часов в пятом лагере, куда поднялась четверка Валентина Иванова, в рации послышался изменившийся до неузнаваемости отрывистый и слабый голос Балыбердина:

— Думаю, что до пятого лагеря мы не спустимся... Хотя бы вышли... навстречу... с кислородом, что ли... потому что... исключительно медленно все происходит... Если есть возможность... горячий чай... и что-нибудь поесть...

— Хорошо, сейчас что-нибудь сообразим,— последовал ответ Иванова.— Где вы сейчас? Как ты, Володя, оцениваешь? На сколько вы отошли от вершины?

— Мне кажется, мы на высоте восемь тысяч восьмисот метров,— ответил Балыбердин.

8800! После таких слов уговаривать ребят из четверки Иванова уже было не нужно. За два часа Мысловскому и Балыбердину удалось спуститься только на 50 метров! Это все равно что передвигаться на равнине со скоростью одного шага в минуту. Можно было лишь догадываться, какую степень истощения получили восходители из-за чрезмерной физической и психической нагрузки, кислородной недостаточности и невыносимого холода. Альпинистам грозила холодная ночевка. А что это такое, всем было хорошо известно. Тем более Валентину Иванову, которому вместе с Мысловским не раз приходилось попадать в критические ситуации. Но тогда были силы, запас энергии. А у недавно штурмовавшей вершину двойки они были на исходе.

Сергей Бершов и Михаил Туркевич натянули аноракки — идти предстояло им. Было около 18 часов. Прихватив с собой по три баллона с кислородом, кошки для Мысловского, маску и редуктор для Балыбердина, карманное питание, спрятав под пуховку фляги, наполненные горячим компотом, а также медикаменты, они поспешили наверх — оставалось слишком мало времени до наступления сумерек. Сергей Ефимов успел сунуть Туркевичу еще и фонарик.

Они старались идти как можно быстрее. Рацию Михаил Туркевич вложил в наружный карман ветрозащитной куртки, все время она была в рабочем положении. Антенна торчала перед глазами и мешала ему карабкаться по крутым скалам. Погода все ухудшалась, пошел сильный снег, стемнело. Часа через полтора Михаил услышал звук падающего кислородного баллона. Все. Мысловский остался без кислорода. Во время очередного сеанса связи Туркевич и Бершов просили выбившихся из сил товарищей продолжать спуск, хотя бы как-то передвигаться, иначе катастрофы не избежать.

В лунном свете скалы преображались, все труднее было ориентироваться на местности, правильно определять расстояние. Больше всего Бершов и Туркевич боялись разминуться с первой двойкой. При подходе к предполагаемому месту встречи они сняли маски и начали громко звать товарищей, но горное эхо не приносило ответа. Только в 9 часов вечера они наконец-то увидели Мысловского и Балыбердина, которые уже не могли двигаться. Они остановились и ждали помощи. Эдуард последние полтора часа шел без кислорода, но на вопрос, как он себя чувствует, бросил:

— Нормально.

Чехол из-под палатки, который Мысловский использовал вместо рюкзака, до половины был набит сувенирами — камнями с Эвереста. Даже в такой критической ситуации он их не бросил. Балыбердин оставил свой рюкзак, а также кошки под вершиной во время спуска. Они шли в вибране — высокогорных ботинках на рифленой резиновой подошве. Уму непостижимо, как они шагали в вибране по скользким заснеженным скалам, да еще в темноте. В руках Балыбердин держал трофейный молоток. Ледоруб он уронил при подъеме.

Туркевич и Бершов сразу же начали подсоединять кислород — сначала Мысловскому, а затем Балыбердину, привязав последнему баллон веревкой через плечо. Кошки Сергея Ефимова, которые принес с собой Туркевич, и Мысловский и Балыбердин категорически отказались надевать — ведь второй пары не было, и каждый из них не захотел оказаться в привилегированном положении. Перекусив и немного подышав кислородом, ребята приободрились, стали нормально разговаривать. Убедившись, что они могут идти, Бершов и Туркевич осторожно стали задавать вопросы о пути к вершине. Мысловский и Балыбердин догадались, что их товарищи собираются использовать последний шанс.

— Вы сами можете идти? Мы хотим пойти наверх, а потом догоним вас и вместе спустимся в пятый лагерь, — сказал Сергей Бершов.

Для Бершова и Туркевича это был единственный шанс подняться на вершину, которая находилась совсем рядом. В противном случае после спуска они оказались бы в самом конце очереди на восхождение, и тогда возможность побывать на вершине равна нулю. Это понимали все, поэтому упрашивать ни Мысловского, ни Балыбердина им не пришлось. Альпинисты тут же свя-

зались с базовым лагерем, попросили разрешения на восхождение, но в ответ слышали категорическое «нет». После уговоров и заверений, что кислорода у них достаточно — по триста атмосфер на каждого, Евгений Игоревич дал добро.

Пожелав друг другу удачи, они расстались. Бершов и Туркевич пошли наверх, а Мысловский и Балыбердин — вниз. По обе стороны пути зияла пропасть. Мысловскому и Балыбердину приходилось страховать каждый шаг, чтобы не сорваться. Они шли все медленнее и медленнее, иногда останавливались. Временами им казалось, что надо присесть и больше не двигаться. И тогда сразу станет хорошо, тепло, спокойно, и ничего больше не надо. Чтобы отогнать эти мысли, Мысловский вспоминал друзей, оставшихся в базовом лагере, представлял, как они внизу волнуются за них, и продолжал упорно ползти вниз. Пошел мелкий снежок, припорошивая отполированные ветром плиты. Дальше идти стало невозможно: скалы совсем обледенели. На безопасном месте у крутого спуска они решили дождаться ребят. Время для них остановилось. Мыслей не было, наступило какое-то оцепенение. Они сидели молча и ждали.

На подъем до вершины Бершов и Туркевич затратили всего около часа. В 10 часов 25 минут вечера Михаил Туркевич, оседлав узкий снежный гребень, вогнал айсбаль и стал подбирать веревку, которая свободно шла от Сергея Бершова.

— Миша! Да ведь это Эверест!

— Все! — заулыбался под маской Туркевич.

Они жали друг другу руки, никак не могли поверить, что стоят на самой высокой точке планеты. Как потом скажет Михаил Туркевич, не было у них «полного ощущения свершившегося, все получилось слишком неожиданно и быстро». В свете луны восходители пытались даже сфотографировать друг друга, но «Роллей» Бершова безнадежно замерз, а «Смена» хотя и работала на таком морозе (правда, чехол из кожзаменителя рассыпался словно стеклянный) безотказно, однако чувствительности пленки не хватило. Оставив на вершине значки и вымпелы, а также очередной пустой баллон, они, сняв кислородные маски и подышав воздухом Эвереста, в 11 часов вечера начали спуск. Ветрозащитные куртки покрылись блестящей коркой льда, а на груди от вытекающего из маски конденсата образовались ледяные щиты. Мороз был такой сильный, что даже вски смер-

зались. Они не надели светозащитные очки, так как передвигались в темноте. По пути прихватили кошки, оставленные Балыбердиным.

Минут через сорок внизу они заметили Мысловского и Балыбердина и около полуночи подошли к ним. Теперь восходители стали двигаться вместе. Бершов и Туркевич старались всячески страховать вконец истощенных товарищей. Ночной спуск по скользким, заснеженным скалам оказался невероятно трудным и опасным, но они были все вместе, и на душе стало спокойнее, появилась уверенность, что спуск пройдет благополучно.

Между тем мороз крепчал, порывы ветра становились сильнее. А тут еще и луна зашла за облака. В половине второго ночи альпинисты спустились по скальной стене и начали выбирать место, где можно было бы надеть Мысловскому и Балыбердину кошки, ведь они по-прежнему шли в вибране. Неожиданно Мысловский резко сел на камень и сказал, что здесь ему очень хорошо и с места он больше не сдвинется. Бершов посмотрел на манометр: кончился кислород. Сергей отдал ему свой баллон. Пока Бершов подсоединял патрубки, Туркевич надел кошки Мысловскому и Балыбердину.

Изнурительный спуск проходил медленно. Туркевич и Бершов натягивали между собой сорокапятиметровую перильную веревку. Мысловский и Балыбердин, пристегнувшись к ней и держась за нее, медленно шли вниз. Затем вновь работали Михаил и Сергей, и опять все повторялось сначала. Спускались в полной темноте. Не было видно не только куда ставить ногу, но даже и самих ног. Туркевич (он шел впереди) временами подсвечивал затухающим лучом фонарика и чуть ли не на ощупь находил правильный путь. Наконец-то стало светать.

Заканчивался двадцать третий час штурмового выхода Мысловского и Балыбердина — двадцать третий час непрерывной тяжелейшей работы, без сна и отдыха. До пятого лагеря оставалось совсем немного — всего около 100 метров. Владимир Балыбердин потом писал, что близость финиша буквально доконала его. «Спало нервное напряжение, на котором только и шел. Плелся, присаживаясь в снег через каждые 10—20 метров... Пожалуй, никогда за всю альпинистскую карьеру я не был так близко к концу...»

Валентин Иванов и Сергей Ефимов, которые в это

время находились в пятом лагере, стали беспокоиться. Прошло уже более одиннадцати часов, как вышли на помощь Бершов и Туркевич. Даже «Маяк» успел передать сообщение о штурме Эвереста Балыбердиным и Мысловским. И вот в 5 часов 30 минут утра у палатки послышались голоса. Ефимов высунул голову из палатки и крикнул:

— Как там ребята?

— Да вон, идут,— ответил Сергей Бершов, который подошел к лагерю первым.

— Вы поднялись на вершину?

— Да!

На радостях Ефимов втащил Бершова за голову в палатку. Посыпались поздравления. Помогли забраться в палатку Мысловскому и Балыбердину. В двухместной палатке теперь оказалось шесть человек. Валентин Иванов и Сергей Ефимов начали собираться на штурм Эвереста. Несмотря на трудную ночь, проведенную без кислорода, они горели желанием достигнуть заветной цели.

Мысловский и Балыбердин были невероятно измучены и утомлены. Говорили невнятно. Они настолько замерзли, что сами раздеться не могли. Их напоили горячим чаем. У Мысловского пальцы на обеих руках были иссиня-черными, негнушимися. Уже тогда Туркевичу стало ясно, что, вероятно, Эдуарду не удастся избежать ампутации. Непривычно видеть такую руку — не верилось, что она принадлежит живому человеку. Балыбердин тоже обморозил пальцы на руках и на ногах, но степень обморожения была значительно меньше.

Связались с базовым лагерем. По радиации Свет Орловский сообщил, какую помощь необходимо оказать пострадавшим. Обоим дали таблетки кампламина и трентала, а Мысловскому сделали еще и инъекцию гидрокортизона. Легли спать. Но уже через два часа надо было вставать. Мысловского и Балыбердина подняли с большим трудом. После невероятно трудного рабочего дня, продолжавшегося в общей сложности 23 часа 15 минут, они отдыхали всего два часа. Но им необходимо было спешить. Кислорода оставалось мало, надо быстро терять высоту.

— Ребята,— сказал Мысловский,— в тот же день хотели добраться до третьего лагеря и поэтому решили идти, не останавливаясь. Для меня началась растянутая на двое суток пытка болью. У каждого крюка, у каждо-

го узла на веревке мне приходилось перестегивать са-мостраховку. Я прикинул, сколько таких болевых ударов предстоит еще мне испытать. С трудом передвигал ногами. Очень хотелось пить — давали знать обморожен-ные руки и уколы, которые заботливо делал три раза в день Сережа Бершов. Когда мы спустились в четвер-тый лагерь, я — перед глазами стоял предстоящий кру-той спуск — сказал ребятам, что никуда дальше не пой-ду, пока не выпью чаю и не засну хотя бы минут на пятнадцать. Я лег, уткнувшись лицом в рюкзак, и словно провалился. Когда проснулся, в лагере никого уже не было: все двинулись в путь. Долго провозился, привязывая кошки. Пальцы сводила боль.

Мысловскому нестерпимо хотелось спать. И не толь-ко потому, что за последние 32 часа изнурительной работы на большой высоте он отдыхал всего два часа. Сильное обморожение, начавшееся омертвление тканей на пальцах рук еще более усиливало состояние сонли-вости, временами он впадал в забытие. В результате длительного пребывания на большой высоте развивается также высотная детериорация — ухудшается само-чувствие, развивается апатия.

А в это время Валентин Иванов и Сергей Ефимов приближались к вершине. На их пути вставали скаль-ные стенки с засыпанными снегом полками, острые гребни, крутые снежники и снова стенки. Вместе с ни-ми поднималась и густая облачность. Вот и вершина. Они смотрели друг на друга, на выглядывающий из-под снега металлический штырь с прикрепленными к нему вымпелами альпклуба «Донбасс» и ЦС «Авангард», на два привязанных пустых баллона, на возвышающиеся из-под плотных облаков высокие вершины. Валентин Иванов и Сергей Ефимов стали пятым и шестым совет-скими альпинистами, побывавшими на вершине Эве-реста.

По дороге из четвертого лагеря в третий Мыслов-ский решил немного отдохнуть и заодно поправить сбившуюся набок кислородную маску. Пальцы в пер-чатке не шевелились. Он с трудом снял ее, но негну-щиеся пальцы не удержали перчатку, и она пропала из виду. Запасной не было — все улетело в пропасть вме-сте с рюкзаком на том же самом месте. Мысловский понимал, что единственное спасение — это продолжать спуск. Без перчатки, в рваной рукавице, но идти надо. И он шел. Мучительная пытка продолжалась.

«Где же предел человеческих возможностей? — задавался вопросом Е. И. Тамм.— Для Эдика эти два длинных дня стали испытанием духа и воли. Руки обморожены. Кончики пальцев почернели, местами на них лопнула кожа. Они болели сами по себе... А надо было спускаться по сложным и крутым скалам, пользуясь непрерывной „цепочкой“ веревочных перил. Четыре километра веревок, на каждые 50 метров приходится минимум по три крюка, то есть минимум три раза надо этими руками отстегнуть и вновь пристегнуть страховочный карабин. Все 4 километра необходимо крепко держаться руками за веревку и жумар¹⁶. Все 4 километра — два дня — надо терпеть и терпеть. Никто не мог ему в этом помочь, никто не мог за него (этого он не хотел допустить) перестегиваться и держаться. Только эти его пальцы. Только эта его воля».

На счастье, Мысловскому повстречались Валерий Хрищатый и Казбек Валиев. Они шли на штурм. Казбек Валиев отдал Мысловскому запасные варежки из собачьей шерсти домашней вязки. К третьему лагерю Мысловский подошел уже в темноте. В палатке сразу же заснул. Тридцать шесть часов на высоте более 8000 метров и практически без сна.

На следующий день продолжали спуск. Сергей Бершов старался все время держаться поближе к Мысловскому, отвлекая его от трудностей пути. Балыбердин к тому времени восстановил силы и в посторонней помощи уже не нуждался. Еще через день, 7 мая, в нижней части ледопада Кхумбу восходителей встретили и горячо приветствовали участники экспедиции, доктор, кинооператоры.

Радостная встреча ожидала их и в базовом лагере. Вместе с советскими альпинистами ликовали и шерпы. Все поздравляли не только первопроходцев маршрута — В. Балыбердина и Э. Мысловского, но и С. Бершова и М. Туркевича, совершивших уникальное ночное восхождение на высшую точку планеты, а также обеспечивших благополучный спуск всей четверки.

— Ребята, вы не представляете, что вы сделали! — сказал за обедом Евгений Игоревич Тамм Бершову и Туркевичу — ангелам-хранителям первой двойки.

— Самое трудное у нас осталось позади, — продол-

¹⁶ Жумар — специальное кулачковое приспособление (зажим) для облегчения подъема по закрепленной веревке.

жал свой рассказ Мысловский.— Когда я спустился со скал на ровное место перед первым лагерем, остановился, сел на камень лицом к горе и вдруг понял: вот и все. Была мечта, я жил с ней многие годы. Существовала гора — самая большая в мире, на которой я не был. Были тайна, путеводная звезда, цель. Были — и нет, и никогда больше всего этого не будет.

Однако штурм Эвереста продолжался. В тот день, 7 мая, в 7 часов 5 минут утра, пятый лагерь покинули Казбек Валиев и Валерий Хрищатый. Однако им удалось добраться только до западного гребня: сильный ураганный ветер вынудил их вернуться в лагерь. В 17 часов, когда ветер немного стих, они предприняли вторую попытку и в 1 час 47 минут в сильнейший мороз достигли вершины, совершив второе ночное восхождение советских спортсменов на Эверест.

Истощенные и обмороженные, Валиев и Хрищатый в 8 часов 30 минут вернулись в пятый лагерь, где их поджидали готовые выйти на штурм Ерванд Ильинский и Сергей Чепнев. По согласованию с тренерским советом экспедиции Е. И. Тамм отдал распоряжение Ильинскому и Чепневу сопровождать крайне уставших — только вторая их попытка длилась почти шестнадцать часов — альпинистов в базовый лагерь. Ильинскому и Чепневу пришлось навсегда расстаться с мечтой подняться на Эверест, который в тот момент был совсем близко. И они, здоровые и сильные, начали спуск, чтобы подстраховать своих товарищей. Как сказал Е. И. Тамм, большой опыт Е. Ильинского и С. Чепнева, хорошее самочувствие на высоте пятого лагеря и огромное стремление к вершине давали шансы на успех, но ответственность за судьбу товарищей и дисциплина стали причиной их победы над собой — может быть, не меньшей, чем над Эверестом.

Казбеку Валиеву удалось избежать осложнений, а Валерий Хрищатый после возвращения в Москву долго пролежал в больнице и все же лишился нескольких фаланг на пальцах ног.

7 мая базовый лагерь получил из Москвы очередную метеосводку. Она не предвещала ничего хорошего: «Район Эвереста будет оставаться во фронтальной зоне с низкими температурами и резким усилением ветра западных направлений на уровнях выше 6000—7000 метров. На высоте вершины скорость ветра — 30—35 метров в секунду. 8—9 мая возможно увеличение

облачности и осадков». Однако тройка Валерия Хомутова, которая вышла из базового лагеря 5 мая, 8 мая была уже на пути к четвертому лагерю.

В тот день по базовому лагерю разнеслась радостная весть: Спорткомитет СССР присвоил звание заслуженного мастера спорта всем, кто участвовал в обработке маршрута на Эверест и в самом восхождении. Находившийся в Катманду представитель Спорткомитета И. А. Калимулин также сообщил Е. И. Тамму, что в связи с ухудшением погоды руководство Спорткомитета приняло решение прекратить штурм вершины.

Между тем тройка Валерия Хомутова продолжала восхождение. Юрий Голодов, Владимир Пучков, Валерий Хомутов шли в хорошем темпе, несмотря на большой груз за плечами: они несли кислородные баллоны, которых в верхних лагерях уже не оставалось. Обе новости — и радостную и печальную — они узнали в четвертом лагере. Выслушав распоряжение Спорткомитета о прекращении штурма, тройка Хомутова приняла свое собственное решение — в тот же день начала подъем в пятый лагерь, куда пришла в 11 часов 30 минут ночи.

На следующий день они проснулись в 5 часов утра. Все в палатке было покрыто инеем — температура минус 10 градусов, а снаружи минус 40. Начались сборы, и, уловив момент в перемене погоды, в 6 часов утра тройка отправилась на штурм. В рюкзаках у них лежали флаги СССР, Непала и ООН, а также пионерский флаг и портрет Николая Рериха.

В 11 часов 30 минут Валерий Хомутов включил рацию:

— База, база, вас вызывает вершина. Группа номер четыре достигла вершины Эвереста!

— Поздравляем вас, дорогие, поздравляем! — слышался в ответ радостный голос Евгения Игоревича.

В базовом лагере переводчик и радист экспедиции Юрий Кононов включил магнитофон и спросил восходителей, что бы они хотели передать с вершины на Родину. Они сказали, что шлют свои поздравления советскому народу, а также народам других стран, боровшимся с фашизмом, с Днем Победы. И добавили, что этому празднику они посвятили свое восхождение на Эверест.

Штурм Эвереста завершен. Одиннадцать советских альпинистов по новому, сложнейшему маршруту, не имея опыта восхождения в Гималаях, в чрезвычайно неблагоприятных погодных условиях сумели подняться

на «третий полюс» планеты. Совершены два ночных восхождения, что является своеобразным рекордом в истории мирового альпинизма.

— Этот успех советских спортсменов окажет влияние на дальнейшее развитие мирового альпинизма,— заявил Эдмунд Хиллари после победы советских альпинистов.— Советская команда продемонстрировала непоколебимое стремление к победе, огромную моральную силу, чувства взаимопомощи, товарищества и единства. Каждый старался сделать для общего успеха все, что зависело от него, оказать помощь другим, даже принести в жертву свой личный успех ради общей труднодоступной цели. Все это достойно восхищения — подчеркнул первопроходец Эвереста.

— Когда я узнал о маршруте по контрфорсу юго-западной стены, то я не поверил,— признался Рейнхольд Месснер в разговоре с советскими альпинистами.

«Массовый психоз», «осознанное самоубийство» — такую запись он сделал накануне восхождения в своем дневнике и поставил 5 против 95, что ни один из советских спортсменов не дойдет до вершины этим путем. Но они поднялись. И не один человек, а одиннадцать!

— Уверен, советские альпинисты сказали свое веское слово в горовосхождениях двадцатого века,— заключил выдающийся альпинист, покоривший почти все восьмитысячники (причем дважды Эверест), побывавший на высочайших вершинах всех континентов и частей света, за исключением пока высочайшей точки Антарктиды.

14 мая начался демонтаж базового лагеря, а 15 мая непальский вертолет эвакуировал в Катманду обморожившихся Мысловского и Хрищатого, а также Москальцова. По прибытии в Москву похudevшего на 16 килограммов Мысловского долго лечили в ожоговом центре Института хирургии имени А. В. Вишневского АМН СССР, но сохранить фаланги пальцев на руках так и не удалось.

— С альпинизмом теперь, наверное, покончено навсегда? — спросил я Мысловского.

— Уже летом следующего, тысяча девятьсот семьдесят третьего года я совершил четыре восхождения. Два раза по одному и тому же маршруту не хожу...

«Потому что он есть»

— Сэр, я открыл высочайшую в мире вершину! — воскликнул, ворвавшись в кабинет начальника топографической службы Индии, весь взмокший от волнения главный вычислитель Радханатх Сикхдар.

Утверждают, что все произошло именно так. Но... как бы ни были велики заслуги Радханатха Сикхдара перед индийской топографической службой, непосредственно подсчетами высоты заснеженных пиков он никогда не занимался. Об этом свидетельствуют его биографические данные.

И что бы ни говорили по этому поводу мнимые свидетели, безусловно одно: пик Эверест, что называется, не открыли в прямом смысле этого слова — он был вычислен за конторским столом. Именно вычислен! Произошло это в 1852 году. Немногим более 130 лет назад. А до этого...

На протяжении ста лет самой высокой вершиной на земном шаре считался потухший вулкан Чимборасо в центральной части экваторских Анд высотой всего 6310 метров. Затем в качестве величайших пиков на земле почитались гималайские вершины. Сначала слава пика номер один снизошла на Дхаулагири (8172 метра), затем на Канченджангу (8598 метров), Макалу (8481 метр) и, наконец, на Гауризанкар (7145 метров).

Действительно, Гауризанкар некоторое время в учебниках и на картах обозначался высочайшим пиком планеты. Корона первой вершины мира была отдана этому семитысячнику по недоразумению. Его долгое время отождествляли с Пиком XV (под таким названием был обозначен будущий Эверест в ходе первых топографических изысканий в Гималаях в 1845—1850 годах). Справедливость восторжествовала лишь в 1903 году, когда было неопровержимо доказано, что Гауризанкар — совсем другая вершина, которой тягаться по высоте с отстоящим от нее на 58 километров к востоку Пиком XV явно не под силу.

Мы не указываем высоту Пика XV, или Эвереста (так в 1856 году была названа эта вершина в честь Джорджа Эвереста, английского полковника, возглавлявшего топографическую службу Индии на протяжении двадцати лет, до 1843 года), далеко не случайно. Ведь до сих пор не прекращаются споры относительно того, на сколько метров Эверест возвышается над зем-

лей от «нулевой отметки». Даже на страницах вполне авторитетных изданий его высота «колеблется» от 8825 до 8888 метров. В результате первых топографических съемок его «средняя», также вычисленная высота составила 8839,8 метра, а к 1902 году, согласно новым вычислениям, он «подрос» на 42,4 метра и достиг высоты 8862,2 метра.

Однако эти вычисления нельзя считать окончательными. Так, в 1955 году был уточнен рост гиганта и названа новая цифра — 8851,23 метра. Хотя этим подсчетам отдают предпочтение многие ученые, все-таки альпинисты и географы чаще всего называют еще одну высоту — 8848 метров. Хотя и эту цифру без особого труда можно оспорить — доказано, что вследствие тектонических и других процессов в природе Эверест постоянно «набирает» высоту, — чтобы не вносить путаницу, мы будем придерживаться цифры 8848 метров.

Кстати, относительно недавно слава Эвереста как высочайшего бастиона чуть было не рухнула. После второй мировой войны пальму первенства неожиданно стала оспаривать вершина Амнэ-Мачин в Западном Китае, причем речь шла о превосходстве не в десятки, а даже в сотни метров.

На этот раз «открытие» сделал не топограф, а... летчик. Американский пилот, пролетая над этим районом, заметил вершину, которая возвышалась над самолетом еще на несколько сотен метров. Бросив взгляд на высотомер, летчик не поверил глазам — стрелка стояла против 9300 метров. Американский журнал «Лайф» в 1949 году организовал даже специальную экспедицию для определения точной высоты новоявленной «супервершины». Однако сенсации суждено было жить недолго. Оказалось, что и такой прибор, как альтиметр, тоже не безгрешен. Результаты исследований показали, что в действительности высота Амнэ-Мачин, претендовавшей на титул единственного на земле девятитысячника, даже менее 6500 метров. Отметка 8848 метров так и осталась непревзойденной.

Как бы цифра 8848 ни впечатляла, она в конечном счете остается пусть и рекордной, но цифрой. Однако за ней стоит самая величайшая вершина, пик очарования, предмет вожделений альпинистов.

С незапамятных времен скрытый за облаками неприступный пик вызывал трепетное поклонение местных жителей, порождал мистические легенды и сказания.

В древнейшем священном тибетском писании он упоминается под названием Му-ти Гу-ти Ча-пу Лонг-нга, что означает «Ты не увидишь вершину пика, находясь у его подножия, но ты сможешь увидеть ее издали, с девяти сторон, а если птица вознамерится пролететь на высоте его вершины, то непременно ослепнет». Не случайно и сейчас тибетцы называют его Джомолунгмой, что в переводе с тибетского означает «Богиня — мать мира», а непальцы — Сагарматхой («Вершина неба» или «Небесная вершина»). Тибетцы и непальцы испокон веков боготворили этот пик, даже не подозревая, что он самый великий на земле.

И по сей день для жителей Гималаев он остается «Вершиной неба» или «Богиней — матерью мира», скорее даже властелином, чем матерью, так как эта вершина не только по-матерински не приласкала никого, но часто в гневе обрушивалась на бросающих ей вызов смельчаков, и тогда альпинистские экспедиции заканчивались трагически.

Весть об открытии в 1852 году «третьего полюса» земли никого не оставила безразличным. Одни удивлялись и восхищались, другие, охваченные страстным желанием познать тайну этого чуда природы, навсегда потеряли покой.

Идея покорить Эверест зародилась еще в 1880 году среди членов альпийского клуба Англии. То, что это произошло именно в Англии, не случайно. В то время, пожалуй, лишь англичане были хоть как-то знакомы с районом Эвереста. План же восхождения был разработан известным знатоком Гималаев английским генералом Чарлзом Брюсом в 1893 году, однако претворить его в жизнь оказалось невозможным: Эверест расположен на границе Непала с Тибетом, куда доступ иностранцам в то время был строжайше запрещен. Так что первая попытка совершить восхождение на Эверест потерпела неудачу отнюдь не по причинам альпинистского характера.

Однако одержимые страстью побывать на вершине пика не сдавались. С идеей подняться на Эверест без предварительной разведки через Тибет выступил в 1905 году Д. Фрешфильд, но и от этого проекта пришлось отказаться по причинам дипломатического характера. Затем в 1913 году рекогносцировочный подход к Эвересту через Северо-Западный Сикким совершила группа Дж. Ноэля. Ей удалось даже проникнуть на

территорию Тибета, но подойти к подножию пика снова оказалось невозможным. Предпринималось еще несколько попыток получить разрешение на экспедицию на Эверест, но все они в конечном счете заканчивались отказом.

И вот 20 декабря 1920 года далай-лама — он был не только духовным главой Тибета — наконец-то дал согласие на экспедицию. И уже осенью 1921 года на Эверест двинулась первая группа альпинистов, которой руководил английский полковник Ч. К. Говард-Бэри. Хотя задачи перед первой экспедицией стояли по нынешним временам довольно скромные — провести альпинистскую разведку и составить обзорную карту района, спортсмены добились знаменательных успехов. 24 сентября ее участники, среди них был и Джордж Мэллори, поднялись на Чанг Ла (Северное седло) через Восточный Ронгбук и наметили путь к вершине по северному ребру и далее по северо-восточному гребню.

Первую экспедицию Эверест не отпустил с миром. На подходах к вершине через Тибет, на высоте 5190 метров, от сердечной недостаточности скончался врач А. М. Келлас. На алтарь «Вершины неба» была возложена первая жертва.

На следующий год, весной, экспедицию снарядил сам Чарлз Брюс. И в этом восхождении участвовал Мэллори. Именно ему и еще двум спортсменам впервые в истории удалось подняться на высоту выше 8000 метров. Они достигли отметки 8235 метров и при этом не пользовались кислородными аппаратами. Затем на штурм Эвереста отправилась вторая штурмовая группа в составе Дж. Финча и Дж. Брюса. Они впервые применили на Эвересте кислородные аппараты и поднялись на высоту 8326 метров. Оставалось всего 522 метра, но они оказались непреодолимыми. 7 июня была предпринята третья попытка, однако на подходе к Северному седлу на группу смельчаков, которых возглавлял опять же Мэллори, обрушилась лавина.

На этот раз Мэллори чудом удалось выйти победителем из смертельной схватки с непокорным колоссом. Но Эверест взял свое: под лавиной погибло семь шерпов.

Весной 1924 года Ч. Брюс вновь начал осаду Эвереста. И снова с севера по Восточному Ронгбукскому леднику через Северное седло. 4 июня Т. Сомервелл достиг высоты 8540 метров, а Е. Нортон установил офи-

циальный мировой рекорд — 8572 метра без помощи кислородных аппаратов, который был побит лишь 29 лет спустя, в 1953 году, да и то с применением кислорода.

Эверест делает еще одну уступку человеку, но какой ценой! В буране погибли два высокогорных носильщика-шерпа, один носильщик-тибетец умер от пневмонии, а другой участник экспедиции — от горной болезни и холода в лагере на леднике Ронгбук. Да и сам руководитель экспедиции Ч. Брюс заболел и вынужден был вернуться.

В списках этой экспедиции вновь значился Дж. Мэллори. Это был третий за последние четыре года вызов Мэллори Эвересту. Ему было уже 38 лет, и он понимал, что четвертой попытки может и не быть. «В третий и последний раз поднимаемся мы по восточному Ронгбукскому леднику, и будь что будет,— писал альпинист, навечно оставшийся в истории покорения Эвереста.

Мэллори со своим товарищем по восхождению Ирвином вышли из шестого лагеря, разбитого на высоте 8174 метра. Когда другой участник экспедиции Н. Оделл, вызвавшийся обеспечивать бросок Мэллори и Ирвина на вершину Эвереста, пришел 8 июня в шестой лагерь, то застал там довольно странную картину. Не только внутри небольшой брезентовой палатки, но и вокруг нее царил полный беспорядок. Повсюду валялись кислородные баллоны, патрубки и разное оборудование. Создавалось впечатление, будто случилось что-то непредвиденное, экстраординарное. Должно быть, что-то заставило альпинистов принять фатальное решение: сейчас или никогда! Вероятно, наспех приведя в порядок кислородные аппараты, побросав все лишнее, они в отчаянии устремились на штурм...

Оделл перерыл весь лагерь, пытаясь найти в хаосе записку Мэллори,— тот всегда оставлял весточку, в которой обычно сообщал, что сделано и что намерен предпринять. Но записки не оказалось. Судя по всему, действительно что-то заставило альпинистов быстро покинуть лагерь. На это указывали и забытые там пирофакелы, которыми можно было бы в случае необходимости подать сигнал бедствия...

В последний раз Оделл видел Мэллори и Ирвина утром 8 июня. Облако, которое плотной завесой закрывало вершину Эвереста, внезапно рассеялось, и Оделл ясно различил две движущиеся на высоте 8662 метра

точки. Через какое-то мгновение пелена вновь поглотила их.

Как ни хотелось Оделле остаться в шестом лагере, чтобы в случае необходимости оказать двум восходителям первую медицинскую помощь, но этого делать было нельзя. Единственная палатка могла вместить не более двух человек, а провести ночь под открытым небом на ледяном ветру — это самоубийство. Оставив на самом видном месте компас Мэллори, который тот накануне забыл в пятом лагере, Оделл спустился в четвертый лагерь, чтобы затем вернуться.

На следующий день, в полдень, Оделл отправился в пятый лагерь. Достаточно было беглого осмотра, чтобы убедиться, что после него туда никто не приходил. Такая же картина была и в шестом лагере. Ничего не тронут, а компас Мэллори по-прежнему лежал на видном месте у входа в зеленую палатку. Мэллори и Ирвин не появлялись ни в пятом, ни в шестом лагере. Прошло уже два дня, стояли сильные морозы с порывистым шквальным ветром и пургой. Так что на их спасение никаких надежд не оставалось...

Но тем не менее Оделл был полон уверенности, что Мэллори и Ирвину удалось покорить Эверест. И, кто знает, может, где-то среди лавин вместе с отважными альпинистами похоронена тайна их успеха, который может оценить сполна лишь альпинист-первопроходец.

Очень хотелось бы разделить уверенность Оделла в победе Мэллори и Ирвина над Эверестом. Но для того чтобы гипотеза стала бесспорным фактом, нужны неопровержимые доказательства. Альпинистов было всего двое, и ни одного из них Эверест не отпустил со своего склона. А посему пролить свет на истинный ход событий могут лишь их личные вещи...

И вот рано утром 30 мая 1933 года участник английской экспедиции Уин Харрис увидел на высоте 8450 метров ледоруб. Он лежал на гладкой скальной плите у ног альпиниста. На блестящей стальной головке ледоруба отчетливо была видна выбитая надпись «Иллич из Тача». У Харриса учащенно забилося сердце: ведь именно такие ледорубы были у Мэллори и Ирвина.

Но как ледоруб попал туда? Если его обронили, то он не смог бы удержаться на гладкой, почти отполированной поверхности. Следовательно, его кто-то положил. Вероятно, Мэллори и Ирвин шли в связке. Один

из них оступился и потянул за собой другого, а тот попытался как-то зацепиться, чтобы приостановить падение. Видимо, снег был недостаточно глубоким, чтобы упереться ногами. Не оказалось льда, в который можно было бы зарубить ледоруб. Судя по всему, пришлось положить его рядом, чтобы высвободить руки и попытаться удержать веревку. В практике альпинизма такое не редкость. Но сил явно не хватило, и...

Прочитав эти строки, скептик явно пожмет плечами: найденный ледоруб еще не свидетельствует о том, что Мэллори и Ирвин побывали на вершине Эвереста, ведь несчастный случай мог произойти и во время подъема. И это, конечно, исключать нельзя. Однако трудно поверить, что с такими опытными альпинистами, как Мэллори и Ирвин, мог произойти несчастный случай в таких относительно несложных условиях: ведь Оделл в поисках Мэллори и Ирвина в одиночку дважды поднимался на высоту 8230 метров. Так что можно предположить, что катастрофа произошла при спуске. И если рассчитать график восхождения Мэллори и Ирвина, то спуск должен был происходить ночью, когда, чтобы не потерять друг друга в кромешной темноте, связка просто необходима. А спускаться пришлось буквально на ощупь, по наитию — компас-то Мэллори забыл в пятом лагере. В такой ситуации любая случайность могла оказаться роковой. Тогда... найденный ледоруб может служить ключом к разгадке восхождения Мэллори и Ирвина.

Вот уже более шести десятилетий альпинистский мир будоражит вопрос: был ли Эверест покорен Мэллори и Ирвином в июне 1924 года? Споры вокруг этого разгорелись с новой силой после того, как стало известно, что китайский альпинист Уанг Хонгбяо видел «тело англичанина» на высоте 8100 метров. Уанг Хонгбяо — участник китайской экспедиции на Эверест в мае 1975 года — входил в первую штурмовую группу, которой так и не удалось добраться до вершины. О своей «находке» Уанг Хонгбяо рассказал в октябре 1979 года японскому спортсмену Хасегава на северном склоне Эвереста во время рекогносцировочной экспедиции, в которой он был проводником. К сожалению, японский альпинист не знал китайского языка, а китайский — японского. Однако из красноречивых жестов, схематических рисунков и цифр, начертанных ледорубом на снегу, Хасегава понял, что Уанг Хонгбяо видел

«тело англичанина» за камнями. «Вместо щек у неизвестного альпиниста зияли дыры, рот был приоткрыт, а одежда настолько истлела, что при прикосновении превращалась в труху». Никаких других подробностей Хасегаве не удалось выяснить. На следующий день обрушилась лавина. Уанг Хонгбяо и еще один китайский альпинист погибли и унесли с собой тайну, сам Хасегава отделался пятью сломанными ребрами.

Судьба Мэллори и Ирвина не оставляет равнодушными их товарищей по спорту и сегодня. Да и как забыть Джорджа Мэллори — ведь именно ему принадлежит уже ставшая крылатой фраза:

— Хочу покорить Эверест, потому что он есть!

Альпинисты, наши современники, до сих пор пытаются найти следы экспедиции Мэллори и Ирвина. Они надеются на удачу — вдруг им повезет и удастся найти фотоаппарат. Эксперты уверены, что светочувствительный материал все еще можно обработать, и тогда...

Семь жертв во время экспедиции 1922 года и гибель Мэллори и Ирвина в 1924 году заставили далай-ламу наложить табу на дальнейшие восхождения на Эверест. Запрет был обоснован следующим: «Вторжение человека в обитель богов, живущих на вершине пика, беспокоит и раздражает их».

Разрешение на очередную экспедицию было получено лишь спустя девять лет. Группа английских альпинистов, снаряженная в 1933 году Г. Раттледжем, не добилась выдающихся успехов, не считая находки ледоруба, о котором шла речь выше.

Правда, чтобы быть точным, следует добавить, что в том же году Эверест был побежден, но с помощью... самолета. Гибель восходителей на склоне пика (три экспедиции — четырнадцать смертей) с еще большей силой приковала внимание к Эвересту. Кто знает, может, и вправду на нем живут боги, которые строго охраняют свою обитель. И вот человек призвал на помощь технику. Первая авиаэкспедиция на Эверест состоялась 3 апреля 1933 года. Самолет взял старт из города Пурния (Бихар), облетел вершину пика и вернулся. Полет был повторен 19 апреля. Миф о гневных богах напрочь был развеян. Конечно, человек может тягаться с Эверестом, но шутить с ним нельзя: любая фамильярность наказывается слишком строго.

Так, весной 1934 года англичанин М. Уилсон решил посадить самолет на склоне Эвереста, как можно бли-

же к вершине, и затем подняться до нее пешком. Он даже вылетел из Англии, но самолет был перехвачен в Каире. Тогда он предпринимает первую в истории попытку покорить Эверест в одиночку. Замаскировавшись под местного жителя, он тайно проник в Тибет и нанял там трех носильщиков. Но те, убедившись в полной безрассудности этой авантюры, отказались сопровождать его при восхождении. М. Уилсон пошел один и даже добрался до высоты 6400 метров, где разбил третий лагерь, которому суждено было стать для него последним. 29 мая он покинул состоявший из одной палатки лагерь, направился в сторону Северного седла и... погиб от холода и истощения. Тело М. Уилсона и дневники были найдены неподалеку от его лагеря год спустя экспедицией Э. Шилтона. Группе Э. Шилтона удалось тогда подняться лишь до Северного седла, куда она добралась 12 июля. К тому времени наступил муссон, и усилилась угроза лавин. Пришлось все-таки отступить.

В 1936 и 1938 годах были предприняты еще две экспедиции. И опять безуспешно. В 1947 году, тринадцать лет спустя после попытки М. Уилсона, одиночное восхождение предпринял канадец Е. Денман. Его сопровождали два шерпа, один из них — будущий первопроходец Эвереста Норгей Тенцинг. Однако Денману не удалось добраться даже до Северного седла.

В 1950 году открывается совершенно новая страница саги об Эвересте. Непал гостеприимно распахнул двери для иностранных альпинистов. Проведена первая рекогносцировка подхода к вершине со стороны Непала. Англичанин Г. Тильман (он возглавлял экспедицию в 1938 году) вместе с сыном руководителя группы американских альпинистов Ч. Хаустоном достигли ледника Кхумбу (5400 метров).

Весной 1951 года снова в единоборство с вершиной вступает датчанин К. Бекер-Ларсен. Но и эта попытка закончилась неудачей. Он не достиг даже Северного седла.

Осенью того же года экспедицию на Эверест организовал Эрик Шилтон. Ей не удалось добраться до вершины, но ее результаты трудно переоценить. Именно ей в ходе рекогносцировочных работ удалось определить в принципе проходимый маршрут на вершину Эвереста с непальской стороны. И не случайно после отчета Э. Шилтона в Англии началась лихорадочная под-

готовка к большой экспедиции. Однако ее удалось осуществить лишь в 1953 году.

Нарушив «монополию» английских альпинистов на Эверест, в дело покорения пика включились швейцарцы. Им удалось раньше англичан забронировать у непальского правительства право восхождения в 1952 году. А на предложение швейцарцев организовать совместную экспедицию англичане ответили отказом.

28 мая швейцарец Р. Ламбер в связке с Норгеем Тенцингом достигли высоты 8500 метров. До вершины оставалось буквально рукой подать, но плохая погода и истощение сил вынудили альпинистов отступить.

Осенью они снова оказались на склоне Эвереста. Сначала особых проблем у них не было, но 31 октября при подъеме к Южному седлу произошел ледовый обвал, в результате чего один шерп погиб, а трое были ранены. 19 ноября Р. Ламбер, Э. Рейсс и Норгей Тенцинг достигли высоты 8100 метров, однако сорокапятиградусный мороз и ураганный ветер вынудили их повернуть. Вконец измученные, альпинисты спустились вниз. Пожалуй, обиднее всего было Тенцингу: шестая попытка его покорить Эверест закончилась неудачей. Обидно, что произошло это после преодоления границы «зоны смерти», которая, по широко бытовавшему в то время мнению, пролегла на высоте 8000 метров.

Конечно, Норгей Тенцинг — простой шерп из затерявшегося в Гималаях селения Солу-Кхумбу — не мог тогда и предполагать, что всего через каких-нибудь шесть месяцев и десять дней ему посчастливится посмотреть на мир с вершины Эвереста.

Мечта шерпа осуществилась 29 мая 1953 года, в 11 часов 30 минут: он и Эдмунд Хиллари стояли на вершине Эвереста. Однако после их успешного восхождения страсти вокруг высочайшего пика не только не утихли, но все более разгорались. Это вполне понятно: каждый альпинист мечтает побывать там.

«Горы покорить нельзя...»

«Горы покорить нельзя — они лишь позволяют людям подниматься на их вершины», — пришли на память мне слова известного альпиниста Э. Шиптона, когда весной 1977 года Кейт Вудфорд, руководитель новозеландской экспедиции перед восхождением заявил:

— Экспедиция на Эверест — это скорее не риск, а приключение.

Высказаны два противоположных суждения, да и авторы их, судя по всему, люди разные. Первый — убеленный сединами человек, оставивший неизгладимый след в истории альпинизма. Он доказал принципиальную возможность подъема на Эверест по маршруту, по которому впоследствии новозеландцу Эдмунду Хиллари и шерпу Норгею Тенцингу удалось добраться до вершины 8848-метрового, закованного в ледяной панцирь бастиона. Второй — в то время двадцатидевятилетний альпинист, получивший известность в 1977 году, да и то лишь потому, что возглавил экспедицию на величайшую вершину мира. Роднило их, пожалуй, только одно: ни тому, ни другому не удалось побывать на вершине Эвереста.

После Эдмунда Хиллари и Норгея Тенцинга Эверест позволил добраться до своей вершины еще более 160 альпинистам из различных стран мира. 16 мая 1975 года на Эверест впервые в истории поднялась женщина — японка Юнко Табей.

По традиции, достигнув вершины, спортсмены обычно укрепляют на Эвересте флаги — своей страны, Непала и ООН. Сейчас небольшая площадка на его вершине могла бы представлять волнующее зрелище. На узкой полоске шириной в один и длиной в семь метров развивались бы флаги многих стран мира. Однако такого не произошло. В конце мая 1975 года на Эверест поднялись альпинисты КНР. Вслед за ними восхождение совершили английские спортсмены, и их взору предстала абсолютно голая площадка с единственным, накрепко укрепленным на трехметровой треноге флагом КНР. Именно к этой треноге осенью 1976 года участник американской экспедиции Крис Чандлер (он погиб в начале 1985 года при восхождении на восьмидесяти тысячник Канченджангу) привязал шарфик — подарок невесты. По стечению обстоятельств американским спортсменам так и не удалось на вершине установить флаг своей страны, хотя их экспедиция была посвящена двухсотлетию независимости США.

Завершающий штурм вершины вели Крис Чандлер и Боб Кормак, а также шерп Анг Фурба. Однако последнему, в рюкзаке которого находились флаги США и Непала, не суждено было добраться до вершины: примерно метрах в двухстах от заветной цели отказал

кислородный аппарат, и Анг был вынужден вернуться назад. Анга Фурба потрясла неудача — третья попытка покорить вершину снова закончилась провалом.

Ангу Фурба было тем обиднее, что во время этого восхождения шерпы не только выполняли роль высотных носильщиков, но и прокладывали американцам путь к вершине. Обычно впереди идут альпинисты, а за ними вслед двигаются шерпы (они несут оборудование и снаряжение). Во время этого подъема все было наоборот: именно шерпы прокладывали путь, подыскивали площадки и разбивали лагерь, а потом «на готовенькое» приходили американские спортсмены. Когда Анг Фурба спустился в базовый лагерь, на глазах у него блестели слезы.

Сейчас, когда на Эвересте побывало довольно много альпинистов, не всем покажется понятной трагедия Анга Фурба. В последнее время все чаще некоторые далекие от альпинизма люди утверждают, что Эверест не такая уж трудная вершина, а восхождение на нее — лишь увеселительная прогулка искателей острых ощущений. Тем более что там даже побывали женщины... и на Эвересте уже катаются на лыжах.

Правда, эти «знатоки» совершенно забывают о том, что первой женщине — Юнко Табей — удалось добраться до вершины исключительно благодаря помощи шерпа Анга Церинга. А Ханнелору Шмац (ФРГ), четвертую в мире альпинистку, побывавшую на вершине Эвереста, исполн не отпустил со своих склонов. Она скончалась при спуске от переохлаждения и истощения после холодной ночевки на высоте 8200 метров. Японский лыжник Юиси Миура ради рекламы и денег пытался спуститься по склону Эвереста (к тому же не с его вершины).

Он остался жив только благодаря счастливой случайности: если бы не парашют, который погасил скорость движения по ледяному панцирю, этот трюк закончился бы для спортсмена трагически еще на первом километре.

В 1976 году правительству Непала пришлось рассмотреть заявку на восхождение от... священника Розенфорда из США. Этот святой отец, находясь далеко не в юношеском возрасте, воспыал желанием покорить Эверест, да еще поставил условие, что он будет штурмовать пик в гордом одиночестве. Пожалуй, это не лучший способ вознестись на небо. Правительство Не-

пала по чисто гуманным соображениям отклонило столь сумасбродную заявку.

К сожалению, иногда к проблеме покорения Эвереста относятся без должного уважения даже сами альпинисты, о чем свидетельствует уже приведенное выше высказывание Кейта Вудфорда. Сам поход новозеландских спортсменов на вершину Эвереста весной 1977 года, который возглавил Кейт Вудфорд, свидетельствует об обратном.

Дело в том, что новозеландские спортсмены еще в 1973 году решили предпринять экспедицию на Эверест. Они попросили на это разрешение у непальского правительства, а тем временем сами собирали средства, необходимые для проведения большой экспедиции. Однако их надежды не оправдались, денег было мало. Чтобы не упустить случая, альпинисты решили впервые в истории покорить высочайший пик альпийским стилем восхождения.

До сих пор на Эверест снаряжались технически хорошо оснащенные, многочисленные экспедиции. Так, в уже известную нам американскую экспедицию входило 12 альпинистов и 36 опытных шерпов для заброски снаряжения в высотные лагеря. Как уже говорилось, вклад шерпов в успех экспедиции оказался огромным. Кроме того, чтобы доставить оборудование и снаряжение экспедиции в базовый лагерь, который был разбит на высоте 5486 метров, американцы наняли целую армию обыкновенных носильщиков. Однако после восхождения они все-таки утверждали, что были «стеснены в средствах». Правда, можно привести примеры несравненно более «пышных» экспедиций. Так, итальянских альпинистов, которые покоряли Эверест весной 1973 года, обслуживали даже вертолеты.

Новозеландцы, как известно, вынуждены были уповать лишь на свои силы. Единственное, что они могли себе позволить,— это нанять восемьдесят носильщиков для переброски снаряжения в базовый лагерь. Иными словами, новозеландские спортсмены стали как бы по неволе пионерами в области применения альпийского метода при восхождении на Эверест.

Альпийский стиль восхождения зародился в швейцарских и французских Альпах, а затем снискал себе популярность в других горах Европы и в Америке. Однако этот стиль, считающийся удачным для относительно невысоких пиков, никогда не применялся в не-

пальских Гималаях. Он, в частности, отвергает традиционное участие в экспедициях на Гималаи носильщиков: спортсмены сами в составе небольших групп прокладывают путь и доставляют снаряжение из одного высотного лагеря в другой.

В состав новозеландской экспедиции на Эверест входило всего восемь альпинистов, то есть намного меньше, чем в предыдущих походах. Среди них никто в прошлом не поднимался выше 7000 метров над уровнем моря и ни разу не принимал участия в экспедициях в непальских Гималаях. Спортсмены предполагали разбить пять высотных лагерей, а не шесть, как обычно, причем они хотели это сделать без помощи надежных и проверенных шерпов. Единственное, в чем они, пожалуй, не проявили духа новаторства, так это в маршруте. Новозеландцы избрали для штурма традиционный маршрут по юго-восточному гребню, по которому впервые в 1953 году покорили Эверест Э. Хиллари и Тенцинг Норгей.

Сначала продвижение шло завидными темпами. 20 марта альпинисты разбили базовый лагерь на высоте 5400 метров, а 29-го числа того же месяца были уже на высоте 6160 метров, где организовали второй высотный лагерь.

Весной 1976 года восхождение на Эверест традиционным методом совершала совместная непало-английская экспедиция в составе 34 альпинистов. Второй лагерь они разбили 3 апреля (базовый лагерь совместной экспедиции был организован на четыре дня позже по сравнению с новозеландской) на высоте 5944 метра.

Таким образом, темпы, с которыми двигались две экспедиции, оказались практически одинаковыми. В непальской столице стали уже поговаривать, будто альпийский стиль восхождения завоевывает право на постоянную прописку.

Когда второй лагерь остался позади, погода резко испортилась, и тут же сказались отсутствие помощников-шерпов. Альпинисты с трудом продвигались вперед. Им мешали резкие порывы ветра и сильный мороз. На бросок из третьего лагеря в четвертый (их разделяли 158 метров) обессиленные альпинисты потратили пятнадцать дней. Наконец 25 апреля новозеландцы разбили пятый лагерь, который по их плану должен был стать последним — штурмовым.

Пятый лагерь установили на высоте 7561 метр, в то время как даже при восхождении с установкой шести

промежуточных лагерей пятый лагерь обычно разбивался на высоте 8000 метров, а шестой — штурмовой — обычно на высоте 8200—8400 метров. Слова Кейта Вудфорда, сказанные им перед восхождением, о том, что на склоне Эвереста будет разбито пять лагерей, оказались пророческими. Пятый лагерь действительно стал для них последним. 15 мая, находясь на высоте 7986 метров, альпинисты приняли решение прекратить подъем. Смертельно уставшие спортсмены не в силах были больше бороться с ветром и морозом.

Первая попытка применить при восхождении на Эверест альпийский стиль восхождения закончилась неудачей. Нельзя утверждать, что альпийский метод здесь вообще неприемлем. Первый блин всегда комом. Мнение, что покорение Эвереста малыми силами все-таки возможно, разделяет первопроходец Эдмунд Хиллари. По-прежнему в этот стиль верит и Кейт Вудфорд. После восхождения он сказал:

— Покорение Эвереста без помощи шерпов и небольшими, до разумных пределов, экспедициями возможно, но при условии благоприятной погоды.

Вероятно, дело не только в погоде. Альпийский стиль восхождения на Эверест может принести успех лишь в том случае, если каждый член экспедиции будет иметь достаточный опыт восхождения именно в Гималаях. Экспедиции по альпийскому стилю восхождения требуют тщательной подготовки спортсмена, и забывать об этом не следует.

Величайший пик уступал альпинистам уже не раз, и тем не менее каждое восхождение — это совершенно новые условия, совершенно новые преграды и подчас новые жертвы. Видимо, альпинистские страсти вокруг Эвереста никогда не утихнут.

Каждая экспедиция старается привнести что-то свое, ранее не испытанное, разгадать тайны пика, найти неизведанные маршруты, обеспечить подъем на вершину одновременно как можно большего числа спортсменов. Так, в течение только 1978 года на Эвересте побывало рекордное число альпинистов — 25 человек. Среди них представители Австрии, Непала, Польши, Франции и Швейцарии. Тем не менее за предыдущие 25 лет Эверест удалось покорить в общей сложности лишь 59 альпинистам.

Осенью 1979 года был установлен и рекорд скорости восхождения на Эверест. Альпинисты из ФРГ и со-

проводящие их шерпы преодолели путь из базового лагеря до вершины пика всего за 31 день. В ходе этого восхождения славу спортсмена, покорившего Эверест дважды, завоевал шерп Пертемба. До него подобного выдающегося достижения добились всего два человека, и все они шерпы — племянник Тенцинга Норгея — Наванг Гомбу и Анг Фу, трагически погибший на склоне пика весной 1979 года.

То, что именно шерпам удалось дважды побывать на вершине Эвереста, на мой взгляд, произошло далеко не случайно, и не только потому, что они от рождения проходят естественную акклиматизацию в высокогорных условиях и, следовательно, значительно легче европейцев переносят кислородное голодание. Шерпы обладают исключительной выносливостью, самоотверженностью, мужеством. Ведь даже тогда, когда экспедиция наталкивается на непреодолимые преграды и встает вопрос, пробиваться дальше или отказаться от восхождения и возвращаться назад, именно шерпы первыми решительно выступают за штурм, подчас уговаривают альпинистов не прекращать экспедицию.

17 февраля 1980 года Эверест впервые в истории был покорен зимой. Это оказалось под силу польской команде, возглавляемой уже известным в непальских Гималаях Анджеем Завадой. Причем сообщение о победе поступило тогда, когда уже почти никто в успех не верил, а некоторые скептики стали подумывать о самом худшем. Ведь когда альпинисты достигли высоты 8000 метров, на смельчаков обрушились ураганные ветры (скорость порывов которых достигала 150 километров в час), метели, начались сильные морозы. Погода настолько испортилась, что альпинисты вынуждены были даже несколько спуститься, чтобы затем снова подняться.

Поджимали сроки: разрешение министерства туризма Непала на покорение пика истекало 17 февраля. И несмотря на сильный ветер, снегопад и мороз, 29-летние инженер-геодезист из Варшавы Лешек Чихи и инженер-электронщик из Вроцлава Кшиштоф Велицки предприняли отчаянную попытку подняться на вершину.

Товарищи по экспедиции с нетерпением ждали от них сообщений. Шли часы, а рация все молчала. 14 часов 25 минут. Наконец-то связь заработала. Послышался голос Кшиштофа Велицки. Он сообщил, что

17 февраля 1980 года, в 14 часов 20 минут, Эверест был впервые покорен зимой.

Сколько же сил было отдано спортсменами на этот штурм! Когда они оказались на вершине, у них не было даже сил поделиться радостью с товарищами, со «всем светом»: оба покорителя никак не могли отдышаться, прийти в себя от неимоверного физического и психического напряжения. Вжонец изнервничавшиеся товарищи по экспедиции узнали о победе лишь через пять долгих минут после покорения вершины.

Однако альпинистам предстоял еще спуск. Снова проходили часы. Ведь подняться на пик — это полдела, надо еще спуститься. Очень часто опасность подстерегает именно во время спуска, когда невольно ослабевают внимание и острее чувствуется усталость.

На вершине Эвереста польские спортсмены обнаружили записку американского альпиниста Рея Генета, поднявшегося на Эверест в 1979 году: «Того, кто придет сюда вслед за мной, прошу позвонить мне: штат Аляска, 274-26-02». Однако Р. Генету не суждено было отпраздновать свою победу: Эверест не отпустил его живым.

По дороге назад Лешек Чихи и Кшиштоф Велицки натолкнулись на тело Х. Шмац. Она лежала лицом вниз, навеки замерев в ледяных объятиях Эвереста.

Польские спортсмены продолжали спуск. Кшиштоф обморозил ноги, не хватало кислорода, не было сил двигаться, но альпинисты упорно боролись за жизнь. В критической ситуации они приняли единственно правильное решение: Лешек Чихи пошел вперед один, однако не для того, чтобы выжить, а чтобы заранее подготовить место для отдыха измученному товарищу.

Альпинисты в базовом лагере понимали, что спускаться Лешеку и Кшиштофу трудно, поэтому они прислушивались буквально к каждому шороху в постоянно включенных рациях. Покорителям было не до сообщений. Потом они признались, что во время спуска боролись с «усталостью, ветром, морозом, темнотой, физической болью и находились в сильном нервном напряжении».

Поляки благополучно спустились. Один из них оказался сотым, другой — сто первым покорителем Эвереста и оба — первыми, кто побывал на этом неприступном пике зимой.

Летом 1980 года попытку покорить Эверест в оди-

ночку предпринял известный итальянский альпинист Рейнхольд Месснер. Более того, он решил подняться по практически не изученному северному склону и без кислородного аппарата.

Р. Месснер — не новичок на Эвересте. Еще осенью 1978 года он вместе с австрийским альпинистом Петером Хабелером впервые поднялся на «третий полюс» земли без применения кислорода. Однако в то время сообщение о бескислородном восхождении выглядело не только сенсацией, но и породило недоверие, в том числе среди самих восходителей на Эверест. Они хотели, чтобы Р. Месснер и П. Хабелер подробно рассказали о своем восхождении на международном симпозиуме по альпинизму, который проходил в то время в Катманду в рамках празднования 25-летия покорения Эвереста. Однако спортсмены сразу же после восхождения уехали.

Вскоре после восхождения Месснера и Хабелера я встретился с первопроходцем Эвереста шерпом Норгеом Тенцингом. Он не исключал возможности покорения Эвереста без кислорода, но подчеркнул, что для этого нужно совершить восхождение без аппарата от подножия до вершины пика. «Кто знает, может быть, они пользовались кислородом ночью или даже днем, а этого доказать или опровергнуть никто никогда не сможет».

Вокруг рекорда Р. Месснера и П. Хабелера было много споров. Удивительно, но сами спортсмены даже не пытались развеять сомнений. Многих смущала также и слишком высокая для бескислородного восхождения скорость заключительного подъема. Потом стало известно о загадочной пропаже в разбитом на Южном седле высотном лагере двух кислородных баллонов с масками и редукторами, которые затем принесли в более низкий лагерь... Р. Месснер и П. Хабелер. Дело дошло до того, что семь покорителей Эвереста направили на имя министра туризма Непала письмо, в котором просили уточнить детали восхождения Месснера и Хабелера на Эверест.

Как бы то ни было, но в 1980 году 35-летний Рейнхольд Месснер оказался снова на коварных склонах Эвереста, но теперь уже совершенно один. После шестинедельной активной акклиматизации он взбирался завидными темпами. Один день ему потребовался для подъема и разбивки первого лагеря на высоте 6400 мет-

ров и второго — 7300. Еще четыре дня — на штурм вершины, где он провел 20 августа 45 минут, и спуск.

— То, что мне пришлось пережить, не передать словами. Одинокое восхождение на Эверест где-то на пределе человеческих возможностей. Я лично исчерпал почти все свои силы,— сказал Рейнхольд после восхождения.

— Отдать пальму первенства Месснеру? Ни за что! Именно я буду первым, кто совершит восхождение на Эверест в одиночку зимой,— заявил Ясуо Като.

Он бросил вызов, но кому? Эвересту или Месснеру, а может быть... Как тут не вспомнить слова Месснера, которые он произнес в 1980 году:

— Совершать восхождение на Эверест одному — большое заблуждение... Я будто попал в неприятельский лагерь: ущелья враждебно следили за каждым моим шагом, ждали ошибок и были готовы убить меня... Это не что иное, как вызов смерти. Я выжил случайно...

Может быть, Като — падкий на сенсацию авантюрист, который не имеет никакого представления об альпинизме и об Эвересте наконец? Отнюдь нет. Ясуо Като получил признание в мировом альпинизме еще в 1969 году, когда он в составе японской экспедиции преодолел знаменитую своей сложностью Северную стену вершины Эйгер в Западных Альпах по диретиесиме, то есть по вертикали.

В 1973 году Като — на склонах Эвереста. Он и его товарищи по японской команде 26 октября впервые в истории восхождений на Эверест достигли вершины в послемуссонный период, но при спуске были вынуждены встать на холодный бивак и получили сильные обморожения. Като потерял все пальцы на ногах и три пальца на правой руке.

Подобная трагедия могла бы охладить страсти другого человека, но не Като. Он заказал специальные альпийские ботинки и снова отправился в горы, и именно в Гималаи. 3 мая 1980 года он вновь на вершине Эвереста, но теперь поднялся с северного склона. Последние 600 метров он шел один при непрерывном снегопаде. Ясуо Като стал первым покорителем Эвереста как с южного, так и с северного склона.

Для проведения одиночного зимнего «супервосхождения» в 1982 году Ясуо Като организовал экспедицию из семи японских альпинистов и четырех шерпов-высот-

ников. Его помощники должны были разбить базовый и промежуточные лагеря, а также навесить веревки до восьмисоттысячной отметки по традиционному юго-восточному маршруту. В первых числах декабря 1982 года началась обработка пути, и уже через двенадцать дней были установлены четыре промежуточных лагеря.

23 декабря Ясуо Като покинул третий лагерь, разбитый на высоте 7300 метров, и исчез в снежном бургане. За пять с половиной часов ему удалось добраться до высоты 8100 метров. Сильный ветер сделал дальнейший подъем невозможным. К тому же обломалась одна из кошек. Во время спуска он два раза падал, но, к счастью, отделался лишь ушибами. В лагерь Като вернулся с обморожениями средней степени. Попытка подняться в одиночку закончилась неудачей.

Передохнув четыре дня, он снова попытался штурмовать непокорную вершину, но теперь уже с товарищем по экспедиции Тосиаки Кабаяси. Кислорода оставалось всего на четырнадцать часов работы, с питанием дела обстояли не лучшим образом — сказались просчеты в организации экспедиции.

В 5 часов утра 27 декабря они приступили к штурму. Шли без страховки. Ветер валил с ног, шел сильный снег, стоял сорокаградусный мороз. С середины пути Кабаяси начал отставать. Разрыв между альпинистами увеличивался с каждым шагом. В 85 метрах от вершины Кабаяси, истощенный скудным кислородным пайком и измученный невыносимым холодом, прекратил подъем. Однако Ясуо Като продолжал карабкаться вверх и в 15 часов 55 минут достиг вершины.

В третий раз! Ясуо Като стал первым в истории альпинистом, покорившим Эверест весной, осенью и зимой, вторым — после шерпа Сондаре — трижды побывавшим на вершине «третьего полюса» земли.

Спуск оказался еще более трудным. Чтобы преодолеть 85 метров, разделявших его с Кабаяси, потребовалось три часа. Они встретились уже в полной темноте. В 19 часов Като передал по радиации дежурившему во втором лагере Сасаки:

— Кабаяси мучается от жестоких обморожений на руках и ногах, полностью истощен. Мое самочувствие относительно хорошее, и мы удобно устроились.

Сасаки Ёсимаса предложил выслать на помощь шерпа-высотника, но Като отказался. Они остановились

на холодную ночевку без кислорода и без спальных мешков при 32-градусном морозе.

Во втором лагере, палатку которого содрогал сильный ветер, в 19 часов 30 минут заработала рация и вновь послышался голос Ясуо Като:

— Здесь очень холодно, и я страшно замерз. На следующий сеанс выйду завтра, в семь часов утра. Доброй ночи, Сасаки...

Это были последние слова Ясуо Като. Утром на связь он не вышел.

Всю ночь с 27 на 28 декабря шел сильный снег, бушевал ураганный ветер. Сорвало даже палатку Сасаки. Утром 28 декабря он послал на поиски шерпа Наванга. Тот поднялся до 8000 метров, но никаких следов японских альпинистов не нашел. Поиски Я. Като и Т. Кабаяси продолжались два дня.

— Их больше нет,— коротко сообщил Сасаки Ёсимаса в Катманду 30 декабря.

Многие не хотели верить в смерть Ясуо Като, которого называли «железным человеком Гималаев». Те, кто все-таки надеялся на чудо, еще более уверовали в возможность спасения Я. Като после того, как стало известно о судьбе бельгийского альпиниста Жана Бурже, входившего в состав французской экспедиции (она совершала восхождение на Эверест одновременно с японской, но по западному гребню).

В тот же день, когда министерство туризма Непала сообщило о трагичной телеграмме Сасаки Ёсимаса, в министерство поступила радиограмма из базового лагеря французской экспедиции о гибели Жана Бурже. Во время восхождения, говорилось в сообщении, он заболел горной болезнью и решил спускаться в первый промежуточный лагерь, но по дороге упал в глубокую трещину. Участники французской экспедиции прекратили подъем и три дня вели безуспешные поиски тела погибшего товарища, после чего было официально объявлено о смерти Жана Бурже.

Спустя две недели, 14 января, у здания французского посольства в Катманду остановилось такси, из него вышел человек. Сотрудники посольства в оцепенении разглядывали «привидение»... Перед ними стоял живой Жан Бурже!

На состоявшейся в тот же день пресс-конференции Жан Бурже рассказал журналистам свою одиссею. Пролетев почти 100 метров по совершенно гладкому

склону, он ударился о ледяную площадку, которая задержала его падение, и потерял сознание. Первым ощущением, когда Жан Бурже пришел в себя, было то, что он еще жив и не ранен. Начал спуск. Ночь провел в расщелине в верхней части ледника Ронгбук без пищи и спального мешка. Только к вечеру следующего дня удалось добраться до первого селения, где его страшно испугались, приняв за... «снежного человека». Больших трудов стоило Бурже убедить жителей, что он не йети, а жертва несчастного случая на Эвересте. Только тогда ему предложили чай и горячую еду, о чем он так долго мечтал.

Кстати, Жан Бурже «возвращался из мертвых» уже второй раз. В 1966 году он попал в лавину на семитысячнике Ношак в Афганистане и в течение недели его считали погибшим.

20 апреля 1984 года впервые удалось покорить Эверест по западному маршруту в одиночку и без кислорода болгарскому спортсмену Христо Проданову.

Вместе с шерпом Ранджи он разбил последний, пятый лагерь на высоте 8120 метров, откуда на следующий день в 5 часов 45 минут утра они отправились на штурм. Однако подъем в сорокаградусный мороз оказался не под силу Ранджи, и он вскоре повернул назад. Последние 345 метров Х. Проданов преодолел за семь часов десять минут и установил еще один рекорд: до него никто так рано весной не достигал вершины Эвереста. Христо Проданов стал 151-м покорителем Эвереста. Оставив на память Эвересту свою кинокамеру среди кислородных баллонов советских альпинистов, побывавших на вершине за два года до него, Христо начал спуск. Он шел в хорошем темпе, но полная темнота все-таки застигла его на высоте около 8500 метров.

С рассветом члены болгарской экспедиции поспешили на помощь Проданову, который, несмотря на усталость и истощение, после холодной ночевки все-таки продолжал спуск.

Между тем сигналы радиопередатчика Христо Проданова становились все слабее и слабее. Из обрывочных фраз стало ясно, что он потерял ориентировку, лишился перчаток, не чувствует рук. Последнее, что услышали от него в базовом лагере экспедиции в 19 часов 30 минут,— это щелчок коммутатора его радиопередатчика.

Из-за плохой погоды на неделю были отложены все

попытки повторного восхождения, однако поиски Христо Проданова продолжались. Ценой невероятных усилий Любомир Янков пытался найти хотя бы тело своего товарища. Ему удалось добраться до высоты 8500 метров уже в полной темноте, но он все шел и шел вверх и чуть не погиб сам в снежном буране. Вовремя подоспел Иван Вылчев.

Несмотря на гибель своего самого опытного товарища, болгарские альпинисты все-таки пошли на штурм Эвереста. 8 мая первая связка — Иван Вылчев и Методи Савов — достигла вершины и установила там национальный флаг Болгарии. Однако западный маршрут, который альпинисты прозвали «жестоким путем», оказался более чем жестоким. Пришлось спускаться, проваливаясь по грудь в свеженаметанные сугробы, а тут еще постоянная опасность снежных обвалов, трещин... Болгарская экспедиция обратилась по радию к министерству туризма Непала и к индийской экспедиции, которая поднималась по восточному гребню, с просьбой разрешить Вылчеву и Савову спуск по маршруту индийских альпинистов. Разрешение последовало, но болгарским спортсменам удалось спуститься лишь до высоты 8750 метров, где они и заночевали. Это был вынужденный, аварийный спуск.

9 мая, в 10 часов 08 минут, на вершину Эвереста поднялась вторая группа болгарских альпинистов — Кирилл Досков и Николай Петков. На пресс-конференции в Катманду руководитель болгарской экспедиции Аврам Аврамов заявил, что успех спортсменов НРБ в значительной мере достигнут благодаря советским друзьям:

— Нам помогли не только тренировки в СССР, но и советское альпинистское оборудование. Мы убедились в его надежности, а советское кислородное оборудование вообще считаем лучшим в мире. Им, кстати, пользовались и индийские альпинисты, совершавшие одновременно с нами восхождение на Эверест.

Когда К. Досков и Н. Петков поднялись на Эверест, снегопад прекратился, туман рассеялся, и им без особого труда удалось дотнать первую связку. По пути болгарские альпинисты встретили участника индийской экспедиции Пху Джорджи.

П. Джорджи удалось подняться на вершину Эвереста без кислорода и в одиночку. Он начал штурм вместе с Ритой Гомбу — внучкой первопроходца Эвереста

Норгея Тенцинга — и с шерпом-высотником, но они дошли только до южной вершины и вынуждены были повернуть назад.

23 мая на Эверест поднялись еще три участника индийской экспедиции, в том числе 28-летняя преподавательница колледжа Бачендра Пал. Она стала пятой женщиной, побывавшей на неприступном пике.

Восхождение индийской экспедиции также не обошлось без жертв. Один индийский альпинист погиб в лавине, несколько человек получили увечья.

Весной 1984 года две экспедиции — английская и американская — пытались штурмовать Эверест. Английская экспедиция закончилась трагически: над ними тоже пронеслась лавина, в которой погиб один альпинист и трое получили ранения. Отказались от попытки побывать на вершине «третьего полюса» земли и американские спортсмены.

В ходе осеннего альпинистского сезона в непальских Гималаях на Эверест совершали восхождение еще три экспедиции — из Чехословакии, Голландии, а также совместная австралийско-новозеландская.

Сначала спортсмены из ЧССР намеревались подняться так называемым «советским маршрутом» — по юго-западной стене. Однако сложность пути и крайне неблагоприятная погода вынудили альпинистов изменить маршрут и начать восхождение по южному склону. 15 октября вершины Эвереста достигли три участника экспедиции — пятидесятилетний Йозеф Псотка, самый старший по возрасту покоритель пика, а также Золтан Демьян и Анг Рита. Однако победа чехословацких спортсменов была омрачена гибелью Й. Псотки. Он сорвался во время спуска из пятого лагеря в четвертый.

Из голландской экспедиции на вершину удалось подняться лишь 33-летнему инструктору по туризму из Амстердама Барту Бошу. Он стал первым голландцем — покорителем Эвереста.

Восхождение австралийско-новозеландской экспедиции закончилось трагически. Два австралийских альпиниста погибли на подступах к вершине. Но как бы то ни было, эта экспедиция войдет в историю покорения Эвереста — хотя бы потому, что ее возглавлял сын первопроходца Эвереста Эдмунда Хиллари 29-летний Питер. Перед восхождением Хиллари-младший сказал, что для поддержания семейной традиции он просто не может не побывать на Эвересте. Сам же Эдмунд Хиллари

осенью 1984 года был назначен послом Новой Зеландии в Непале.

Со времени первого восхождения на Эверест прошло более тридцати лет. Число экспедиций на «третий полюс» земли за всю историю его покорения приближается к ста. Появилась даже необходимость провести чистку его склонов от брошенного альпинистского оборудования. Первая «уборка» проведена осенью 1984 года. Свыше тысячи упаковок с пустыми кислородными баллонами и консервными банками, обрывками веревок и палаток, различными вещами альпинистов и даже обломками вертолетов спустили к подножию Эвереста с высоты от 6000 до 8000 метров участники специальной непальской экспедиции. Даже эта благородная миссия закончилась трагически. В конце октября руководитель экспедиции Нагендра Тхапа и дважды поднимавшийся на Эверест в составе различных экспедиций шерп Анд Дорджи сорвались на высоте выше 8000 метров, запутались в веревках и погибли.

Очередные жертвы Эвереста... Однако никакие несчастные случаи не могут остановить смельчаков, бросающих вызов гордому пику. Той же осенью 1984 года непальское правительство увеличило плату за лицензии на восхождение на Эверест вдвое — с 25 тысяч до 50 тысяч рупий, но все равно число одержимых целью побывать там не сокращается. Как заявило министерство туризма Непала, Эверест уже забронирован до конца нынешнего десятилетия. Более того, поступили даже заявки на 90-е годы.

Впереди новые восхождения, ведь покорить Эверест «до конца» невозможно. Сага об Эвересте продолжается.

Два интервью

«Хун ро Тенцинг шерпа» («Буду таким же, как шерп Тенцинг») — такими словами начинается самая популярная в Непале народная песня, именно с ней проводники-шерпы покоряют заснеженные пики. Попробуйте где-нибудь в районе Эвереста произнести:

— Тенцинг!

Тут же к вам кинется целая толпа ребятишек и молодых ребят, уже попытавших счастье на горных скло-

нах, и не удивляйтесь, когда узнаете, что всех их зовут именем героя и кумира Норгея Тенцинга — покорителя высочайшего на земле пика.

Долго Гималаи хранили тайну Эвереста. Мы уже говорили, что утром 29 мая 1953 года два участника английской экспедиции — новозеландский альпинист Эдмунд Хиллари и непальский проводник-шерп Норгей Тенцинг завершили штурм высочайшего пика мира.

— Мое первое чувство, — вспоминал потом Эдмунд Хиллари, — это облегчение, свобода: не надо больше рубить ступени, преодолевать бесконечные взлеты на гребне, ничто уже больше не может помешать нам на пути к победе. Смотрю на Тенцинга. Облепленная длинными сосульками глубокая шерстяная шапка-капюшон, защитные очки, кислородная маска — казалось бы, за ними невозможно было рассмотреть, с каким наслаждением он рассматривал открывшуюся перед ним перспективу. Мы обменялись рукопожатиями. Тенцинг обнял меня. Долго стояли, крепко обнявшись, и били друг друга по спине до тех пор, пока чуть не задохнулись. Я взглянул на часы: одиннадцать часов тридцать минут. Последний подъем по гребню занял два с половиной часа, а нам казалось, что прошла целая вечность.

Для Норгея Тенцинга это была седьмая попытка подняться на Эверест. Еще мальчишкой, когда он пас яков в Солу-Кхумбу, у подножия высочайшего пика, Тенцинг мечтательно поглядывал на Эверест. Мальчишеские мечты возносили его на склон, но юноша даже и мечтать не смел о покорении этой вершины, ведь, по его словам, «на такой высоте могут жить только боги».

В то время Непал для иностранцев был закрыт, и все альпинистские экспедиции на Эверест формировались в Дарджилинге, минуя Непал, к штурму высочайшего в мире пика приступали с северного склона горы. Наслушавшись рассказов шерпов об альпинистских восхождениях, восемнадцатилетний Норгей убежал из дома в Дарджилинг. Мечта Тенцинга сбылась, он стал высокогорным носильщиком. В 1935 году, когда Тенцингу исполнилось двадцать два года, он, выражаясь языком альпинистов, стал «делать» Эверест, и лишь спустя восемнадцать лет 8848-метровая гора позволила ему добраться до пика.

В течение 25 лет после первого покорения Эверест еще 14 раз разрешал ступить человеку на свою вершину. Там побывали спортсмены из различных стран ми-

ра. За четверть века членами Клуба покорителей Эвереста стали 67 человек.

Как утверждает сам Норгей Тенцинг, вершина Эвереста — совсем небольшая, крайне неровная площадка, покрытая льдом. На ней могут встать человек семь. Так что при всем желании высшая точка земли не смогла бы оказаться местом встречи всех членов Клуба покорителей Эвереста. Многие из них так и не увидели бы друг друга, если бы не знаменательная дата — 25 лет со дня покорения вершины.

В феврале 1978 года непальское правительство приняло решение торжественно отпраздновать этот юбилей. Всем покорителям Эвереста разослали приглашения на праздник. Однако, к сожалению, не всем удалось приехать в непальскую столицу. В частности, у первой женщины, побывавшей на вершине Эвереста, — Юнко Табей буквально накануне праздника родилась дочь.

29 мая 1978 года в Сити Холле — одном из крупнейших залов непальской столицы, украшенном национальными флагами государств, — собрались спортсмены, побывавшие на вершине Эвереста. Зрительный зал был переполнен. Собравшиеся бурными аплодисментами встретили покорителей высочайшей в мире вершины. Однако самый теплый прием был оказан надежным и проверенным в многочисленных экспедициях шерпам, и в первую очередь первопроходцу Норгею Тенцингу.

Премьер-министр Непала торжественно зажег традиционный непальский светильник, символизирующий начало празднования. В своей речи премьер-министр сказал, что история международного альпинизма — это страницы, написанные потом и кровью, тяжким трудом и самопожертвованием замечательных людей, они отбрасывают всякие сомнения, что перед упорством человека могут устоять какие-то преграды.

На трибуну вышел Норгей Тенцинг — человек, который навечно вписал свое имя в анналы истории международного альпинизма. Он сказал:

— Все, кто празднует вместе с нами юбилей покорения Сагарматхи, должны помнить, что первое восхождение на ее вершину — это победа не только Хиллари и Тенцинга, а значительно большего числа людей.

На торжественном заседании по случаю празднования юбилея я договорился с Норгеем Тенцингом о встрече. Сначала, сославшись на большую занятость, он

старался уклониться от интервью, но в конце концов согласился.

В тот день, когда я пришел в вестибюль гостиницы, где остановился Норгей Тенцинг, чтобы побеседовать с покорителем Эвереста, я убедился, что слова Тенцинга о большой занятости не просто отговорка. Его популярность действительно огромна. Не успел он пригласить меня к себе в номер, как выяснилось, что его с утра ждут сотрудники индийского телевидения. Пришлось ждать, пока они снимали его для телевизионного фильма.

Наконец мы остались вдвоем. На вопрос, что он почувствовал, когда оказался на вершине Эвереста, Тенцинг, немного подумав, сказал:

— Сагарматха (как истинный непалец, он называет Эверест только так) в то время уже не была чем-то для меня новым — ведь это была моя седьмая попытка подняться на пик. Что я испытал, когда оказался на вершине? Я был так взволнован, что трудно даже сказать, какие чувства охватили меня в то мгновение. Представьте, стоишь на вершине, на этой небольшой, покрытой снегом и ледяными наростами площадке, а внизу — весь мир.. Кажется, что ты на небесах, а не на земле. Нам еще повезло, была на редкость тихая, безветренная погода, а то не устоять бы нам там долго!

Основная черта характера Тенцинга — скромность и застенчивость. Это энергичный, веселый, обаятельный человек с застенчивой не по возрасту улыбкой. Но стоит заговорить с ним об альпинизме, о горах, как он сразу же преобразается и перед вами уже другой Норгей Тенцинг — молодой, смелый, шагающий наперекор стихии к заветной вершине.

Разговор невольно коснулся того, кто оказался на вершине первым — Эдмунд Хиллари или он. Тенцинг сразу же стал серьезным и сказал:

— Какое это имеет значение, кто из нас первым ступил на вершину, ведь мы оба шли к цели и вместе делили трудности пути. Для альпиниста это не имеет значения. Альпинизм — групповой спорт, в котором участвует коллектив, он не удел одиночек. Все должны помнить, что первое успешное восхождение на Сагарматху — победа не только Хиллари и Тенцинга, а успех всей экспедиции, в том числе носильщиков, без которых успех был бы невозможен. В последнее время поговаривают о восхождении без традиционных участников

всех альпинистских экспедиций в непальских Гималаях, надежных помощников — шерпов. Может, это и вероятно, но доставить оборудование в базовый лагерь без шерпов-носильщиков практически невозможно. Если кто-то скажет, что ему удалось подняться на Сагарматху без шерпов от подножия и до вершины, то я в это не верю. Конечно, Эверест теперь уже не загадка, какой он был в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, но с любой горой шутки плохи. Помню, как в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, во время моего пребывания в СССР, вместе с советскими альпинистами я попытался подняться на Эльбрус.

— Мы поднялись на «Приют одиннадцати», — продолжал Тенцинг, — и собирались подняться на вершину на следующее утро, чтобы вдоволь полюбоваться панорамой Кавказа. Внезапно погода испортилась, и, проснувшись утром, мы поняли: на вершину нам не подняться. Так что такую относительно простую гору, как Эльбрус, и то далеко не всегда можно покорить. Что касается Сагарматхи, этого испещренного глубокими расщелинами исполина со смертоносными снежными лавинами и обвалами, то в течение двадцати пяти лет на него было совершено пятнадцать успешных восхождений, на вершину поднялись шестьдесят семь человек. Однако не забывайте, что сорок три человека погибли на склонах этого пика. Разве эта цифра не говорит сама за себя?

Прощаясь с Тенцингом, я спросил его, не хотел бы он совершить новое восхождение на Эверест. Владелец многих спортивных наград (в том числе советской медали «За выдающееся спортивное достижение») озорно улыбнулся и быстро ответил:

— Конечно, и притом не раздумывая.

Через несколько месяцев после встречи с Тенцингом мне посчастливилось в качестве иностранного корреспондента первому взять интервью у еще одного покорителя, точнее, покорительницы Эвереста — Ванды Руткевич, первой европейской женщины, побывавшей на «третьем полюсе» земли.

Как только министерство туризма Непала (оно имеет монопольное право на распространение информации о ходе альпинистских восхождений в непальских Гималаях) объявило, что Ванда Руткевич 16 октября 1978 го-

да в составе международной экспедиции достигла вершины Эвереста, я позвонил в посольство ПНР в Катманду и попросил организовать с ней встречу.

Через несколько дней раздался звонок, и сотрудники посольства ПНР сообщили, что Ванда прилетела и готова дать интервью. Я бросил магнитофон и фотоаппарат в машину и помчался в посольство. Я очень волновался — боялся, что кто-то опередит меня.

Раньше мне никогда не приходилось встречаться с этой отважной женщиной. В отличие от многих других альпинистов перед восхождением она не давала интервью журналистам. Какая она Ванда Руткевич? В моем представлении Ванда должна была быть крепко сбитой женщиной с ярко выраженными мужественными, даже грубоватыми чертами лица. Человеком, которому сам черт не страшен.

Однако навстречу мне вышла миловидная, хрупкая, удивительно женственная молодая женщина с очень загорелым лицом. Увидев, что я несколько растерялся, она, чтобы развеять мои сомнения, поспешно сказала: — Ванда Руткевич — это я.

Ванда рассказала, что восхождение на Эверест было для нее четвертым по счету в Гималаях. В 1975 году в составе польской экспедиции она побывала на 7952-метровом пике Гашербрум-3 в Пакистане. Тогда эта вершина была покорена впервые. Если состав ее предыдущих экспедиций был полностью женским, то при восхождении на Эверест Ванда в группе оказалась единственной представительницей слабого пола. Не думайте, что члены экспедиции в походе наперебой старались оказать Ванде разные услуги. Ничего подобного. Свой рюкзак она несла сама, и дорогу прокладывала сама, и палатку разбивала сама. О том, что ей не будет никаких поблажек, было оговорено заранее. Однако при переходе из третьего в четвертый лагерь, когда Ванда заболела, мужчины старались хотя бы как-то ей помочь. Как она выразилась, были сделаны некоторые уступки.

— Мы приступили к штурму Эвереста с Южного седла на высоте восемь тысяч метров. Нас было семеро, включая трех шерпов. Шли без страховки: на такой высоте уже никто и ничто не спасет... В рюкзаке — запасной баллон с кислородом (его должно хватить на завершающий подъем и спуск), теплые вещи и кинокамера с пленками. В общем, ничего лишнего. На полдо-

роге рюкзак стал несравненно легче — выбросила пустой баллон и подключила запасной. До вершины осталось каких-то метров четыреста, но каких!

До этого подъем был относительно легким — твердый снег, камни, в общем, прочное покрытие. К тому же мы шли по следам, проложенным другими участниками международной экспедиции, которые покорили пик накануне. Добрались до гребня, с которого открылась восхитительная панорама. Яркие лучи солнца переливались на искрящемся снегу горных великанов. И все это на фоне ясного неба, кажущегося необыкновенно синим над изломанными белыми склонами. Гребень как бы разделяет Гималаи: по левую руку — непальские пики, по правую — Тибет. Солнце так сильно пригревало, что можно было идти без куртки, в свитере, шапочке и рукавицах.

После того как была покорена южная вершина Эвереста, начались трудности. Гребень, соединяющий южный пик с главным, покрыт снегом. Стоило огромного труда проложить в нем подобие узкой тропочки, едва достаточной, чтобы на ней умещались альпийские ботинки.

Вот и так называемая «ступень», или «стенка», Хиллари. До заветной цели осталось каких-то двести шагов. Ванда достала кинокамеру, чтобы заснять красочную панораму пика, но неожиданно налетел шквальный ветер и едва не сорвал ее с узенькой тропки, проложенной по кромке гребня. Справа и слева бездонная пропасть, от которой веет холодным до боли безразличием. Ванда призналась, что в тот момент ее обуял страх.

К тому же от сильного ветра и мороза замерзло выходное отверстие на маске, и прекратилась подача кислорода. Не раздумывая, Ванда сняла маску и последние метры шла без нее. Перехватывало дыхание, она едва-едва двигала ногами.

Когда Ванда Руткевич поднялась на вершину Эвереста и посмотрела на часы, они показывали 1 час 45 минут. Первым желанием было поскорее сбросить рюкзак. Он весил килограммов десять, но казался свинцовым. Один шерп (вместе с другими альпинистами он поднялся на вершину минут на пятнадцать раньше), увидев, что с кислородным питанием у Ванды неполадок, стал своим дыханием отогревать клапан маски. Вскоре Ванда отдышалась.

Ванда рассказала, что стоило ей вступить на площадку, как она почувствовала себя бесконечно счастливой — больше никуда не надо было подниматься.

— Во время подъема не думаешь, что это — самая высокая вершина, а просто выполняешь обычную альпинистскую работу. Когда усталость буквально валит тебя с ног, начинаешь себя подбадривать: «Ведь это же Эверест! Дойти надо во что бы то ни стало!» Все еще не верится, что я побывала на Эвересте. Иногда создается впечатление, будто слетала в космос. Конечно, жаль, что все уже позади!

Ванда Руткевич — третья женщина, покорившая Эверест. Первой была японка Юнко Табей, а второй — тибетка Пхантог (16 и 27 мая 1975 года). Однако Ванда поднялась на такую высоту, на которую до нее не удавалось взобраться ни одной альпинистке.

— Почему? — недоуменно пожмет плечами читатель. — Ведь речь идет об одном и том же Эвересте!

Действительно, пик тот же самый, но высота другая. Конечно, я не имею в виду тот факт, что за последние сто лет Эверест «вырос» на восемь метров — прошло слишком мало времени после подъема японки и тибетки, чтобы высота самого пика могла ощутимо измениться, однако снега на нем прибавилось. Когда китайские альпинисты совершили восхождение в мае 1975 года, они установили на вершине Эвереста трехметровую треногу с приборами (как было официально объявлено, для метеорологических наблюдений). За минувшие три года тренога оказалась полностью засыпанной снегом. Поэтому можно считать, что Ванда Руткевич установила своего рода мировой рекорд, поднявшись на высоту более 8850 метров.

Чтобы навсегда запечатлеть победу, Ванда привязала флаг ПНР к ледорубу и нажала на спусковую кнопку фотоаппарата, но тут порыв шквального ветра сорвал флаг. Выписывая круги над заснеженными Гималаями, красно-белый флаг исчез из виду.

Обычно альпинисты стараются в качестве сувенира принести с вершины Эвереста кусочек породы. Однако Ванда сама оставила на вершине камень со скал в Польше, где тренируются молодые спортсмены ПНР. Так что и Эверест надолго сохранит память об этом достижении польского альпинизма.

— Мне уже тридцать пять лет, — говорит в заключение Ванда Руткевич. — Из них шестнадцать отданы

альпинизму. Пора уже отказаться от продолжительных экспедиций, которые обычно длятся по три-четыре месяца. Надо больше внимания уделять семье и работе.

Ванда — инженер. Она работает в Варшаве в Институте точных математических машин.

— Неужели вы уйдете из спорта? — спрашиваю я.

— Полностью уходить из спорта не хочу... Жизнь свою без гор уже и не представляю.

Потомок «снежного человека»

Стоит только оказаться на борту непальского самолета по пути в Непал, как сразу же услышишь слово «йети». Стройные стюардессы в ярких сари приветствуют каждого пассажира фразой: «Добро пожаловать на борт „Йети“ — самолета Королевской непальской авиакомпании!»

Когда путешественник впервые ступает на непальскую землю и видит изображения «снежного человека» на *танках* — старинных ярких тибетских панно, на стенах храмов, на марках, сумках и т. п., он обязательно задает традиционный вопрос:

— Действительно ли существует «снежный человек» или нет?

Вместо краткого «да» или «нет» ему приходится выслушивать довольно путаные объяснения: с одной стороны, «имеются неопровержимые факты», свидетельствующие о йети как о реальности, с другой — «снежный человек» — «плод разбушевавшейся фантазии».

Да и как ответить на этот вопрос однозначно, если о йети не найти единого мнения даже в увесистых фолиантах. Ни к чему не приводят и жаркие споры между зоологами, историками, археологами, альпинистами и просто исследователями-энтузиастами. Появилось, можно сказать, два лагеря (равнодушных скептиков в расчет не берем): одни утверждают, что «снежный человек» здравствует и поныне, и приводят по-своему веские доводы, другие заявляют, что все наоборот.

Первое упоминание о *midre* («отвратительном человеке») (обычно этим термином пользуются тибетцы для обозначения этого «получеловека-полумедведя») содержится в 26-й песне тибетского мистика и поэта Миларе-пы (1038—1122). В этой строфе говорится о трех персонажах — лангуре, обезьяне и мидре.

В Непале о «снежном человеке» знают почти все. Разные народности дают йети свои названия: *мирка, шокла, метох кангди, дремо, рагши бонпо*. Горцы о йети слагают легенды, которые передаются из уст в уста.

Так, в одной из них рассказывается, как однажды исчезло несколько непальцев. На их поиски отправились солдаты. Долго бродили они по горам, пока не наткнулись на огромного, ростом до трех метров (III), «косматого снежного человека». Именно он оказался виновен в гибели людей, которых искали солдаты.

Другая легенда повествует о схватке пастуха с йети. Один горец, узнав, что высоко в горах на лугах есть прекрасные, сочные травы, отправился туда, прихватив с собой всех яков деревни. Добравшись наконец до зеленого луга, пастух присел отдохнуть, а яки с удовольствием жевали траву. Вдруг на луг вышли два гиганта. Тела их были покрыты темными волосами. Один из них, увидев человека, бросился назад, а другой набросился на животных.

Смелый пастух кинулся защищать свое стадо. Между ними завязалась схватка. В неравном поединке полуживому горцу едва удалось ускользнуть из железных объятий мохнатого полузверя-получеловека. С трудом он добрался до деревни. Сначала односельчане не поверили его рассказам, но, увидев, что он вернулся без стада, поспешили на выручку. Когда крестьяне поднялись на место сражения и увидели на лугу следы яростной борьбы, сомнения в правдивости рассказа пастуха полностью рассеялись.

Еще одна история о «снежном человеке» была напечатана на страницах непальской газеты «Райзинг Непал» в июле 1974 года: возле Форце, небольшой деревушки у подножия Эвереста, что находится примерно в двух днях пути от Намче-Базара (через него проходят почти все экспедиции на высочайший пик мира), на семнадцатилетнюю девушку-шерпани напал йети, о чем она и заявила в полицию. По ее словам, которые должным образом запротоколированы, это существо «до пояса покрыто коричневой шерстью, а ниже — черной. Глаза у него с прищуром, лоб изъеден морщинами, виски впалые». В ходе полицейского допроса также выяснилось, что «снежный человек» якобы наведывался в Форце не раз: жители деревни утверждают, что он убил пять яков, свернув им шеи.

Встреча с йети считается в Гималаях дурным предзнаменованием. Главное, чтобы под рукой в этот момент был факел или горящая головешка. Непальцы говорят, что «снежный человек», как и всякое животное, страшно пугается огня.

Из многочисленных рассказов можно даже составить словесный портрет йети. Огромный и волосатый, он похож на нечто среднее между человеком и обезьяной. Не случайно жители Гималаев твердо уверены, что «снежный человек» произошел от обезьяны и тибетской девушки. При этом они приводят леденящую кровь легенду о том, как какой-то безжалостный человек оставил в глухом лесу привязанную к дереву нагую девушку, которую похитила обезьяна.

Йети передвигаются на двух ногах, а рост некоторых из них достигает 3 метров. У них сильные длинные руки до колен, способные «так сжать человеку голову, что та раскалывается, словно орех». На круглой, слегка заостренной кверху голове, посаженной на необыкновенно толстую шею, невыразительные глаза. Зычный голос «снежного человека» наводит ужас и, как считают, имеет фатальные последствия.

«Снежному человеку» нельзя причинять вред, по общему мнению, это обязательно обернется злом. Жители Гималаев относятся к йети с благоговейным страхом и почтением. Горцы, например, уверены, что даже случайная встреча с йети может навлечь на человека страшную и мучительную смерть. Если шерп неожиданно увидит его, то он непременно инстинктивно закроет глаза руками и по возможности постарается скорее убежать прочь.

Шерпы твердо верят в существование «снежного человека». Они даже подразделяют йети на три вида. Есть, по их мнению, во-первых, *чути*, или, как его еще называют, «скотоубийца». Этот «снежный человек» ростом почти 2,5 метра обитает высоко в горах и похож на гималайского медведя. Обычно он передвигается на четвереньках, однако, перед тем как напасть на козла, овцу или яка, поднимается на задние лапы. С животным он расправляется одним и тем же методом: схватив за рога, сворачивает ему шею.

Во-вторых, есть *мидре*. Он ростом не более 1,5 метра, покрыт красноватой или золотистого цвета шерстью, ходит на двух ногах и в основном нападает на человека, а не на животных. В-третьих, имеется *дрема*, или

телма,— самые низкорослые йети. Они больше похожи на бурых обезьян и, говорят, не представляют опасности для человека, хотя само их появление расценивается как предвестник несчастья. Я как-то слышал, пожалуй, даже ласкательную характеристику дрема: «Такой маленький и стеснительный человек, только слишком волосатый. Он мирно живет в лесу и никому не мешает».

Многие непальцы уверены, что дрема до того «стеснительные», что шумные альпинистские экспедиции вынуждают их мигрировать в более тихий Сикким. Сейчас их якобы там так много, что было даже решено провести фотосъемку йети, а в качестве приманки использовать записанный на магнитофонную пленку «призывный свист» «снежного человека». В одной деревне на севере Сиккима нашли старика, который умел прекрасно его имитировать. Однако йети не клюнул на приманку.

О «снежном человеке» много говорят, однако никто его вблизи не видел. Каждый год обвешанные фотоаппаратами туристы и альпинисты бывают в Гималаях, но до сих пор еще не сделано ни одного четкого портрета йети. В лучшем случае это расплывчатые, туманные очертания какого-то существа в «дымке». Зато есть рассказы от третьего лица, которые обычно начинаются приблизительно так: одному человеку кто-то поведал, а тому рассказал о йети другой, который видел «снежного человека». Искать йети бессмысленно, так как встреча с ним приведет к «мучительной смерти».

Такое, казалось бы, «самое неопровержимое» доказательство существования «снежного человека», как его скальп, хранящийся во многих тибетских монастырях, в том числе в широко известном Тьянгбоче, у подножия Эвереста, на поверку оказалось подделкой. Одному из первых покорителей Эвереста, Эдмунду Хиллари, удалось заполучить на время скальп и организовать его экспертизу. Специалисты из Лондона, Парижа и Чикаго в один голос заявили, что скальп йети не что иное, как «растянутый кусок шкуры с шеи гималайской черной козы». Однако это заключение несколько не обескуражило «сопровождающего» скальп жителя Тьянгбоче.

— Мои дети,— сказал он,— видели йети, слышали его крики. Выглядел он как собака с человеческой головой...

Пока серьезно можно говорить лишь о следах «снежного человека». В нашем распоряжении фотография следа огромной стопы (около 40 сантиметров в длину) и соответствующие документы. Вот один из них:

«Мы, Вангди Норбу Бхотиа и Пасанг Ирген, сопровождали г-на Ф. С. Смита через перевал. Там мы увидели следы, которые, как мы считаем, принадлежат мирке, или дикому человеку. Нам хорошо известны следы медведя, снежного барса и других зверей, и поэтому мы клянемся, что эти следы нельзя отнести ни к одному из известных нам животных».

В 1937 году шерпы Вангди и Пасанг оказались в составе альпинистской экспедиции Ф. С. Смита, которому впервые в истории удалось сфотографировать следы «снежного человека». Участники экспедиции утверждали, что они не только видели следы йети, но он даже наведывался в их базовый лагерь, разбитый на высоте 5170 метров над уровнем моря.

Первый иностранец, обнаруживший следы йети на перевале Лхакпа-Ла, на высоте около 6700 метров,— английский альпинист Ч. К. Говард-Бэри. Затем следы «снежного человека» видели такие известные альпинисты, как Г. Тильман (1938 год), Э. Шиптон (1951 и 1953 годы), Э. Хиллари (1961 год).

Польский альпинист Анджей Завада, пользующийся большим авторитетом в спортивном мире, в ноябре 1974 года, когда он возглавлял экспедицию на 8501-метровый пик Лхоцзе, не только сфотографировал, но и сделал слепки оставленных на снегу следов йети.

Другой участник этой экспедиции — кинооператор Ежи Сурдель запечатлел, судя по всему, следы семьи «снежного человека». Следы самки и самца тянулись на сотни метров, причем те, что принадлежали самцу, составляли в длину 40 сантиметров и в ширину почти 20 сантиметров. До этого удавалось сфотографировать лишь отдельные отпечатки, теперь же запечатлели весь след, можно сказать, тропу «снежного человека».

В непальских Гималаях во время восхождения осенью 1979 года английские альпинисты также наткнулись на следы йети. Когда они приступили к фотосъемке отпечатков ног таинственного пришельца, раздался пронзительный вопль. Шерп, сопровождавший английских спортсменов, заявил, что кричал, конечно, йети, и решительно отказался оставаться на ночь на

склоне пика. Следы, правда, были не таких уж внушительных размеров — всего 20 сантиметров в длину и 10 в ширину. Отпечатки вдавливались в снег примерно сантиметров на восемь-десять, что позволяло судить о весе йети. По мнению альпинистов, «снежный человек» весом около восьмидесяти килограммов спрыгнул с валуна, пересек снежную целину и направился к каменной гряде, где след его затерялся. Более того, спортсмены нашли даже экскременты йети. Альпинисты собирались передать фотографии отпечатков ног «снежного человека» и его экскременты на экспертизу специалистам.

Однако наличие следов не может служить неопровержимым доказательством существования «снежного человека». Ведь до сих пор их обнаруживали в непальских Гималаях лишь на снегу. Известно, что след на снегу, даже самый свежий, под воздействием солнечных лучей довольно быстро искажается, расплывается, принимает иные очертания. Даже следы медведя — а в Гималаях они встречаются самых различных видов, — а также горного волка, барса и даже гигантской тибетской панды на солнце настолько трансформируются, что чем-то напоминают гигантские человеческие следы.

Снова ставится под вопрос само существование йети. А как же тогда быть с потомками «снежного человека»? Если его нет, значит, у него нет потомков — ни детей, ни внуков. Тем не менее они есть, хотя бы потому, что сами утверждают это. Видимо, их не так-то уж мало. Неподалеку от непальской столицы в трех деревнях (Крумджа, а также Джхарлинге и Лапе) насчитывается 110 семей, именующих себя потомками йети.

Восьмидесятилетний житель деревни Крумджа, в прошлом прекрасный охотник, утверждает, что лет шестьдесят назад его похитила женщина-йети. Вместе они прожили года три. За это время у них родились дочь и сын. Наконец охотнику удалось сбежать от «снежной женщины» и вернуться в родную деревню. Через несколько дней, пытаясь наставить мужа на путь истинный, она пришла в селение и, не найдя беглеца, в гнев убила свою дочь, а сына бросила на произвол судьбы. Этот сын здравствует и поныне. Не так давно он получил непальское гражданство.

Камитаси Таманг утверждает, что жители Крумджи и сейчас в зимние месяцы нередко встречают йети. Люди называют их «солнечными привидениями». По их

мнению, йети — широкоплечие, высокого роста, с огромными, длинными ушами. Рассказы местных «очевидцев» не лишены удивительных подробностей, согласно им, йети употребляют в пищу мясо своих соплеменников, причем мужчины едят мужчин, а женщины — женщин. «Снежные люди» терпеть не могут охотников и забра­сывают их камнями.

«Потомки» «снежного человека» уверены, что они человеческие существа, поэтому многие из них поспешили получить непальское гражданство, дабы односельчане не думали, что они произошли от «каких-то шимпанзе».

Хотя рассказы Камитаси Таманга и других жителей Крумджи полны «неопровержимых доказательств» о существовании «снежного человека», все-таки йети пока напоминают больше «солнечные привидения», нежели реальность.

Однако возникает вопрос: если «снежного человека» нет, то почему непальское правительство приняло закон, полностью запрещающий охоту на него, а на официальных картах Непала обозначаются места поселений йети?!

А вот и совсем свежая «весточка» от загадочного существа. Два австралийских альпиниста — они совершали восхождение на Эверест с северного, китайского склона — достигли 3 октября 1984 года вершины и увидели там... следы. Поначалу они нисколько не удивились, будучи уверенными, что их опередили голландские спортсмены, одновременно совершавшие восхождение на Эверест, но с непальской стороны. Каково же было изумление австралийских альпинистов, когда они узнали, что голландскому спортсмену удалось достигнуть вершины пика лишь 8 октября — на пять дней позже. Тогда, возможно, это были следы, оставленные предыдущими экспедициями? Однако последнее успешное восхождение до австралийцев было совершено индийскими спортсменами 23 мая 1984 года, а потом был муссон со снегопадами и сильными ветрами... Сразу же была выдвинута очередная «гипотеза». Увеличивающееся из года в год число альпинистских экспедиций в Гималаях, видите ли, «вынуждает» «снежного человека» искать покой в труднодоступных, укромных местах, в том числе и на вершине Эвереста.

Так, может, «снежный человек» все-таки существует?

Глава 7

ПО ДОРОГАМ НЕПАЛА

Все было как в детективном романе... Автомобиль, взвизгнув тормозами, резко остановился и замер. Водитель и пассажиры всматривались вперед. Неужели мираж? Куда же подевалась ровная, слепящая глаза лента асфальта?

Из оцепенения нас вывела невесть откуда взявшаяся толпа, весьма озадаченная нашим появлением. Дороги дальше действительно не было. Мало того, впереди, равнодушно поблескивая в лучах заходящего солнца, путь преграждала широкая река. За ней виднелись очертания города, где нас ждали гостиница, ужин и долгожданный отдых. Но для того чтобы насладиться всем этим, не хватало одной мелочи — моста. Мы стали выяснять по карте место нашего пребывания. Получалось, что мы остановились у реки Нарайяни, а перед нами — город Нарайянгарх.

А как хорошо начиналось наше путешествие! Заранее был разработан кольцевой маршрут по центральным районам Непала, приведены в боевую готовность фотоаппараты. Правда, накануне отъезда мы не посоветовались с астрологом. И, как теперь убедились, напрасно.

Совсем еще недавно, следуя традициям, непалец, прежде чем отправиться в путь, обязательно выбирал благоприятное время для путешествия. В дорогу следовало взять с собой немного риса, бетель и одну завернутую в материю монету — залог успеха. Если по каким-либо непредвиденным обстоятельствам путешествие откладывалось, то все эти предметы в строго определенное время (также высчитанное астрологом) выносились из дома, путешественнику же в таком случае следовало на время покинуть дом и переночевать у знакомых.

Проводить отъезжающего собирается вся семья. Ему торжественно вручают сваренное вкрутую яйцо, вяленую рыбу и мясо, а также вино или простоквашу — в зависимости от вкусов. Накануне вечером по обе стороны порога ставят два кувшина с водой. Утром, переступая порог, отъезжающий бросает в них несколько монет, чтобы вернуться назад целым и невредимым. Если непалец, покидая дом, услышит карканье вороны или увидит вдову, беременную женщину или человека с пустыми ведрами — несчастья не миновать. Опасно также встретить на дороге... чихающего. В таком случае лучше на некоторое время остановиться и только после этого продолжить путь.

Мы же в своей просвещенной гордыне умудрились нарушить эти непреложные заповеди. Мы уже решили, что, видно, придется возвращаться обратно, так и не совершив кольца. Я очень расстроился, так как давно мечтал об этом путешествии.

Катманду мы покинули лишь в 11 часов утра. Как всегда, когда долго собираешься, обязательно что-нибудь забудешь. Когда мы уютно устроились в автомобиле, вспомнили, что не наполнили бензином баки. Пришлось ехать на бензоколонку. Там выяснилось, что бензин есть, но нет электричества, а ручным насосом качать долго. На другой колонке не оказалось бензина. На третьей нам повезло. Мы наконец заправились и благополучно двинулись в путь. Наш экипаж старался не смотреть по сторонам — не хватало теперь еще встретить вдову или беременную женщину.

Когда через десять лет я вновь приехал в Непал, то увидел, что в стране за эти годы произошли изменения. В Катманду появились новые дома и новые жилые кварталы. По дорогам идут груженные кирпичом и цементом грузовики. Повсюду можно увидеть леса — это возводятся современные здания. С каждым годом сюда приезжает все больше и больше иностранных туристов.

Узнав, что сейчас проникнуть в отдаленные районы страны не так трудно, как десять лет назад, я решил совершить туда путешествие. За десять лет в эти районы проложены дороги, там сооружены взлетно-посадочные полосы. А ведь совсем недавно туда можно было добраться лишь пешком!

Мысль совершить на автомобиле своего рода «кольцо» хотя бы по центральным районам Непала пришла мне в голову с первых дней моего второго приезда в

эту страну. Однако шли недели, месяцы. Наконец выдались свободные дни...

И вот за окнами замелькали последние домики Катманду с раскинувшимися возле них островками рисовых полей. Остался далеко позади и памятник погибшим во время строительства дороги Трибхуван — Раджпатх, которая впервые в истории Непала соединила Катманду с внешним миром. Первый автомобиль в Большой долине появился в 20-х годах XX столетия, а первая автодорога построена в середине 50-х годов. Как могло произойти, что первый автомобиль в Катманду появился за три десятилетия до строительства первой и до сих пор важнейшей транспортной артерии страны?

Автомобиль существует, как известно, для того, чтобы перевозить людей. Однако сначала было все наоборот: первый автомобиль в Непал доставили носильщики, и только после этого он стал исполнять свои прямые обязанности.

Дело было так. Правивший в то время Непалом глава феодальной династии Рана решил приобрести автомобиль. Как же так, полноправный властелин единственного в мире индуистского королевства, без разрешения которого даже сам король не покидал дворец, и без автомобиля?! Машина была заказана за границей. После многодневного пути на плечах носильщиков сверкающий лаком новенький лимузин был торжественно внесен в Большую долину, где его ждала специально по такому случаю построенная шоссейная дорога длиной чуть более километра.

Однако вернемся на дорогу Трибхуван — Раджпатх, которая серпантинном извивается в горах. Поворот сменяется поворотом. Едешь со скоростью 40 километров в час, но кажется, что участвуешь в какой-то головокружительной гонке. Дорога поднимается вверх. Мы на первом перевале.

Километров через двадцать из-за поворота неожиданно показался городок Наубиси: на склонах прилепилось несколько домишек. Создается впечатление, что каждый из них — это маленькая импровизированная харчевня, где можно выпить крепкого чая с молоком, перехватить традиционного риса с *карри* — острой подливкой желтоватого цвета.

Мы миновали Наубиси и снова выехали на забитую тяжелогруженными мощными грузовиками дорогу. При разъездах приходится быть предельно внимательным.

Впереди развилка. Одна дорога — уже известная нам Трибхуван — Раджпатх — устремляется вверх и затем к границе с Индией, другая резко сворачивает направо, в Покхару, куда мы и держим путь. На обочине установлен огромный щит: «До Покхары 174 километра».

Мы повернули направо. Дорога более или менее широкая — на ней можно даже увеличить скорость. Шоссе тянется вдоль реки Трисули. Громады гор над ней, словно ступеньками гигантской лестницы, вырубленной великанами, покрыты бесчисленными террасами, где почти круглый год что-то зеленеет. Снизу кажется, что перебраться с одной террасы на другую довольно просто, но на самом деле это далеко не так.

Однажды любопытство занесло меня на одну из таких ступеней. К счастью, не на самую последнюю. Подняться было не очень трудно, но вот спускаться... Несколько раз я обошел всю террасу, но так и не обнаружил подходящего спуска. Прыгать с более чем двухметровой высоты было несколько рискованно, но и сидеть на склоне без надежды на появление пожарной команды — удовольствие не слишком-то большое. Скользя по отвесной стене, судорожно хватаясь за выступающие из земли корни растений или камни, а порой просто скатываясь, как в детстве с ледяной горки, я кое-как достиг подошвы горы и впредь зарекся заниматься подобными экспериментами. А каково приходится на этих полях-лестницах крестьянам, которые обрабатывают средневековой тяпкой свои крохотные клочки земли на горных террасах? Конечно, они люди ловкие и привычные. Когда видишь на склоне буйволов, запряженных в деревянную соху, тут уж своим глазам трудно поверить. Я как-то долго стоял и наблюдал, как погонщик, ловко «дирижируя» веткой и громко покрикивая, заставлял буйволов смиренно идти вдоль самого края обрыва и разворачиваться буквально на месте. Затем упряжка... привычно прыгнула на нижнюю террасу, и буйволы как ни в чем не бывало вновь потянули музейный экспонат.

Мы проезжали мимо селений, где живут гурунги. Существуют различные гипотезы об этой народности. Считают, что они пришли в Непал из Тибета. Гурунгов можно узнать без труда: широколицые, с толстыми губами и типично монголоидным, приплюснутым носом. Их женщины удивительно приветливы. Одеваются они очень ярко, любят всевозможные украшения и обяза-

тельно продевают в ноздрю сережку. Маленькое колечко в ноздре — не только предмет украшения. Еще в раннем детстве девочкам в левую ноздрю продевают — в зависимости от достатка в семье — тоненькое золотое колечко или ажурную сережку с орнаментом в виде цветка. Если у девушки нет такого украшения, то никто не решится даже взять стакан воды из ее рук, а худшего оскорбления трудно себе представить. Ну а об ушах и говорить не приходится. У модниц можно увидеть такие увесистые подвески, что просто диву даешься.

Мужчины-гурунги — крепко сбитые, с суровыми лицами. Жизнь в горах, несмотря на кажущуюся романтику, состоит из суровых будней. У них извечная проблема с пастбищами для скота, острый недостаток пригодной для обработки земли. Узкие полоски террас, сооруженные еще далекими предками, уже практически истощились и дают низкие урожаи, которые едва спасают от голодной смерти. Поэтому целые семьи гурунгов покидают насиженные места и переселяются в южные, равнинные районы.

Кроме того, по традиции многие мужчины вербуются на военную службу. Бывших солдат сразу же отличишь в толпе гурунгов. Обычная одежда мужчин состоит из короткой блузы, завязанной спереди, и куска ткани, обмотанного вокруг бедер наподобие юбки до колен. Бывшие же солдаты щеголяют в видавших виды рубашках и шортах. По праздникам они надевают медали и важно восседают за столом. Но стоит заиграть музыке, как вся солидность мигом слетает, и их защитного цвета рубашки смешиваются в вихре танца с белыми блузами других мужчин и темно-красными традиционными сари женщин.

Пляски, пожалуй, главная страсть гурунгов. Далеко не в каждом их селении имеется школа, но зато обязательно есть площадка для танцев. Во время многочисленных праздников она заполняется толпой до отказа. А поводов для них предостаточно. Это и свадьба, и рождение ребенка, и переход детей из одной возрастной группы в другую, не говоря о религиозных праздниках.

Однажды я оказался очевидцем весьма забавного ритуала в день шестилетия гурунгского мальчика. виновника торжества привязали за шею к столбу довольно толстой веревкой, начисто обрили ему голову, затем отвязали. И тут из дома послышался голос его матери:

— Сури, сури! ¹⁷

Малыш, сохраняя серьезное выражение лица, с криком «мяу-мяу» стремглав помчался на зов матери. Никто так мне толком и не смог объяснить смысл этого ритуала, удивительного хотя бы потому, что кошка, как вы уже знаете, в Непале большая редкость, причем ее даже демонстрируют в Национальном зоопарке.

Отъехав около 100 километров от Катманду, мы устраиваем привал на берегу Трисули. С шоссе кажется, что река неподвижна, словно нарисованная неведомым художником, смешавшим берлинскую лазурь с маляхитовой зеленью и проведеншим мягкой колонковой кистью полосу по дну ущелья меж мрачных скал. И только спустившись вниз, можно ощутить всю мощь этого необузданного потока, сокрушающего на своем пути любые преграды. Вот где сокрыты бесценные богатства страны! Точнее, пока ожидают своего часа. По подсчетам специалистов, гидроресурсы Непала составляют более 85 тысяч мегаватт, из которых сейчас используется менее 0,2 процента.

Отдохнув, мы возвратились к машине. Рядом с ней, облокотившись на мотоцикл, стоял молодой человек и с удовольствием жевал бутерброд. Из разговора с ним мы узнали, что он родом из Калифорнии, инженер и совершает в одиночку кругосветное путешествие на мотоцикле. За время своего путешествия он уже побывал в Австралии, Индии. Он сказал нам, что из Непала отправится в Англию. Проверив, крепко ли держится его нехитрый багаж, молодой человек распрощался с нами, сел на мотоцикл и умчался в сторону Покхары.

Мы тоже двинулись в путь. Вскоре дорога сделала резкий поворот, и нашим взорам открылась замечательная панорама: серебристо-голубая гладь Трисули в обрамлении ярко-бордовых красноземных откосов гор. Противоположный склон похож на гигантский муравейник. Мы подъехали ближе и остановились возле огромного моста, сверкающего на солнце металлической арматурой. Вооруженные лопатами и кирками люди расчищали склон, освобождали его от камней. Пройдет какое-то время, и здесь появятся новые террасы, которые дадут новые урожаи.

Около 6 часов вечера через огромную арку мы въехали в Покхару, довольно большой — по непальским

¹⁷ Сури, сури! — «кис-кис».

масштабам — город с несколькими асфальтированными улицами. Теперь в нем есть гостиницы, самые крупные из них — «Кристалл» и «Аннапурна». Город за десять лет изменился.

В первый раз я побывал в Покхаре осенью 1965 года. Автомобильной дороги тогда здесь не существовало, поэтому из Катманду в Покхару можно было добраться либо пешком, либо по воздуху. Небольшой двухмоторный самолет вроде нашего ЛИ-2, одну за другой огибая вершины гор и попадая в воздушные ямы, медленно тащился на запад от непальской столицы. Салон, похожий на старый трамвай, был забит до отказа пассажирами. Скамейки вдоль борта были низкие, узкие, металлические. В проходе пассажиры оставили свой багаж. Наконец долгожданная посадка, самолет приземлился на открытой местности. Аэровокзала не было и в помине — его заменяла огромная, раскидистая смоковница. В ее тени, спасаясь от палящих лучей солнца, ожидали пассажиры, отправлявшиеся в Катманду. Там же грудой был свален их багаж.

Вскоре битком набитый самолет стал выруливать на старт. И вдруг пронзительно завывла сирена. Неужели авария? Лихорадочно озираюсь, пытаюсь понять, что произошло, и чуть не падаю от смеха. Буйволы и овцы, мирно шипавшие сочную траву посреди летного поля, по команде мгновенно очистили путь самолету, проводив издали недобрым взглядом длиннокрылого нарушителя спокойствия, снова разбрелись по взлетно-посадочной полосе.

В то время в городе имелось всего две гостиницы. Одна — «Сноу вью» — была из гофрированного алюминия. Легко представить, как накалялись за день алюминиевые крыша и стены и какая внутри была жара! Во всяком случае, остановиться в них я не рискнул. Хорошо, что была предварительная договоренность с индийской миссией помощи в Катманду и меня приютил главный инженер в Покхаре. Он, правда, сразу же предупредил, что не сможет показать достопримечательности долины, где разместился город, поскольку в городе плохо с бензином. Горючее доставлялось в Покхару из Катманду носильщиками или, в лучшем случае, самолетами в канистрах, и поэтому расходовать его приходилось весьма экономно. В ответ я опрометчиво заявил, что воспользуюсь такси. Он с недоумением посмотрел на меня и вдруг захохотал:

— А вы видели здесь такси?! Когда мой джип выгружали из самолета, то собрался почти весь город. А один старик глубокомысленно заявил, что джип — лишь птенец этой железной птицы, который поживет здесь немного, отрастит себе такие же большие крылья и улетит туда, откуда прилетел самолет. Да что автомобиль! Здесь о колесе узнали совсем недавно.

В те времена не только бензин был здесь проблемой. В Покхаре тогда ощущалась также острая нехватка воды. В краю озер (шесть крупных водоемов и много рек) водопровод обычно функционировал часов восемь в сутки, а в апреле — мае, когда источники пересыхали, и того меньше.

Прошло более десяти лет. Многое изменилось. При въезде в город построена бензоколонка, а в гостинице «Аннапурна», довольно большом здании, перед которым раскинулась аккуратно подстриженная зеленая лужайка, днем и ночью есть вода.

Теперь есть возможность наверстать упущенное. Оставляем вещи в отеле и спешим на знаменитое озеро Пхева — одну из двух главных достопримечательностей Покхары.

В окружении мрачных и неприступных гор, одетых в лучах заходящего солнца в пурпурные мантии, тускло-свинцовая гладь озера невольно настораживает своей зловещей неподвижностью. Посередине видны очертания островка, на котором приютился храм Варахи — кабана. Согласно легенде, бог Вишну, превратившись в кабана, победил демона Хираньякшу, который хотел затопить Землю водой. Но хоть демон и был повержен, однако свои коварные проделки не оставил. Поплескаться у берега — это пожалуйста, а вот нырять не рекомендуется: дно озера сплошь усеяно острыми камнями.

Когда смотришь на озеро и окрестные горы, кажется, что перед тобой сказочная панорама, созданная причудливой фантазией художника. На переднем плане апельсиновые деревья субтропиков и типично южные водяные буйволы, залезшие в поисках прохлады в воду, выставив лишь головы с закрученными мощными рогами. За ними сквозь листья бананов вдали сверкают ледники горной гряды Аннапурна Химал. Но как только переводишь взгляд на то, что находится рядом, очарование исчезает.

В нескольких шагах, у самого берега, мы увидели автомобили и мини-автобусы с иностранными туриста-

ми. Чуть в стороне разбиты разноцветные палатки. С крыш машин свисали брезентовые навесы. Под одним из них я заметил паренька. Подыгрывая себе на гитаре, он обучал веселым английским песенкам непальскую детвору. Ребятишки пытались подпевать своему учителю. При этом они с удовольствием уплетали печенье и громко смеялись. Возле них стайка мальчишек, пользуясь возможностью подзаработать, драила песком закопченные кастрюли хозяев. Причем каждую машину обслуживали один или даже целая группа добровольных помощников. Туристы расплачивались с ними пустыми консервными банками, бутылками и прочими не менее «ценными» вещами, которые всегда пригодятся для обмена с товарищами или даже для продажи взрослым. Главное — им иногда перепало кое-что из еды.

К нам подошли два местных парня. В широкополой, выдавшей виды шляпе — Рам и в яркой штопаной-перештопаной рубаше — Джил. Для начала они предложили нам совершить путешествие по озеру на длинных челнах, выдолбленных из толстых стволов деревьев. К сожалению, для путешествия по озеру, простирающемуся почти на 5 километров, было уже слишком темно.

— Может, вам нужна рыба? — с надеждой в голосе спросили нас Рам и Джил.

— Вы остановились в «Аннапурне»? В каком номере? В семь утра мы принесем вам чудесную рыбу. Вы никогда не ели такой!

Рыба — это, конечно, хорошо, но что с ней делать в гостиничном номере? Заговорщическим шепотом Джил тут же обещал достать по доступным ценам... наркотики. Любые. Услышав в ответ наш смех, ребята в недоумении пожалы плечами и отправились искать более достойных клиентов.

Пора в гостиницу. Завтра придется вставать рано, чтобы не прозевать красочную панораму заснеженных вершин и 7059-метрового пика Мачхалучхре, что в переводе означает «Рыбий хвост».

Вечерний город так преобразился, стал таким оживленным, что я глазам своим не верил. А ведь в первый мой приезд он был тихим и провинциальным. Теперь улицы были ярко освещены. Здесь много ресторанчиков, чайных, ночлежек. В каждом из этих заведений можно увидеть неряшливо одетых хиппи.

На память мне пришли рождественские праздники

1966 года. Тогда в Непале проходила, с позволения сказать, «международная конференция» хиппи, о которой даже писали некоторые непальские газеты. Сначала местные власти с удовольствием оказывали гостеприимство разгуливающим по свету малопонятным парням и девушкам — ведь иностранный туризм в Непале только начинал развиваться, а лишняя реклама единственному в мире индуистскому королевству не помешает.

Заросшие, грязные, подчас босые (в Катманду, между прочим, зимой температура часто опускается до нуля), прибыли в Непал представители «потерянного поколения». Их можно было встретить повсюду: и у подножия многоярусных с позолоченными крышами пагод, и на базаре, и на истертых веками каменных плитах тротуаров в лабиринте узких улочек старого города.

Соблазн пообщаться с настоящими хиппи был велик. Поэтому мы соответствующим образом оделись и отправились в небольшой ресторанчик, расположенный на одной из улиц столицы. Зал был полупуст. Мы заняли столик, откуда лучше всего просматривался весь зал. Тут же нам принесли очень крепкий черный чай с молоком — так сказать, бесплатное приложение, чтобы не скучно было коротать время, пока принесут основной заказ.

Вскоре в ресторанчике появилась компания хиппи. Среди них был «добрый молодец» с всклокоченной бородой, в плисовых шароварах и высоких сапогах, а также нездоровый на вид парень в жилетке, надетой на голое тело, и в белесых, рваных джинсах. Вместе с ними появилась стриженная наголо девушка. Под глазами у нее были синяки. Они спокойно сели за длинный стол, получили свой бесплатный чай и углубились в изучение комиксов. Так прошло около часа. Они сидели молча.

Тут появились еще три хиппи. Судя по всему, они были из другой компании: два парня в дорогах дубленках с заплатами из такой же мягкой и дорогой овчины и девушка в шубе из натурального меха. Чтобы сильно не выделяться, девушка аккуратно выстригла проплешины на дорогом блестящем мехе. От стола, где сидели эти трое, официант, после того как поставил традиционный чай, сразу не отошел. Эти дети толстосумов ради моды играют в хиппи, и, значит, одним чаем сыты не будут...

Мы решили, что ничего интересного здесь не увидим,

и уже было собрались уходить, но тут открылась дверь, и в проеме появился (мы глазам своим не поверили)... Христос. Машинально переводим взгляд на его руки. Нет, дырок на них не было, но такой же, как на иконах, блеск усталых глаз, такой же высокий лоб, и одет он был в холщовую одежду. Следом за ним семенит «святой Павел» с клюкой в руках. «Христос» присел на единственное свободное за столом место, сзади него встал «святой Павел».

Парни и девушки отложили в сторону комиксы и жадно уставились на молодого человека в жилетке на голом теле. Тот снял с шеи мешочек, вынул из него кусок опиума, затем медленно отщипнул от него крошечный кусочек, скатал его в комок и, насадив на острие ножа, стал раскалять одурманивающее зелье над огнем свечи, услужливо подставленной официантом. Из того же мешка он вынул трубку. Раскаленный опиум вставили в трубку и предложили «Христу». Тот сделал затяжку и передал трубку «святому Павлу». Трубка пошла по кругу. Никто не проронил ни слова, не пошевелился. После каждой затяжки лица как бы трансформировались. Вместо глаз какие-то мутные пятна. Лица казались бессмысленными масками.

Постепенно хиппи теряли человеческий облик. «Христос» медленно поднялся и в сопровождении «святого Павла» не спеша удалился. Вскоре разбрелись и остальные посетители ресторанчика. За весь вечер они не обменялись ни единым словом. Чем-то жутким повеяло на нас от этих молодых людей, и мы поспешили покинуть это место.

Хиппи настолько понравилось в непальской столице, что выпроводить их оттуда оказалось делом нелегким. Местные власти ужесточили паспортный и визовый контроль и буквально насильно стали выдворять хиппи из Непала. Однако полностью избавиться от них так и не удалось. В конечном счете хиппи убрались из долины Катманду, но облюбовали себе не менее уютное местечко — Покхару. Теперь власти ломают голову над тем, как выставить отсюда непрошенных гостей и оградить непальскую молодежь от тлетворного влияния хиппи. По подсчетам полиции, только в непальской столице около двухсот учащихся школ и колледжей успели пристраститься к наркотикам. К сожалению, среди хиппи уже встречаются и дети трех-пятилетнего возраста. Они представляют собой страшное зрелище.

Вечером, когда мы вернулись в гостиницу, я долго не мог заснуть. Вдруг сквозь сон я услышал грохот. Утром мне сказали, что ночью в Катманду было землетрясение. Я еще раз проверил фотоаппараты и поднялся на крышу отеля. На небе ни облачка. Постепенно на его темном фоне, просвечиваемая восходящим солнцем, начинает проступать искрящаяся снегом горная гряда Аннапурны — «Богини изобилия». И в центре, пожалуй, самая красивая вершина в мире — Мачхалучхре. Первые солнечные лучи всеми цветами радуги лениво играли на закованном в ледовый панцирь огромном «Рыбьем хвосте». Вдруг в ломкой предутренней тишине раздался монотонный голос. От неожиданности я даже вздрогнул. Оказывается, на крыше отеля в крошечной будочке поселился какой-то буддийский монах. Примостившись на маленьком коврикe, облаченный в ярко-оранжевую тогу, он, перебирая четки, заунывным голосом нараспев читал молитвы. Монах был настолько поглощен своим занятием, что не обращал никакого внимания на щелчки фотоаппаратов и стрекотание кинокамер.

Вдоволь налюбовавшись восходом солнца над снежным пиком, отправляемся дальше. Наш путь лежит на юго-запад, к городу Бутвал. Дорога настолько красива, что даже сплошные повороты, спуски и подъемы не действовали на нервы. Вот за одним из них появляется крохотная деревенька с глинобитными домиками, будто приклеенными к скалам. Соломенные крыши, пальмы. А чуть дальше — огромный, до боли в глазах слепящий пик Аннапурны. Еще поворот, и его сменяет красавица Мачхалучхре.

Неожиданно за очередным поворотом мы увидели ярко-красный двухэтажный автобус, который быстро катил впереди нас. Мои спутники и я не смогли сдержать возгласа удивления. Откуда взялся на горной дороге в центре непальских Гималаев лондонский автобус? В Непале из окна автомобиля часто можно наблюдать обезьян, спокойно разгуливающих по обочинам дорог, неповоротливых слонов, выходящих из леса, осторожных пятнистых оленей, быстро кидającychся в сторону при появлении человека. Однако к этим животным, которых у нас можно увидеть лишь в зоопарке, довольно скоро привыкаешь и уже не удивляешься, но появление здесь двухэтажного автобуса просто ошеломило нас. За автобусом мы ехали недолго — водитель, слегка

притормозив, махнул нам рукой, показывая, что путь открыт, и галантно пропустил нас вперед. Мы поравнялись с автобусом и заглянули в салон. Его пассажиры, бросив в нашу сторону быстрый взгляд, продолжали спокойно играть в карты за столом, поставленным между рядами кресел.

Оказывается, в наши дни из Лондона в Катманду можно добраться и на двухэтажном автобусе. Группа предприимчивых молодых австралийцев приобрела несколько таких автобусов и проложила маршрут Лондон — Катманду, который занимает всего... два месяца. Однако желающих странствовать хоть отбавляй. На самолете путешествовать может каждый, и не так уж это интересно, а вот на автобусе, да еще на двухэтажном, — это, согласитесь, заманчиво.

Дорога постепенно спускалась вниз. Горы становились все ниже и ниже. Скоро начнутся терраи — равнинные районы, опоясывающие Непал с юга. На берегу реки устраиваем привал. Когда от костра повеяло ароматом походного варева, со склонов послышался звонкий молодой голос, выводящий ритмичную непальскую песню. Вскоре на подвесном мостике, перекинутом через горную реку, показалась стройная девушка. На голове она несла корзину с зеленью. Легкими и уверенными шагами перебежала она шаткий, укрепленный «на честном слове» узенький мостик и присела отдохнуть на камне неподалеку от нас. Следом за ней появились еще две девушки. Они сели рядом с первой и, кокетливо прикрывая белоснежные зубы ладошками, стали перешептываться и смеяться. Вероятно, три сестры — уж очень похожи. Как, должно быть, рады их родители: такое богатство!

Дело в том, что, несмотря на законодательный запрет продавать девушек в жены, а также выплачивать родителям невесты калым, у живущей здесь народности тхару все еще распространен этот средневековый обычай. У тхару девушки рассматриваются как важный источник дохода родителей. Если девочка к тому же еще красива, умна да умеет читать и писать, то она может принести «огромный доход», исчисляемый тысячами рупий. Если же она некрасива, то тут уж ничего не поделаешь.

Немного отдохнув, мы тронулись в путь. Вскоре показался Бутвал. Он чем-то напоминает индийские города. Это и понятно — ведь этот городок находился всего

километрах в двадцати пяти от индийской границы. Бутвал протянулся по обеим сторонам дороги более чем на километр. Домики в нем небольшие, с цементными плоскими крышами. Мы заехали на бензоколонку и увидели настоящий музей старых автомобилей: одни машины были без колес, другие — без моторов. Рядом лежал ржавый остов огромного грузовика. Однако бензина на колонке не оказалось. Мы поехали к другой — та же история.

Впереди развилка. Дорогу пересекает шоссе Восток — Запад, или, как его еще называют, Махендра Раджмарг — в честь покойного короля Непала Махендры, при котором было начато строительство этой дороги, связывающей восточные и западные районы страны. Не успели мы остановиться, как, обгоняя друг друга, к нам устремились смуглые владельцы «универсамов» на небольших тачках с велосипедными колесами. Продается у них все, что хотите: от резиновых тапочек до жаренных с солью и перцем земляных орехов.

Мы свернули налево и помчались по ровной глади асфальта. Надо было спешить. Уже начало темнеть, а до ближайшего города Нарайянгарха оставалось 109 километров. Мы ехали по прямой как стрела дороге мимо пальмовых рощ. По опушкам ютились маленькие деревеньки. Мы миновали несколько длинных мостов, но внизу вместо полноводных рек текли узенькие ручейки да виднелись пересохшие русла. По размерам мостов можно было судить, как сильно разливаются реки во время сезона дождей.

И вдруг дорога оборвалась. Впереди река Нарайяни, а за ней город Нарайянгарх. Но где же мост?

Вскоре выяснилось, что переправиться через реку можно на пароме. Правда, работает он или нет, никто не знал. Наконец нашли «главного администратора» парома, он тихо дремал в углу конторы. Он тут же выдал нам маленькие розовые квиточки — билеты на паром — и махнул рукой в сторону реки. И снова заснул. Мы пристально посмотрели в ту сторону, куда он махнул рукой, и только тогда поняли, что две узенькие, остроносые, связанные между собой и покрытые хлипким настилом лодки и есть тот самый паром, на котором нам предстояла переправа.

С грустью посмотрев на автомобиль (может, видим его в последний раз), мы кое-как въехали на помост. В каждую лодку прыгнули по два гребца, пятый —

кормчий — встал у руля, и мы благополучно отчалили. Уже совсем стемнело. Один лишь месяц освещал нам путь.

Оказавшись на другом берегу, мы тут же стали искать ночлег. Остановили грузовик и стали расспрашивать водителя, как добраться до ближайшей гостиницы. Он долго оценивающе нас разглядывал, а затем с уверенностью сказал:

— «Бесони», конечно, «Бесони»!

Около «Бесони» мы обнаружили бензоколонку и тут же заправили не только бак, но и канистры. Делами гостиницы заворачивали два молодых человека.

— Мы предоставим вам номера, которые под стать махараджам, — с завидной самоуверенностью заявили нам молодые люди.

Правда, с ключами они не очень-то торопились. Наконец через полчаса нас ввели в номера. С первого взгляда нам стало ясно, что махараджи в этой гостинице никогда не останавливались: крошечные клетушки, в которые с трудом втиснули по две видавшие виды кровати. Окна в номерах были почему-то матовые, а в санузлах — удивительно прозрачные. На постелях лежали грязные одеяла серого цвета. В довершение ко всему мы узнали, что «ресторан» при отеле еще только строится и в ближайшие часы его торжественного открытия не ожидается. Голодные и усталые, нырнули мы под одеяла и тут же заснули.

Спали мы плохо. Комариные армады налетали одна за другой и всю ночь не давали нам покоя. Утром мы встали с головной болью, а в этот день нам предстояло проделать 90 километров до Хетауры по дороге, которая находится в начальной стадии строительства, а затем преодолеть Трибхуван — Раджпатх...

Наконец мы в Хетауде. Позади остались пройденные вброд реки, изнуряющие километры полного бездорожья, непрекращающийся ливень. Зато город встретил нас необыкновенно торжественно. Около храмов было многолюдно. По улицам прогуливались целые семьи непальцев. Причем у каждой наряд — будь то кофты, рубашки, штаны — одного цвета. Как бы маленькие отряды в своей собственной униформе. Впрочем, ничего загадочного тут нет. Скопив денег, бедняки обычно приобретают материю сразу на всю семью. Ведь чем больше метров ткани берет покупатель, тем большую скидку делает продавец. Жители южного го-

родка, видно, надели праздничные одежды, даже дети выглядели серьезными и, я бы сказал, степенными.

В тот день, 12 февраля, ровно в 11 часов 31 минуту, в Непал пришла весна. Не удивляйтесь этим часам и минутам: приход весны, как и все другие важные события в королевстве, происходит в строго определенное астрологами время. В соответствии с древним ритуалом именно в это мгновение в Катманду, в королевском дворце Хануман Дхока, под эхо ружейного салюта состоялось торжественное возложение королевского меча на специальный трон.

Первый день весны в Непале совпадает с еще одним популярным народным праздником — *Басант Панчами*, что означает «праздник знаний», и посвящается он богине Сарасвати. В этот день все непальцы — богатые и бедные, независимо от возраста, кастовой принадлежности и вероисповедания — направляются к храмам или просто изображениям Сарасвати, чтобы возложить к ногам богини цветы, фрукты, сладости.

До сих пор многие непальцы уверены, что в этот день, который считается также днем ее рождения, Сарасвати прилетает сюда на белом лебеде. Она — богиня школьников, студентов, писателей, поэтов, художников и музыкантов. В эту компанию интеллектуалов почему-то попадают также прядильщики и ткачи. Не случайно в этот день во всех домах почитаются чернила, книги, карандаши, ручки, перья и... инструменты для прядения и ткачества. По поверью, если дети начинают знакомство с грамотой в этот день, то они достигнут больших успехов в учении. Тысячи малышей собираются в городах и деревнях у храмов и на их стенах пытаются вывести первые буквы алфавита. Затем происходит самый ответственный момент: нужно разжевать, но ни в коем случае не проглотить несколько рисовых зернышек. Считается, что это возбуждает необыкновенную жажду знаний. Оказывается, праздник Басант Панчами также самый благоприятный день в году для свадеб. Браки, заключенные с благословения Сарасвати, — всегда счастливые.

В Хетауде нам посчастливилось купить свежего зеркального карпа. В непальских реках водится более ста видов рыб, в том числе форель, однако рыбных хозяйств в стране пока еще мало. В прудах разводится рыба, но в продажу она поступает довольно редко. Так что свежая рыба в Непале — деликатес.

Позади остались первые километры по Трибхуван — Раджпатху. Внизу проплывали облака... Дорога в этом месте очень узкая. Поэтому при разъездах приходится быть предельно внимательным. Встречные машины притормаживают в поисках более широкого участка дороги, затем одна осторожно объезжает другую, которая в это время застывает на месте. Иначе не миновать катастрофы. Вдоль дороги то и дело нам попадались изувеченные автомобили — следы недавних аварий. Постепенно к этому привыкаешь и даже перестаешь обращать на них внимание.

Какое-то время мы ехали по Трибхуван — Раджпатху. Приближалось обеденное время, и мы решили остановиться, чтобы приготовить рыбу (она могла испортиться в багажнике). Однако остановиться было негде — шоссе узкое, а селений по дороге не встречалось.

Наконец из-за поворота показалась деревушка, точнее, несколько глинобитных домишек. Прямо у шоссе стояли три двухэтажных домика. В двух из них разместились придорожные харчевни. Мы попросили у хозяина одной из харчевен разрешения воспользоваться очагом. Хозяин было согласился, но, увидев в кастрюле рыбу, с ужасом замахал на нас руками и даже близко не подпустил к своему «ресторану». Секрет «рыбофобии» раскрывался очень просто: хозяин оказался представителем тамангов. Ядро этой народности, среди которой есть и индуисты и буддисты, в далекие времена, судя по ее названию, составляли торговцы лошадьми. Та по-тибетски значит «лошадь», манг — «торговец». Истинный таманг никогда не позволит принести в дом или готовить в своем доме буйволятину, чеснок и крапиву, но в то же время он не откажется отведать их, если кулинарная обработка будет произведена на открытом воздухе или... в другом доме. Может быть, о рыбе в заповедях предков тамангов и ничего не сказано, однако лучше с богами не шутить. К счастью, на помощь нам пришел владелец другой харчевни. Мы поставили кастрюлю на глиняный очаг.

Пока рыба варилась, хозяин беседовал с нами. Из его рассказа мы узнали, что в отличие от своего соседа, который всю жизнь безвыездно провел в этой затерявшейся в горах деревеньке и свято соблюдал обычаи предков, он успел послужить в армии, побывать на заработках в Большой долине, многое повидал и теперь на религиозные запреты смотрит сквозь пальцы. Хо-

зяин этой харчевни готов был поделиться с нами даже солью, которая здесь дорого ценится.

В Хетауде, предвкушая вареную рыбу, мы пытались купить соль. Удалось раздобыть лишь горсточку каких-то крупных кристаллов грязно-серого цвета. И вот когда пришло время добавить в уху соль, хозяин сделал протестующий жест и побежал на второй этаж. Вскоре он вернулся с довольно увесистым камнем бурого цвета. Не успели мы и глазом моргнуть, как он разломил его на мелкие кусочки и бросил в нашу кастрюлю... Должен признаться, что рыба получилась удивительно вкусной...

Карабкаемся вверх и вверх. Минуем самый высокий перевал Даман, куда можно добраться на автомобиле, и перед нами открылась неповторимая картина. Весь северный склон горы был покрыт снегом. На белом фоне виднелись небольшие ярко-зеленые оазисы с огненно-алыми рододендронами.

Со смотровой площадки можно увидеть одновременно четыре восьмитысячника: Эверест (8848), Манаслу (8156), Чо Ойю (8153), Дхаулагири (8172). К сожалению, в тот день была такая сильная облачность, что видимость ограничивалась буквально сотней метров.

После перевала наш путь лежал все время вниз, в Катманду, до которого оставалось каких-то километров восемьдесят. Вечерело. Встречных машин нет: не каждый отважится ехать по Трибхуван — Раджпатху ночью. Раньше это вообще запрещалось. Сейчас при выезде на горную магистраль шофера предупреждает огромный плакат: «Водитель, проверь тормоза».

Вот и последние километры, последние головокружительные повороты, подъемы и спуски. Мы снова в Большой долине. Кольцо замкнулось. На счетчике — 796 километров — путь, пройденный за три дня. Вроде бы и не такое уж длинное путешествие мы совершили (по прямой этот путь составляет всего 400 километров). Однако в Гималаях прямых магистралей нет, да и нынешний серпантин автомобильных дорог появился совсем недавно. Если бы я вздумал совершить подобное путешествие в 1965 году, в период первой командировки в Непал, то на этот путь ушло бы не три дня, а не менее трех месяцев — не случайно в непальских Гималаях до сих пор расстояние измеряют не километрами, а днями пути.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, перевернута последняя страница путевых очерков В. И. Манвелова. Вместе с их автором читатель совершил путешествие в Непал — страну заоблачных вершин, головокружительных троп и стремительных потоков, край живописных ущелий и долин, самый воздух которых кажется наполнен ароматом легенд и преданий. Многие из них пересказываются в книге. В ней дается также описание религиозных праздников, повествуется об астрологах, садху, священнослужителях, продолжающих играть заметную роль в повседневной жизни непальцев. Вместе с автором читатель «прикоснулся» к поражающим воображение храмам Сваямбхунатх и Пашупатинатх, Боднатх и Ньятапола, посетил непальские деревни и города.

Обо всем этом повествуется столь по-журналистски свежо и непосредственно, что мне, профессионально знающему Непал и не раз в нем побывавшему, вновь захотелось окунуться в сутолоку средневековых улочек старого Катманду, смешаться с толпой, наблюдающей за заклинателем змей, или оказаться возле саньяси («святого человека»), готового за рупию предсказать судьбу.

Чувство сопричастности тому, о чем рассказывает автор, внушает уверенность в полезности проделанной автором работы: она содержит необходимую информацию, а следовательно, выполняет свое назначение. Важно и то, что автор стремится выяснить некоторые причины отсталости Непала. Одну из них он справедливо усматривает в более чем столетней изоляции страны от внешнего мира, искусственно созданной узурпировавшим власть феодальным семейством Рана.

...Да, нелегким был исторический путь страны в Гималаях. Как единое государство, Непал появился на политической карте мира во второй половине XVIII века. До этого на его территории в нынешних границах были расположены десятки (до шестидесяти) мелких и мельчайших княжеств. Они были объединены Притхви Нараян Шахом — правителем княжества Горкха, расположенного западнее долины Катманду.

Не успев еще окрепнуть, Непал столкнулся с английскими коло-

низаторами, территориальные владения которых на Индостане пришли в непосредственное соприкосновение с южными границами гималайского государства. Британские власти очень быстро оценили всю важность стратегического положения Непала для осуществления дальнейших захватов в этом районе Азии. Чтобы насильственно «открыть» эту страну и подчинить своему диктату, англичане 1 ноября 1814 года объявили Непалу войну. В 1816 году стране был навязан неравноправный договор. Его важнейшим политическим условием являлся допуск в непальскую столицу английского резидента. Под контроль британских властей была поставлена внешняя политика Непала, которому запрещалось вступать в какие-либо отношения с иностранными государствами. Но и после войны непало-английские отношения оставались натянутыми. Чтобы укрепить свои позиции, англичане прибегли к своему испытанному методу «разделяй и властвуй». Воспользовавшись обострением соперничества между различными фракциями господствующего класса, они поддержали феодальное семейство Рана. В ночь с 14 на 15 сентября 1846 года Джанг Бахадур Рана совместно со своими братьями организовал резню во дворце, в результате которой были уничтожены представители наиболее влиятельных политических группировок и путь семейству Рана к власти был открыт. Правителя Непала (махараджадхираджа) низвели до положения номинального главы государства, и вся полнота власти сосредоточилась в руках Рана. Должность премьер-министра и другие высшие посты превратились в наследственную привилегию одного феодального семейства.

Вся деятельность Рана целиком и полностью была направлена на то, чтобы нажить как можно больше богатства. Существовавшая при них государственная структура служила личным целям и интересам наследственного премьер-министра и его ближайшего окружения. По подсчетам непальского историка Д. Г. Регми, ежегодный доход членов семейства Рана, превративших высшие государственные посты в свою наследственную привилегию, составлял 70 млн. рупий. Более половины этой суммы шло премьер-министру. За столетие своего правления Рана присвоили не менее 2 млрд. рупий. Свои капиталы они переводили за границу. Это обескровливало экономику Непала, лишало его средств, столь необходимых для развития производительных сил.

Стремясь закрепить и упрочить свою власть, наследственные премьер-министры взяли курс на сотрудничество с английскими колониальными властями. В закреплении и упрочении английского господства над Индией Рана усматривали одно из важнейших условий сохранения собственных позиций. В свою очередь, английские колонизаторы безоговорочно поддерживали Рана и созданную ими систему наследования.

Чтобы доказать свою верность британской короне, Джанг Баха-

дур Рана в помощь английским властям для подавления индийского народного восстания 1857—1859 годов направил двенадцатитысячную армию.

Англичане пришли к выводу, что Непал следует сохранить в виде зависимого от Англии буферного государства, служащего важным источником людских ресурсов для британской колониальной армии. Это определило английскую политику в отношении Непала на весь последующий период.

Для получения надежных солдат английские власти сосредоточили свои усилия на том, чтобы изолировать Непал от Индии, а непальский народ от влияния индийского национально-освободительного движения. Этому же хотели Рана, которые на примере индийского восстания 1857—1859 годов убедились, какую опасность таит в себе выступление народа. На основе изоляции Непала от внешнего мира между английскими колонизаторами и семейством Рана была заключена сделка, обеспечивавшая поступление людских ресурсов для английской колониальной армии и жестокую эксплуатацию народных масс горсткой непальских феодалов.

Если я рискнул добавить эти сведения к тем, которые содержатся в книге, то только для того, чтобы читатель смог лучше представить те трудности, которые преодолевает Непал на пути ликвидации отсталости.

Решающее влияние на судьбы непальского народа оказали события, развернувшиеся в колониальном мире после второй мировой войны. Великий процесс возрождения Востока захватил и Непал. Распад колониальной системы и прежде всего провозглашение независимости соседней Индии оказали большое влияние на внутреннюю обстановку в Непале. Антираиистские силы, заручившись ее поддержкой, активизировали свою борьбу.

В 1951 году режиму наследственных премьер-министров был положен конец. Непал покончил с внешнеполитической изоляцией и вышел на международную арену в качестве миролюбивого независимого государства. «Закон 1951 г.» отменил привилегии одной группы лиц и провозгласил равенство непальцев перед законом, декларировал их основные права и свободы, включая право на создание политических организаций.

Однако в условиях отсутствия достаточного политического опыта у активной части населения, исключительной слабости местной буржуазии и малочисленности рабочего класса, господства традиционных институтов и представлений непальская политическая система за десятилетие трансформировалась в особый вариант режима личной власти. 15 декабря 1962 г. вступила в силу действующая и поныне новая конституция. Согласно Конституции (ст. 20), вся власть в государстве — исполнительная, законодательная и судебная — принадлежит королю, исходит от него и осуществляется им

через органы, предусмотренные конституцией или любимыми другими действующими законами. Предусматривается, что высшую исполнительную власть король осуществляет либо непосредственно, либо через министров и других должностных лиц, подчиненных ему.

В соответствии с конституцией, на протяжении последующих нескольких лет происходило формирование *панчаятов* — местных органов самоуправления (панчаяты деревень, городов, дистриктов, зон). Вместо распущенного парламента был создан Национальный панчаят. Его права значительно ограничивались. Ни один законопроект или дополнение к нему не могли приобрести силы закона без одобрения короля, так же как без предварительной санкции короля на сессии Национального панчаята не могли обсуждаться законопроекты, касающиеся финансовых вопросов и строительства вооруженных сил. Национальный панчаят формировался на основе косвенных выборов (при весьма ограниченном числе выборщиков). Король получил право назначать в состав Национального панчаята определенное число членов. Деятельность партий была запрещена.

Объективные потребности преодоления отсталости побуждали правительственные круги Непала предпринять ряд мер, которые содействовали бы устранению наиболее одиозных пережитков феодализма в сфере социально-экономических отношений. В 1963 году был принят закон об аграрной реформе. Он предусматривал упразднение крупного помещичьего землевладения, устанавливал потолок владения землей. Излишки помещичьей земли подлежали изъятию с выплатой компенсации. Изъятые земли предназначались для распродажи крестьянам в рассрочку. Земля подлежала выкупу в течение 10 лет. Закон предусматривал ряд мер по улучшению положения арендаторов: запрещалось взимание арендной платы свыше 50% урожая, сгон арендаторов с земли и т. д. Проведение реформы должно было осуществляться поэтапно и было рассчитано на длительный срок.

В 1963 году был обнародован «Новый свод законов» («Мулуки аин»), предусматривавший запрет различных повинностей и форм принудительного труда, унификацию административной структуры и системы управления снизу доверху, отмену кастовых ограничений и т. д.

Осуществлялись меры по повышению грамотности населения и развитию системы образования. По данным Центрального статистического бюро Непала, уровень грамотности возрос с 6% в 1950 году до 23,3% в 1983 году. По данным на 1981 год, в стране насчитывалось 10340 начальных школ, 335 неполных средних и 918 средних школ с числом учащихся соответственно 1142 тысяч, 414 тысяч и 144 тысячи. Школу посещает свыше 70% детей школьного возраста. В 1959 году открылось в Непале высшее учебное заведение — Трибуванский университет.

В 1971 году была принята реформа образования, затронувшая все уровни образования — начальное, среднее, высшее. Основная задача реформы состояла в том, чтобы добиться соответствия между подготовкой специалистов по количеству и специализации.

С 1958 года в Непале функционирует Королевская академия, в которой проводятся исследования по гуманитарным наукам, прежде всего в области истории и филологии.

Заметные сдвиги произошли в экономической инфраструктуре. Общая протяженность автодорог возросла с 376 километров в 1950 году до 5270 километров в 1982 году (в том числе 2322 километра с твердым покрытием).

Применяются рычаги государственного регулирования и стимулирования экономического роста. В стране возросло количество предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. В ходе реализации планов развития появился государственный сектор.

Следует подчеркнуть, что некоторый рост производства происходил прежде всего за счет иностранной помощи. Так, из анализа государственного бюджета на 1984/85 ф. г. следует, что выполнение основных проектов на 68% зависит от иностранной помощи.

Несмотря на отмеченные сдвиги в экономической и социальной областях, Непал остается одной из наименее развитых стран мира.

Доход на душу населения составляет всего 170 долларов в год. По данным Центрального статистического бюро Непала, ежегодные темпы прироста валового внутреннего продукта в стране за пятнадцать лет (1965—1980 гг.) составляли всего 2,0%, заметно отставая от темпов прироста населения — 2,66%. За первые три года VI пятилетнего плана (1980—1985 гг.) темпы роста ВВП несколько возросли и достигли в среднем 3,5%, однако оставались ниже запланированных.

Не менее 60% непальцев проживает ниже официального уровня бедности. Развитие капиталистической инфраструктуры не оказало заметного влияния на отраслевые пропорции общественного производства. По официальным данным, в сельском хозяйстве занято свыше 83% семей. Сельские жители составляют 94% населения страны. Сельское хозяйство дает 65% ВВП и около 80% экспорта и в решающей степени определяет экономическое положение. В то же время — это наиболее отсталая отрасль экономики. Попытки интенсифицировать сельскохозяйственное производство путем ирригации, освоения новых земель, повышения уровня агротехники не дали ощутимых результатов. В 1971—1981 годах ежегодный прирост продовольствия составлял всего 0,7%, т. е. был ниже темпов роста населения.

Широкие круги непальской общественности приходят к выводу, что основная причина кризисного состояния сельского хозяйства кроется в самой системе аграрных отношений, характерными чертами

которой являются сохранение помещичьего землевладения и мелкого крестьянского землепользования, засилье ростовщического капитала, преобладание малопродуктивных мелких арендаторских хозяйств.

Социальная неустроенность широких народных масс осложняет политическую ситуацию в стране. Как известно, весной 1979 года страну охватили демонстрации и забастовки студентов и другой учащейся молодежи, мелких служащих, лавочников, части интеллигенции, требовавших демократизации политической и общественной жизни, действенных мер борьбы с безработицей, растущей дороговизной, коррупцией в государственном аппарате. В деревне участились выступления батраков, арендаторов, особенно сельскохозяйственных рабочих.

Чтобы разрядить обстановку, король Бирендра (он вступил на престол в 1972 году) объявил в начале мая 1979 года национальный референдум. Всем участникам предлагалось путем прямого и тайного голосования ответить на вопрос, какую реформу существующей общественно-политической системы они желают: должна ли эта реформа включать легализацию партийной деятельности или оставить в силе введенный в 1962 году запрет на партии и политические организации.

Сторонники реформ в рамках беспартийной системы получили незначительное большинство голосов — 55%.

Такой исход референдума политические обозреватели ведущих непальских газет в большинстве случаев объясняли тем, что к голосованию были допущены лица, достигшие 21 года, а не 18 лет, как того требовали сторонники восстановления многопартийной структуры. Утверждалось, что ее противники, пользуясь покровительством властей, имели гораздо больше возможностей для разъяснения и распространения своих взглядов. К тому же, под угрозой увольнения и других санкций в пропагандистских кампаниях запрещалось участвовать служащим учреждений и предприятий госсектора, учителям, преподавателям университета и колледжей, многие из которых поддерживали экономические и политические требования студентов.

15 декабря 1981 года король обнародовал декларацию, в которой содержались поправки к конституции. В стране отменялась многоступенчатая система выборов в Национальный панчаят (НП) и вводились прямые всеобщие выборы, которые будут проводиться один раз в пять лет. Предусматривается, что премьер-министр будет избираться Национальным панчаятом и лишь затем утверждаться главой государства.

Отныне премьер-министр и все министры несут коллективную ответственность за осуществление вверенных им исполнительных функций не перед королем, а перед Национальным панчаятом.

За королем сохраняются высшие прерогативы исполнительной,

законодательной и юридической власти. Продолжает существовать положение, согласно которому все законопроекты перед их вынесением на обсуждение должны быть переданы на одобрение королю, а затем и на утверждение.

Значительно расширены права главы государства в случае чрезвычайных обстоятельств. Король, если придет к выводу, что «создались чрезвычайные обстоятельства и стране или любой ее части угрожает война, внешняя агрессия или внутренние волнения», может прервать действие статей о выборности премьер-министра и осуществлять непосредственно его функции, распустить НП и назначить Совет министров по своему усмотрению. Накопленный опыт свидетельствует о том, что в этих условиях возможности реализации поправок к конституции весьма ограничиваются.

Советский Союз с пониманием относится к проблемам Непала. Установленные 20 июля 1956 года дипломатические отношения между Советским Союзом и Непалом положили начало плодотворному сотрудничеству между двумя странами.

Наши страны и народы всегда отличала взаимная симпатия. СССР с большим сочувствием следил за борьбой непальского народа, направленной на утверждение независимости, преодоление искусственной изоляции страны от внешнего мира и ее тяжелых последствий в политической, социальной и экономической областях. Со своей стороны видные деятели Непала неизменно отмечали, какое огромное влияние на освобождение народов колониальных и зависимых стран, на утверждение их суверенитета и развитие оказала Великая Октябрьская социалистическая революция — пример Страны Советов, первого социалистического государства, помощь и поддержка с его стороны.

Во время официального визита в Советский Союз в 1976 году король Бирендра, оценивая это событие, говорил, что народы наших стран совместно участвовали во второй мировой войне. Героизм и патриотизм советского народа в этой войне произвели глубокое впечатление на народ Непала. Непал пробудился для свободы, стремясь к постепенному расширению своих горизонтов. В этих условиях было естественным стремление наших стран к сотрудничеству друг с другом.

Справедливость этих слов подтверждается всем опытом тридцатилетнего многостороннего сотрудничества, в том числе и в экономике. Вместе с автором читатель посетил государственные предприятия, построенные в Непале при содействии Советского Союза, — сигаретную фабрику в Джанакпуре, сахарный завод и завод сельскохозяйственных орудий в Биргандже, гидроэлектростанцию в Панаути. Эти и другие предприятия, введенные в строй в результате реализации советско-непальских соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве, стали ведущими предприятиями страны.

Они играют важную роль в укреплении экономической самостоятельности Непала, создании и использовании отечественной сырьевой базы. Большое значение имеет также помощь Советского Союза в дорожном строительстве и подготовке непальских национальных кадров.

Развитие советско-непальских связей, обмен делегациями позволяют все полнее информировать широкие круги общественности обеих стран о жизни советского и непальского народов.

Читателю, вероятно, будет интересно узнать, что в 1925 году в СССР впервые после Великой Октябрьской социалистической революции был опубликован материал о Непале; он был посвящен законодательству о рабстве в этой стране. Однако информирование советских людей о происходящих в Непале событиях было трудным делом. При содействии своих английских покровителей наследственные премьер-министры ревниво оберегали от взоров иностранцев превратившиеся в анахронизм деспотические порядки. Стране в Гималаях еще предстояло пройти долгие годы испытаний, чтобы закончить с ранами и изоляцией от внешнего мира.

По данным справочника «Библиография Непала», подготовленного Институтом научной информации и Институтом востоковедения АН СССР, в нашей стране с 1951 по 1967 год издано около трехсот работ о Непале — книг, брошюр, статей, очерков — на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, узбекском, таджикском, казахском, латышском и литовском языках. К настоящему времени, по нашим подсчетам, их уже насчитывается более пятисот. Среди публикаций о Непале заметное место принадлежит путевым очеркам и другим описаниям этой страны, авторы которых испытывают потребность поделиться с читателем накопленными впечатлениями об этой стране и ее народе.

В памятках для туристов, которые вручают иностранцам, прибывающим в Катманду, можно прочитать: «Посетите Непал! Если вы уже побывали в этой стране, то спешите посетить ее снова. Ведь Непал — это прошлое в настоящем».

Прошлое еще гнездится в сегодняшней жизни страны. Но не оно определяет ее настоящее и тем более будущее. Стрелки часов истории и здесь, в Непале, ускорили свой бег. Распахнув окно в мир, непальцы полны решимости преодолеть отсталость и выйти на широкую дорогу прогресса. Путевые впечатления автора этой книги — еще одно тому подтверждение.

И. Б. Редько

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Из XXI века в XIII	3
В долине Катманду	13
Встреча в горящих джунглях	20
Национальные парки Непала	26
Глава 2	
Здесь родился Будда Шакья-Муни	34
Буддийское святилище	40
На поклон к Шиве	46
Глава 3	
Флоренция Востока	52
Как появился Патан	62
Катманду сегодня	66
Второе рождение	72
Глава 4	
Прошлое и настоящее	82
Глава 5	
Новый год без елки и Деда Мороза	92
Живая богиня	98
Праздник в Большой долине	102
Панчак Яма	108
«Навсегда вместе, как небо и земля...»	115
Из поколения в поколение	127
Глава 6	
Победившие себя	131
«Потому что он есть»	174
«Горы покорить нельзя...»	183
Два интервью	198
Потомок «снежного человека»	206
Глава 7	
По дорогам Непала	213
Послесловие (И. Б. Редько)	231

Владимир Иванович Манвелов

В СТРАНЕ ЗАОБЛАЧНЫХ ВЕРШИН

Издание 2-е, дополненное

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *И. Н. Соколова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

ИБ № 15539

Сдано в набор 02.07.85. Подписано к печати
13.02.86. А-04196. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага ти-
пографская № 2. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 12,6+0,84 вкладки на
мелобанной бумаге. Усл. кр.-отг. 18,17. Уч.-изд.
л. 14,57. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5931.
Зак. № 541. Цена 65 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в 3-й типографии издательства
«Наука», 107143, Москва Б-143, Открытое
шоссе, 28

Отпечатано с готового набора в 1-й ти-
пографии Профиздата, 109044, Москва,
Крутицкий вал, 18. Зак. 436.

